

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс★*Пи*
Научный журнал

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHIOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

№13 (2013)

Дискурс мобильности

IP&L INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс★*Пи*
Екатеринбург – 2013

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★*Пи*

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи

Научный журнал

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ

ISSN 1817-9568

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ДИСКУРС-ПИ»
№ 13 (2013) ДИСКУРС МОБИЛЬНОСТИ

Учредитель

Уральское отделение Российской академии наук
Институт философии и права УрО РАН

Издатель

Издательский Дом «Дискурс-Пи»

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
на адрес редакции**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л.М. Андриюхина – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Е.Г. Дьякова – д.полит.н. (г. Екатеринбург, Россия)

Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор (г. Челябинск, Россия)

К.В. Киселев – к.ф.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)

Е.А. Кожемякин – д.ф.н., профессор (г. Белгород, Россия)

Н.А. Комлева – д.полит.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

О.В. Коркунова – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

В.О. Лобовиков – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

В.С. Мартьянов – к.полит.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)

С.В. Мошкин – д.полит.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

К.С. Романова – к.ф.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)

В.М. Русаков – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

О.Г. Скворцов – к.филол.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)

А.В. Сперанский – д.и.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Д.Л. Стровский – д.пол.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Е.М. Сурика – зав. науч. библиотекой Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

А.Д. Трахтенберг – к.полит.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)

И.Б. Фан – д.полит.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)

Л.Г. Фишман – д.полит.н. (г. Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.В. Алексеев – академик РАН, д.и.н. (г. Екатеринбург, Россия)

Е.Т. Артемов – д.и.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

В.Г. Богомяков – д.ф.н., профессор (г. Тюмень, Россия)

М.В. Ильин – д.полит.н., профессор (г. Москва, Россия)

А.Д. Королев – гл. уч. секретарь РФО, к.ф.н. (г. Москва, Россия)

К.Н. Любутин – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

М.А. Малышев – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика)

О.Ю. Малинова – д.ф.н., профессор (г. Москва, Россия)

А.В. Перцев – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

В.И. Разумов – д.ф.н., профессор (г. Омск, Россия)

В.Н. Руденко – член-корреспондент РАН, д.ю.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Ю.К. Саранчин – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Л.Н. Синельникова – д.филол.н., профессор (г. Луганск, Украина)

Е.А. Степанова – д.ф.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)

Л.Н. Тимофеева – д.полит.н., профессор (г. Москва, Россия)

В.Е. Хвощев – к.и.н., профессор (г. Челябинск, Россия)

М.А. Фадеичева – д.полит.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)

А.Н. Чумаков – первый вице-президент РФО, д.ф.н., профессор (г. Москва, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е.Г. Грибовод – ответственный секретарь

Р.А. Зайнетдинова – к.ф.н., секретарь-координатор

Предисловие главного редактора

- О. Ф. Русакова**
Поворот к дискурсам мобильности
в современных исследованиях..... 10

Дискурс мобильности

- М. В. Новак, Е. А. Кожемякин**
Движение как метафора
в консьюмеристском дискурсе
современной культуры..... 12

- О. Ф. Русакова**
Метафорика и концептосфера
дискурса мобильности..... 19

- К. С. Романова**
Новые формы мобильности в травелогге..... 26

- В. М. Русаков**
Homo viator –
через призму его травелогов
на рубеже XX–XXI вв. 31

- Е. Д. Кочнева**
Современные тренды
студенческой мобильности 36

- Я. Ю. Моисеенко**
Мобильность как фактор
политической социализации индивида..... 40

Антропология

- В. Н. Железняк, В. С. Железняк**
Поэтический дискурс
экзистенциальной коммуникации 44

- Н. В. Тищенко**
Трансформация дискурсов
о тюремной субкультуре
в российской художественной литературе..... 50

- А. И. Матвеева**
Социальная ответственность личности
в духовном измерении 56

Геополитика

- Н. А. Комлева**
Сирийский кризис:
нефтегазовые причины и следствия
геополитической мобильности 60

Парадигмы и процессы

- В. С. Мартьянов**
Трансформация факторов развития
северных городов России:
внутренние миграции
и диверсификация ресурсов 66

- Б. В. Емельянов, О. Б. Ионайтис**
Препятствует ли цензура
мобильности русской общественной мысли? .. 74

- О. Ф. Русакова**
Концепт и стратегия креативного города 78

- А. С. Исаков**
Дискурс адаптивности в исламе:
от исламизации к реваншу 83

Тропы метода

- А. А. Хмелинин, О. Ф. Русакова**
Идеологическая мобильность
современного неолиберализма:
методологический анализ..... 88

- Ю. К. Саранчин**
Синергетический подход
к социокультурной реальности
постсоветского общества 92

Политические технологии

- Ю. В. Киселев**
Некоторые эффекты выборов
главы Екатеринбурга..... 98

- С. В. Мошкин**
Уральская республика. Хроники 103

Новости МАДИ

Презентация 11–12 выпусков
научного журнала «Дискурс-Пи» 108

Принятие в МАДИ новых членов 109

Энциклопедия «Дискурсология»

Е. В. Белоглазова

Полидискурс(ив)ность 110

М. В. Гаврилова

Послание Федеральному Собранию 111

Программа политической партии 112

Парламентский дискурс 113

Президентский дискурс 114

Дискурсивный портрет В. В. Путина 114

Инаугурационная речь 115

Когнитивные исследования
политического дискурса 116

Е. Г. Грибовод

Медиадискурс 118

Интернет-дискурс 118

Социально-политическое проектирование 119

Е. А. Кожемякин

Дискурсивная компетентность 121

Дискурсивный подход к изучению культуры 121

Когерентность дискурса 123

Религиозный дискурс 124

Субъект дискурса 125

Юридический дискурс 126

Е. А. Кротков

Аргументация 127

Идентифицирование 128

Квалифицирование 129

Объяснение 130

Прогнозирование 132

Рассуждение 133

Регулятивные принципы
научного дискурса 134

Формы и уровни научного дискурса 136

Е. А. Кротков, Е. А. Кожемякин

Дискурс толерантности 137

Научный дискурс 138

Социально-исторический дискурс 140

О. Ф. Русакова

Презентационный дискурс 141

Дискурс глэм-культуры 143

Рецензии и рефераты

А. Маркелова, Т. Носова

Жестокая правда о «мягкой силе» 146

Эссе

К. С. Романова

Мифические образы и реальность
в травелогге и его литературном аналоге 149

DISCOURSE-P
Дискурс*Му
Scientific journal

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

SCIENTIFIC JOURNAL
«DISCOURSE-P»
№ 13 (2013) DISCOURSE OF MOBILITY

Founded by
Ural Department of Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy and Law

Publisher
Publishing House «Discourse-P»

Certificate of Registration
ПИ № ФС77-54425 of 10.06.2013

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*МУ

ISSN 1817-9568

© LLC «Publishing House «Discourse-P», 2013

EDITOR-IN-CHIEF

O. F. Ruskova – Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

L. M. Andriuhina – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)

E. G. Djakova – Dr.Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)

J. G. Ershov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)

S. G. Zyryanov – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Chelyabinsk, Russia)

K. V. Kiselev – Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)

E. A. Kozhemjakin – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Belgorod, Russia)

N. A. Komleva – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)

O. V. Korkunova – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)

V. O. Lobovikov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)

V. S. Martjanov – Cand.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)

S. V. Moshkin – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)

K. S. Romanova – Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)

V. M. Rusakov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)

O. G. Skvortsov – Cand.Sc. (Philology), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)

A. V. Speransky – Dr.Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)

D. L. Strovsky – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)

E. M. Surina – manager of Science Library, Ural Department of RAS, Institute of Philosophy and Law (Ekaterinburg, Russia)

A. D. Trahtenberg – Cand.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)

I. B. Fan – Dr.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)

L. G. Fishman – Dr.Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

V. V. Alekseev – Member of RAS, Dr.Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)

E. T. Artemov – Dr.Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)

V. G. Bogomyakov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)

M. V. Iljin – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)

A. D. Korolev – Chief Secretary of RPS, Cand.Sc. (Philosophy) (Moscow, Russia)

K. N. Ljubutin – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)

M. A. Malyshev – Professor of Independent University of State of Mexico City (Toluca, Mexico)

O. J. Malinova – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Moscow, Russia)

A. V. Pertsev – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)

V. I. Razumov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor, (Omsk, Russia)

V. N. Rudenko – Corr. – Member of RAS, Dr.Sc. (Law), Professor (Ekaterinburg, Russia)

J. K. Saranchin – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)

L. N. Sinelnikova – Dr.Sc. (Philology), Professor (Lugansk, Ukraine)

E. A. Stepanova – Dr.Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)

L. N. Timofeeva – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)

V. E. Hvoshchev – Cand.Sc. (History), Professor (Chelyabinsk, Russia)

M. A. Fadeicheva – Dr.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)

A. N. Chumakov – First Vice-President of RPS, Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Moscow, Russia)

SECRETARY

E. G. Gribovod – Responsible Secretary

R. A. Zajnetdinova – Cand.Sc. (Philosophy), Secretary-co-ordinator

Editor's Preface

- O.F. Rusakova**
The Turn to Discourses of Mobility
in Contemporary Studies..... 10

The Discourse of Mobility

- M.V. Novak, E.A. Kozhemyakin**
The Turn to Discourses of Mobility
in Contemporary Studies..... 12

- O.F. Rusakova**
Metaphorica and Conceptosphere
of Mobility Discourse 19

- K.S. Romanova**
New Forms of Mobility In The Travelogue:
Downshifting and Traveliving 26

- V.M. Rusakov**
Homo Viator –
In The Light of It's Travelogue
on the Bordeline of XX–XXIth Centuries..... 31

- E.D. Kochneva**
Contemporary Trends
of Student Mobility 36

- Y.Y. Moyseenko**
Mobility As A Factor
of Political Socialization of Individual 40

Anthropology

- V.N. Zhelezniak, V.S. Zhelezniak**
Poetic Discourse
of Existential Communication 44

- N.V. Tishchenko**
The Transformation of The Discourse
of The Prison Subculture
in Russian Literature 50

- A.I. Matveeva**
Social Responsibility of The Personality
in Spiritual Measurement..... 56

Geopolitics

- N.A. Komleva**
Syrian Crisis:
Causes and Effects of Oil- Gas Geopolitical
Mobility..... 60

Paradigms and Processes

- V.S. Martianov**
Transformation of the Development Factors
of The Russian Northern Cities:
Internal Migrasion
and Resources Divirsification 66

- B.V. Emelyanov, O.B. Ionaitis**
Does The Censorshop Prevent From The Mobility
of Russian Social Thought? 74

- O.F. Rusakova**
The Concept and The Strategy of The Creative
City..... 78

- A.S. Isakov**
The Discourse of Adaptability in Islam:
from Islamization for Revengey 83

Tropes of Method

- A.A. Khmelinin, O.F. Rusakova**
Ideological Mobility of Contemporary
Neoliberalism:
Methodological Analysis 88

- Y.K. Saranchin**
Synergetic Approach
to Sociocultural Reality
of Post-Soviet Society..... 92

Political Technologies

- K.V. Kiselev**
Some Effects of Mayoral Elections
in Yekaterinburg 98

- S.V. Moshkin**
Urals Republic. Chronocles 103

News of IADR

Presentation of 11–12 Issues
of the Scientific Journal «Discourse-P» 108

The Admission of New Members to IADR 109

Encyclopedia «Discoursology»

E. V. Beloglazova
Polydiscursivity 110

M. V. Gavrilova
Address to the Federal Assembly 111

The Program of a Political Party 112

Parliamentary Discourse 113

Presidential Discourse 114

Discursive Portrait of V. V. Putin 114

Inaugural Speech 115

Cognitive Studies
of Political Discourse 116

E. G. Gribov
Mediadiscourse 118

Internet Discourse 118

Socio-political Engineering 119

E. A. Kozhemyakin
Discourse Competence 121

Discursive Approach to the Study of Culture ... 121

Coherence of Discourse 123

Religious Discourse 124

The Subject of Discourse 125

Legal Discourse 126

E. A. Krotkov
Argumentation 127

Identifying 128

Qualifying 129

Explanation 130

Prediction 132

Discourse 133

Regulative Principles
of Scientific Discourse 134

Forms and Levels of Scientific Discourse 136

E. A. Krotkov, E. A. Kozhemyakin
Discourse of Tolerance 137

Scientific Discourse 138

Socio-Historical Discourse 140

O. F. Rusakova
Presentation Discourse 141

Discourse of Glam-Culture 143

Reviews and Abstracts

A. Markelova, T. Nosova
The Hard Truths About Soft Power 146

Essay

K. S. Romanova
Mythological Images and Reality
in the Travelogue and in It's Literary Analogy ... 149

ПОВОРОТ К ДИСКУРСАМ МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Русакова Ольга Фредовна

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
зав. отделом философии, доктор политических
наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Дорогие читатели!

В современной литературе все чаще встречается понятие «мобильный поворот» (mobility turn), с которым связано придание особой значимости феномену возрастания подвижности людских и вещественных потоков в процессе возникновения новых конфигураций социального пространства и времени.

В новейших гуманитарных исследованиях феномен мобильности рассматривается в качестве атрибутивного свойства процесса глобализации и важнейшей характеристики общества постфордистского типа. Благодаря работам З. Баумана, М. Кастельса, Дж. Урри, Т. Крессвелла и др. такие понятия как «текущая современность», «потоки», «сети», «пространственно-временная мобильность» обрели статус научных категорий и стали основой построения новых социальных теорий и концепций.

Современные теоретические портреты мобильности различаются методологической оптикой, дисциплинарными подходами и приоритетными объектами исследования. Согласно известному британскому социологу Джону Урри дискурсы мобильности должны встать во главу угла новой дисциплины – социологии мобильности. Фокус внимания социологии, считает Урри, сегодня перемещается от изучения устойчивых социальных образований к исследованию взаимосвязей и констелляций различных видов и типов мобильности. Другой британский исследователь – Тим Крессвелл – предлагает рассматривать дискурсы мобильности в контекстах смысловых полей дискурсов власти, репрезентаций и социальных идентификаций. Автор выделяет грани политики мобильности, рассматривает категории, позволяющие комплексно подойти к рассмотрению данной категории.

Особый интерес у современных исследователей вызывают такие виды мобильности как Интернет-мобильность, коммуникативная мобильность, транспортная мобильность, мобильность городской среды, миграция, туризм, академическая и гендерная мобильность.

Кроме того, исследования мобильности (mobility studies) включают в свою предметную область сравнительное изучение социально-пространственной и культурной мобильности разных исторических эпох, стран и народов. При выявлении инфраструктур различных исторических типов мобильности выделяются, к примеру, конная инфраструктура, характерная для мобильности эпохи Средневековья, железнодорожная инфраструктура, олицетворяющая мобильность индустриальной эпохи, автомобильная, авиационная и сетевая инфраструктуры, репрезентирующие мобильность современного типа.

Значительное внимание в mobility studies уделяется антропологическим аспектам мобильных коммуникаций, что находит свое отражение в новых понятиях, таких как «homo mobilis» (человек мобильный), «человек-турист», «третий

объект» (гибрид мобильного средства и человека), «мотильность» (личностная предрасположенность или неперасположенность к мобильности), «глобтроттер» (многопутешествующий человек). Исследователи нарративов и дискурсов мобильности отмечают их определенную идеологическую заданность либеральными установками, в основе которых лежит представление о мобильном образе жизни. как о жизни свободного человека в свободном обществе. Человек данного типа открыт для межкультурных и иных транснациональных коммуникаций, свободно передвигается по миру, ориентируется в глобальном рыночном пространстве, в новых информационных технологиях, плотно включен в социальные и транспортные сети.

В настоящем выпуске журнала «Дискурс-Пи» читатели смогут познакомиться с самыми различными видами и способами интерпретации мобильности как феномена социальной реальности и как дискурсивной формации. Ряд авторов сосредоточили свое внимание на метафорике, концептосфере, консьюмеристских и эротических характеристиках дискурса мобильности (М.В. Новак, Е. А. Кожемякин, О.Ф. Русакова). Предметом специального анализа стали отдельные виды социальной мобильности, такие как студенческая мобильность (Е.Д. Кочнева) и политическая социализация (Я.Ю. Моисеенко). В плане продолжения ведущихся на протяжении нескольких лет исследований дискурса травелога мобильность раскрывается посредством анализа особых типов путешествующих субъектов (К.С. Романова, В.М. Русаков). Кризисным, экономическим аспектам геополитической мобильности посвящена

статья Н. А. Комлевой. В статье А.С. Исакова мобильность рассматривается через призму понятия адаптивности. Проблематика развития городов в контексте миграционной мобильности стала предметом специального исследования, представленного статьей В.С. Мартьянова. Необычный ракурс взаимосвязи цензуры и ментальной общественной мобильности получил свое освящение в работе Б.В. Емельянова и О.Б. Ионайтис.

В рубрике «Антропология» читатель найдет интересный анализ психологических характеристик измененного сознания (Булекбаев С.Б., Булекбаева Р.У., Хайруллаева В.Х.), познакомится с поэтикой дискурса экзистенциальной коммуникации (Железняк В.Н., Железняк В.С.), обратится к аналитике тюремного дискурса (Тищенко Н.В).

В представленном номере журнала мы продолжили практику публикации статей, которые предназначены для продолжающегося научного проекта, направленного на создание сетевого ресурса «Теория и методология дискурс-анализа в современном мире», включающего электронное издание энциклопедии «Дискурсология». А в рубрике «Рецензии и рефераты» с учетом подготовки к предстоящей в 2014 году международной конференции, посвященной дискурсу soft power, мы вновь решили обратиться к реферированию зарубежных работ по данной проблематике.

Для тех, кто интересуется вопросами становления российского федерализма в первой половине 1990-х годов, полезно будет ознакомиться со статьей С.В. Мошкина, раскрывающей хронологию политического оформления идеи Уральской республики.

THE TURN TO DISCOURSES OF MOBILITY IN CONTEMPORARY STUDIES

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
head of philosophy division,
doctor of political sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

УДК 304.4

ДВИЖЕНИЕ КАК МЕТАФОРА В КОНСЬЮМЕРИСТСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Новак Маргарита Владимировна,

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
ассистент кафедры философии и истории науки,
кандидат философских наук,
г. Белгород, Россия.
E-mail: novakmargarita@yandex.ru

Кожемякин Евгений Александрович,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
профессор кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью,
доктор философских наук,
г. Белгород, Россия.
E-mail: e.a.kozhemyakin@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается метафора движения как атрибут дискурса общества потребления в контексте современной культуры. Наблюдения за организацией городского быта и пространства, тенденциями в кинематографе, телевидении и в целом – в массовой культуре позволяют авторам сформулировать главный тезис: движение и связанные с ним характеристики репрезентируют идеи и ценности консьюмеристского общества и присущего ему дискурса, которые выражаются в поиске, соревновании, обретении успешности, статуса.

Ключевые слова:

консьюмеризм, движение, консьюмеристский дискурс, общество потребления, массовая культура.

На рубеже веков Россия вошла в новую систему идеологических и социокультурных отношений, характеризующуюся сильным влиянием консьюмеризма. Сформировавшееся на Западе в 1970-х гг. общество потребления достаточно успешно сегодня развивается и у нас, воспроизводя особый дискурс – идеологию, ценности, бытовую культуру, репрезентации модели поведения. Его характерные

черты – желание потреблять из всё более увеличивающегося разнообразия и количества продуктов и товаров, развлечений, услуг. Причём именно через объекты потребления человек обретает статус и вес в обществе, и даже, как утверждают многие социологи, собственную идентичность.

Вместе с традиционными ценностями российское общество всё более разделяет цен-

ности консьюмеризма – потребительской идеологии, которая, в свою очередь, репрезентирует свой образ в текстах культуры, используя как открытую демонстрацию своих ценностных компонентов, так и иносказательный, метафоричный язык.

Одной из метафор потребительской практики является метафора движения, используемая культурой в самом широком смысле. Перед нами – пространство культурных текстов, от динамично снятых кинофильмов и телепередач, музыки, до движущихся инсталляций, использования большого пространства в дизайне и архитектуре. Всё это может создавать как подобие хаоса, так и заключать в себе быструю смену эмоций и впечатлений, необходимую для современного потребителя культурного продукта. В этой статье мы опишем основные способы репрезентации ценностных ориентаций посредством метафоры движения в консьюмеристском дискурсе современной культуры.

Совершенно очевидно, что в разных странах процесс формирования консьюмеризма начался в разные временные периоды. Вначале консьюмеризм сформировался в США, затем – в Западной Европе (этот процесс пришёл на середину 1950-х), и такому порядку способствовал разный темп экономического восстановления после войны. Однако до сих пор нельзя с уверенностью утверждать, закончилось ли окончательно формирование общества потребления [1, с. 9]. В России формирование общества потребления стало возможным после перестройки и всех геополитических потрясений начала 1990-х. К концу 1980-х, как известно, большинство людей испытывали серьёзные затруднения в удовлетворении потребительских потребностей: даже простые продукты вроде сахара, мыла, крупы были дефицитом. Девяностые годы полыхнули разнообразием товаров, привезённых из-за рубежа, западными культурными продуктами, однако настоящее общество потребления только начинало формироваться. Итак, с точки зрения репрезентации консьюмеризма в текстах культуры можно рассматривать временной период – для Запада начиная с 1950-х годов, для России – с 1990-х.

Почему в поле функционирования консьюмеризма возникла именно эта метафора, ставшая идеологемой (т. е. смысловой единицей, хранящей суть идеологии)? На наш взгляд, этому есть логичное, «натуралистское» объяснение – живому организму естественным образом необходимо движение, чтобы потреблять ресурсы, необходимые для выживания. Использование ресурсов в живой природе влечёт за собой истощение среды, что и организует движение. Преобразованная в результате потребления среда является неизменным явлением, постоянно сопровождающим живой организм. Движение является естественным (само собой разумеющимся) феноменом как в примитивной, так и в развитой культуре, изменения касаются только лишь форм его репрезентации. Интересно, что способы семантизации движения имеют отношение к концептуальной составляющей дискурса определенной культуры, а в отношении консьюмеристского дискурса концепт «движение» является «программным», центральным, определяющим в значительной степени смысловое наполнение прочих его тематических элементов.

Консьюмеризм включает в себя игры со временем – недаром сейчас активно пропагандируется идея «вечной молодости», продления жизни, начиная от передовых медицинских технологий, пластических операций и заканчивая косметическими средствами и диетой. В таком дискурсе нет высказываний о том, для чего нужна долгая жизнь и в чём будет заключаться её ценность. Каждый субъект наполняет своим смыслом эту мечту, к которой человечество подошло вплотную. В то же время, в ценностях консьюмеризма лежит внешняя привлекательность человека, обязывая субъекта повседневно, каждый день великолепно выглядеть, находиться в центре внимания. Этот необходимый общественный успех, утверждение себя через социально привлекательный имидж, гламур позволяют субъекту чувствовать своё бытие. Ещё одна игра со временем – это ночная жизнь мегаполисов, где день, переходя в ночь, продляется до бесконечности, а отрицание сна есть отрицание смерти. Отчасти

мобильность и движение в ночном мегаполисе интенсифицируются: стихает рабочий ритм, зато появляется ритм дискотек, исчезает дорожный трафик, но появляются ночные гонки («стрит-рейсинг»).

Многие авторы отмечают, что общество потребления возникло одновременно с ростом и увеличением влияния массовых коммуникаций, развитой системой производства, индустрией и отозвалось расширением не только рынка товаров, но и рынка услуг, новыми потребностями людей в интенсивном развлечении, впечатлениях длительном насыщенном досуге. Иными словами, потребление – удел того общества, которое масштабно, развито, большую часть суток отдыхает, а не работает. Финансовая обеспеченность такого общества существенной роли не играет, подтверждением чему является феномен бедного потребления, характерный в том числе и для России. Учитывая эти условия, можно понять, что практика чрезмерного потребления зародилась в городах, в структуре культуры мегаполиса, на рубеже смены векторов развития «модерн-постмодерн», «индустриализм-постиндустриализм».

Современный крупный город – это сложная, динамичная система, в которой движение присутствует везде. Он предстаёт сплошным потоком семиотических структур. В городе-потоке есть и система магистралей, и улиц, электрокоммуникации, связь, водопровод и канализация, поток живых людей, транспорт, наконец, поток сознания, вырывающийся из средств массовой коммуникации. Мы оказались окружены обилием знаков, которые упорядочивают и регламентируют наше движение, и которые падают на нас как водопад – рекламные щиты, светофоры, пешеходные переходы, названия улиц, памятники, маршруты на картах, витрины и вывески. В нашем языке, вслед за изменением жизни появились и активно употребляются слова «трафик», «стрим», «пробка», «трансфер», «общественное движение/течение», «логистика», «мобильник/мобильность», «сверхскорость», «паркур», «перевозки», «доставка», «маршрутизатор»,

«навигатор». Появились игры, ориентированные на путешествие, ориентацию на местности и поиск каких-либо предметов. Факт отсутствия семейного автомобиля становится постыдным в массовом сознании.

В городской жизни прошлого и до сих пор в ряде традиционных культур в качестве обязательного присутствует некоторый статичный структурный элемент. Он задаётся «точками» пустоты или застройки – главной городской площадью, церковью, мимо которых субъект уже не может пройти, не задержавшись, и куда ведёт большинство городских дорог. В мусульманской культуре статика задаётся, возможно, не пространством, а временем – достаточно вспомнить шестикратный намаз, на время которого город замирает. Современный европейский житель мегаполиса фактически пересекает город насквозь (дорога от работы до дома может быть очень длинна), и точкой, способной его задержать, каждый день является супермаркет. Житель города увеличивает свою мобильность, приобретая готовые продукты питания, технику, предметы быта.

Б. В. Марков, отмечает, что жилище человека как феномен культуры недостаточно изучено в гуманитарных дисциплинах. А между тем, существует проблема «утраты дома», которая касается не только бездомных людей [2, с. 161]. Дом превращается в машину для жилья [2, с. 163], тем более это справедливо в наш технический век.

Проблема финансовой доступности жилья в городах заставляет россиян крепко держаться за свой дом, стараться максимально увеличить площадь своего проживания. Известно, что существует связь хранилищ, окружающих жильё, с оседлым образом жизни. Б. В. Марков убедительно показывает, что оседлость порождена аграрной культурой [2, с. 163]. Но за последнее десятилетие появляется и массово воспроизводится совсем другой, новый стиль жизни, присущий большим городам – мобильность, когда приезжие в город работники (умственного или физического) труда нанимают жильё, с которым расстаются со сменой работы, находясь в другой части города или в силу прин-

ципов «подвижной» карьеры. Мобильность – своеобразное стремление потреблять извне, из окружающей среды, активность, требование большего в жизненных установках.

Б. В. Марков признаёт, что наш современник детерриторируется, превращается в кочевника, а дом становится залом ожиданий, лишь с самым необходимым комфортом для «туриста»; в городах устанавливается скептическое отношение к почве [2, с. 164]. Автор уточняет, что постмодернизму становится свойственны замены декора дизайном, желание оторваться от фундамента, перестать ощущать земное притяжение, обрести мобильность. В современном дизайне теряется связь с природой, жильё перестаёт быть условной серединой между ней и субъектом [3, с. 173–174]. В итоге, мы встречаем парадокс: дом отрицается как наиболее спокойное и надёжное место, огораживающее субъекта от внешнего мира. Скорее, он – попутчик (если наделяется человеческими чертами) или средство передвижения (если воспринимается только как условие для поддержания жизни, как техническая её сторона). Распространённой становится культурная трактовка дома как «капсулы», микромира, в котором путешествует субъект. Наиболее «путешествующая» часть дома – кухня, где возможно не только сочетание разных продуктов из разных частей света, но и воспроизводство разной национальной кухни.

В современной бытовой культуре исчезла связь между понятиями «жить» и «хранить» – зато появилось понятие мобильности. Терпение, ожидание урожая – столь необходимые раньше условия для выживания – обращены в современном мире в ожидание знаков (по работам Ф. Гельдерлина) [2, с. 166]. Для этого у субъекта есть всевозможная техника: телефоны, радио, телевидение, такие объекты, как почта, что делает дом помещением для ожидания этих знаков, превращает в станцию (М. Хайдеггер) [2, с. 166]. Образ жизни современного человека беден на непосредственные впечатления, что и рождает у него потребность такого ожидания, общения с миром, анало-

гичным божественному миру наших предков, «заставляет придумывать трансцендентного бога» и искать его [2, с. 167].

Таким образом, многие предметы в квартирах и дома отбираются помимо прочих принципов и по принципу их мобильности, удобства, возможности совершать символическое путешествие с помощью знаков (телевизор, магнитола, компьютер, даже магниты на холодильнике продолжают путешествие и содержимое холодильника – продукты разных стран, разная одежда), а некоторые вещи субъект постоянно носит с собой как сопровождающие (mp3-плеер, сотовый телефон, смартфон, ноутбук, электронную книгу, планшет). При этом технический прогресс и выход более новой модели кажется движением вперёд. Такой процесс можно было отчасти наблюдать в 1960–1970-е годы, когда стала появляться бытовая техника в квартирах (доступные телевизоры, проигрыватели пластинок и магнитофоны), а мебель была миниатюрной, созданной для «хрущёвок». Возможно, это связано с идеей о космических полётах и надеждой на новые изменения в жизни, с демографическим скачком населения в городах.

Семейный автомобиль сейчас предполагает экономическую свободу (возможность посетить тот супермаркет, где цены более дешёвы, или тот, который больше нравится) – немаловажное преимущество в обществе потребления, возможность путешествия семьёй и, конечно, трудовую мобильность, тем самым ещё больше отрывая субъекта от родового очага.

Архитектура также стремится к мобильности и огромным пространствам в обществе потребления, и этот процесс даже не останавливает большая стоимость земли. Постепенно становится гигантской торговая площадь: из супермаркетов выросли гипермаркеты, а потом и мегамоллы. Даже провинциальный российский город может иметь многотысячный стадион, фитнес-центр, кинотеатр на большое количество мест, торгово-развлекательный центр, что предполагает мобильность субъекта – покорителя пространства.

Обратимся к текстам массовой культуры, где тоже посредством репрезентации движения интенсивно реализуются идеи потребления.

В массовой культуре России и Запада, именно в этих временных рамках, появляется такое явление, как сериал (1952 г. – на Западе [3, с. 672]) как кинематографическая и телевизионная проекция комикса. Смысл каждого сериального проекта – в потреблении эмоций и чувств экранных героев, в потреблении картинки, в процессе движения по сюжету и жизни. Зритель волен выбирать длительность такого путешествия по жизни героев сериала в угоду своей прихоти, ведь можно прервать просмотр на любой серии, а затем снова вернуться. Однако обязательное условие сериального проекта – это интересное завершение. Таким образом, присутствие субъекта в реальности сериала напоминает стояние в очереди за ценным товаром: чем длиннее «очередь» серий, тем желаннее развязка. Это сравнение настолько удобно отражает и подчёркивает феномен сериала, что хочется объяснить этой схожестью популярность сериалов в России (даже среди мужского населения) в годы бесконечных очередей и сравнительный спад интереса к ним сейчас, хотя предложение их более заманчиво и разнообразно. Первые западные сериалы были вестернами, что опять выдвигает на первый план пространство, его покорение и «полицейские» фильмы [3, с. 672].

2000–2010-е годы отозвались в России ещё одним вариантом сериала – телепроектом, предполагающим развитие сюжета, соревнование и постоянных участников – «Ледниковый период», «Голос», «Танцы со звёздами», «Битва экстрасенсов», «Цирк со звёздами», «Последний герой» и т. д. Книжки из серий «Женский детектив», «Юмористический детектив» представляют собой тоже не что иное, как сериал. Современный человек способен мобильно двигаться назад, в прошлое, широко используя сюжеты из истории, преобразуя их угодно воображению в проектах кино, литературы, фотопроектах (работы Е. Рождественской).

В то же время, в фильмах прошлого движение так же широко используется в качестве

художественной и смысловой характеристики происходящего на экране. Мы должны упомянуть это обстоятельство, чтобы дать чёткое представление о множественной семантике метафоры движения, её подчинённости культурному контексту и времени. Так, творчество А. Тарковского, и в частности его фильм «Андрей Рублёв», где пространство и движение стараются поглотить человека, но эта борьба и открывает нам сущность «внутреннего мира» персонажей, их величие, мудрость, простоту. Это фильм о великом – истории и судьбе человека, и то и другое выражено крупным планом, масштабными панорамными съёмками. В энциклопедии «Первый век кино» утверждается, что подобное движение подразумевает ещё и пространство трагедии, метафору духовных исканий [3, с. 18–19]. Движение и пространство пытается трогать человека, являясь агрессивной сущностью по отношению к нему. Ещё один подобный пример – фильм «Броненосец Потёмкин» С. Эйзенштейна, где драматическое, неизбежное движение вниз детской коляски по лестнице выступает как трагический символ. Движение в этих кинотекстах выступает в качестве метафоры поиска и трагедии, но никак не накопления, количественного увеличения счастья, экспансии «позитива», что мы наблюдаем в современной консьюмеристской культуре, эксплуатирующей, на первый взгляд, привычную метафору движения.

Движение в кино может символизировать прорыв, решение сложной ситуации. Обратная категория – статика – способна передать напряжение, эмоциональный застой, проблему, трагедию. Здесь вспоминаются фильм Н. Михалкова «Двенадцать», где присяжные заседатели находятся в замкнутом пространстве длительное время. Позитивная семантизация движения противопоставляется в современном массовом кино негативной акцентуации статики.

Мобильность, движение, скорость может расцениваться как преимущество в ситуации борьбы, соперничества. Жёсткое социальное соперничество – ещё одна характерная черта современности, протекающей в урбанизирован-

ном пространстве. Пример фильма – движения, фильма – соперничества между двумя молодыми людьми, между пространством города и людьми – это работа А. Учителя «Прогулка». На экране создаётся необыкновенный динамизм, поглощение шагами героев города, своей молодости, жизни, свободного времени. Наполнены движением и спецэффектами современные исторические киноленты, такие как «Турецкий гамбит», где некоторые кадры отдаются даже таким незначительным деталям повествования, как бегущая по колесу ящерица и дрожь картечи в летящем снаряде. Полотно повествования безразмерно увеличивается в объёме, одновременно сжимаясь во временных рамках, а зритель остаётся оглушённым подробностями, сменой картинки. И, наконец, вспомним 3D кино, где режиссёр безраздельно управляет пространством, а через него, и зрителем, погружая последнего в свою киноработу почти буквально. Изобретаются новые красивые ракурсы, а предтечей объёмных фильмов можно назвать стереокино и широкоформатное кино, возникшее ещё в 1953 году [3, с. 673–674].

Качествами мобильности наделяются и персонажи. В кинематографе успешно тиражируется образ супермена, которым может быть и обычный человек, наделённый качеством скорости в интеллектуальных операциях (Шерлок Холмс) или физических действиях (Человек-паук).

Обращаясь к пространству высказываний средств массовой коммуникации, в частности – к телевидению, мы обнаруживаем, что даже информационные передачи, песенные концерты и проекты о живой природе выстраивают структуру мобильной, динамичной реальности ради потребления фактов, удовольствия от эстетических объектов. На эстраде движение и динамизм создаётся дорогостоящими техническими приёмами: мельканием света, фейерверками, «бумажными дождями», дымовыми завесами, лазерными изображениями, проецированием видео. В популярной музыке идея пространства и объёма реализуется с помощью эффектов эха, многоголосья, стереоэффектов, многократных

повторов, а также ремейков, кавер-версий, экстраполирующих оригинальный текст в новые контексты массовой культуры, формируя иллюзию движения, развития, «вечной жизни».

Движение придаёт реальность объекту, поэтому на телевидении и в Интернете присутствует много движущейся рекламы, а реклама в журналах и газетах считается малоэффективной. Часто сюжеты рекламы связаны с темой путешествия, мобильного соревнования [4, с. 322]. Движение символизирует желание присвоить, использовать, а товар, который сам двигается к потребителю или символически удаляется от него, является желанным предметом. Пространство культурных текстов расширяется за счёт других, выдуманных, виртуальных миров – фэнтезийных, фантастических, сверхъестественных, выдуманных исторических. Действительно насыщенное движением пространство присутствует в формате компьютерных игр. Это всевозможные гонки и бои, квесты, авантюры, экшены, шутеры, RPG-стратегии, симуляторы.

В массовой культуре превалирует короткий сюжет, сериальность, клиповость, повтор и копирование уже созданного ранее (бесконечный повтор телепроектов под разными названиями и на разных каналах тому пример). Культура консьюмеризма – это хаотичное поле движения мелких частиц, случайное их сочетание, приближение к непонятной, порой иллюзорной цели. Рождённая хаотичность выплёскивается на полотна современных художников, где множественные детали и объекты заполняют пространство картин, как будто присваивают его себе, борются за него. Мы наблюдаем дробление информации на страницах глянцевого журналов при помощи красочных блоков, фотографий. Объекты массовой культуры напоминают незначительные, дешёвые, мелкие предметы, которые не жаль выбросить и получить ощущение свободы от них, жизненного «ускорения». Этим обстоятельством удовлетворяется потребность потреблять как можно больше, разнообразно, индивидуально, не испытывая пресыщения как ментальной культурой, так и бытовой. На этой основе выстраивается коллективная иллюзия

о том, что любую проблему можно решить, купив новый товар, воспользовавшись новой услугой или избавившись от «устаревших», «неактуальных» предметов или ситуаций. Вся социальная активность может быть сведена лишь к этим двум действиям, даже в отношении «неконсьюмеристских», по определению, социальных групп – начиная от жертвования сумм денег на закупку дорогих лекарств для больных детей и заканчивая передачей бывших в употреблении вещей и предметов одежды неимущим людям.

Итак, движение и связанные с ним такие характеристики, как динамизм, скорость, мобильность, пространственность, масштабность, множественность и фрагментарность, успешно репрезентирует идеи консьюмеристского общества и присущего ему дискурса, которые выражаются в поиске, соревновании, обретении успешности, статуса.

1. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность [Электронный ресурс] / В.И. Ильин // Мир России. – 2005. – Т. XIV, № 2. – С. 3–40. URL: <http://ecsocman.edu.ru/mirros/msg/281164.html>.

2. Марков Б.В. Культура повседневности: уч. пособие [текст] / Б. Марков. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.

3. Первый век кино. Энциклопедия [текст] – М.: Локид, 1996. – 712 с.

4. Теория и практика рекламы. Учебник [текст] / под ред. Тулупова В.В. – СПб.: изд. Михайлова В.А., 2006. – 528 с.

1. Il'in V.I. Obshchestvo potrebleniya: teoreticheskaya model' i rossijskaya real'nost' [E'lektronnyj resurs] / V.I. Il'in // Mir Rossii. – 2005. – T. XIV, № 2. – S. 3–40. URL: <http://ecsocman.edu.ru/mirros/msg/281164.html>.

2. Markov B.V. Kul'tura povsednevnosti: uch. posobie [tekst] / B. Markov. – SPb.: Piter, 2008. – 352 s.

3. Pervyj vek kino. E'nciklopediya [tekst] – M.: Lokid, 1996. – 712 s.

4. Teoriya i praktika reklamy. Uchebnik [tekst] / pod red. Tulupova V.V. – SPb.: izd. Mixajlova V.A., 2006. – 528 s.

UDC 304.4

THE TURN TO DISCOURSES OF MOBILITY IN CONTEMPORARY STUDIES

Novak Margarita Vladimirovna,

Belgorod State Institute of Art and Culture,
assistant at the Chair of Philosophy and History of Science,
Candidate of Science (Philosophy),
Belgorod, Russia.
E-mail: novakmargarita@yandex.ru

Kozhemyakin Evgenii Aleksandrovich,

Belgorod State National Research University,
Professor at the Chare of Communucativistics, Advertisement and PR,
Belgorod, Russia.
E-mail: e.a.kozhemyakin@bsu.edu.ru

Annotation

The article discusses the metaphore of movement as an attribute of consumerist society discourse in terms of contemporary culture. Observations over the city everyday life and space, tendencies in cinema and TV and mass culture at whole let the authors claim that movement and related features represent the ideology and values of the consumerist society such as the aimless and constant search, competition, status presentation, etc.

Key words:

consumerism, movement, consumerist discourse, consumerist society, mass culture.

УДК 316.4

МЕТАФОРИКА И КОНЦЕПТОСФЕРА ДИСКУРСА МОБИЛЬНОСТИ*

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
зав. отделом философии, доктор политических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются такие когнитивные формы дискурса мобильности как метафоры и концепты. Основное внимание уделяется анализу концептов нового номадизма, подвижности, путешествия, сети и потоков, хронотопа. В контексте концепта подвижности анализируется академическая мобильность. В контексте концепта путешествия рассматривается индустрия туризма как маркетинговая форма современной мобильности.

Ключевые слова:

дискурс мобильности, метафорика, концептосфера, академическая мобильность, путешествие, дискурс травелога, дискурс хронотопа.

Понятие «мобильность» сегодня обрело статус парадигмы или базовой теоретико-методологической установки, на основе которой выстраивается новая концептуальная модель способа существования общества постиндустриального типа. Ставший очевидным такой признак современности как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов и концептов, способных сформировать особую исследовательскую оптику, позволяющую «схватить» все ускоряющуюся динамику общественного бытия.

Если ранее обществоведы при изучении социальных процессов оперировали преимущественно понятиями статического мира («социальный слой», «социальный институт», «габитус» и др.), то сегодня фокус исследований

отчетливо перемещается в сторону изучения параметров социальной динамики, а, следовательно, – к производству дискурсивной формации нового типа, которую можно обозначить как дискурс мобильности.

На принципиальную важность разработки теоретико-категориального аппарата для научного анализа социальной мобильности в свое время обратили внимание такие известные исследователи как П. Сорокин и И. Пригожин. С именем П. Сорокина связано социологическое учение о социокультурной динамике, о вертикальной и горизонтальной мобильности. И. Пригожин положил начало развитию нелинейной динамики, теории хаоса, а также синергетики как учению о саморазвивающихся и неустойчивых системах.

Настоящий бум в сфере распространения дискурса мобильности связан с изучением фе-

Статья подготовлена в рамках программ фундаментальных научных исследований УрО РАН: проект № 12-У-6-1002

номена глобализации как важнейшего признака современности. Образ глобализации, глобального современного пространства получил одну из своих конкретизаций в концептуальном образе мобильности. Понятия «глобализация» и «мобильность» оказались в прочной эпистемологической и методологической связке.

Вместе с тем, объем исследований, посвященных развитию теоретического аппарата учения о мобильности до недавнего времени заметно уступал огромному массиву работ по проблемам глобализации. И только последние годы были отмечены настоящим валом специальных теоретических изысканий в области теории мобильности. Заметным событием в этом плане стали работы З. Баумана [1], Дж. Урри [4], Т. Кресвелла [7], П. Эйди [6] и др.

В целом ряде стран в настоящее время активно работают исследовательские центры, занимающиеся проблемами мобильности. Наиболее известным является Центр исследования мобильности в Ланкастерском университете (Великобритания). В России подобного рода исследования проводятся в Высшей школе экономики. Существует также Общеевропейская сеть исследований мобильности (<http://mcenterdrexel.wordpress.com>).

Тема мобильности сегодня раскрывается посредством дискурса, в основе которого лежит множество метафор – *метафоры передвижения* в пространствах разного рода, включая виртуальные, *метафоры путешествия*, в том числе по ментальным мирам, метафоры сети, *потоков*, относящиеся как к миру предметов, так и к образу жизни людей, *метафоры хронотопа*, фиксирующие внимание на трансформациях в области восприятия пространства и времени в условиях ускорения жизни, *антропоморфные метафоры*, характеризующие homo mobilis.

В основе дискурсивной группировки метафор мобильности лежит не только конкретная предметно-тематическая сфера, но также определенная концептуальная схема, ядром которой являются устойчивые ментальные образования, называемые концептами. Концепты не только формируют метафорические ряды, но и управляют образами мобильности.

Имена концептам, как правило, дают их базовые метафоры и понятия. Так, например, одним из концептов мобильности является *концепт нового номадизма* [5]. Данный концепт трактует номадический мир (мир кочевников) посредством таких метафор как «жизнь в пути», «флуктуальный мир», «челночное пребывание в разных средах».

В основе концепта традиционного номадизма лежит *дихотомия оседлости и кочевничества*, репрезентирующая историческое противостояние двух различных образов жизни и разных типов мировосприятия. В современном глобальном мире данное противостояние получило свою реализацию в антагонизме коренных жителей государств, местностей и регионов, с одной стороны, и «кочующих» категорий людей или «людей пути» (*gens du voyage*), таких как мигранты, беженцы, бездомные бродяги, цыгане, с другой стороны. Территориальной и культурной укорененности противостоит территориальная и культурная «пришлость» и «понаеханность». Способ идентификации населения в подобном ключе осуществляется посредством *дискриминационного дискурса*, который всех «неукорененных» и «пришлых» относит к группе маргиналов и малодостойных людей, чьи права и маршруты передвижения необходимо ограничивать всеми возможными методами.

Концепт нового номадизма направлен против дискриминации «людей пути», а также – на общественное признание и повышение социальной значимости подвижного образа жизни, который адекватен современным вызовам мобильности. «Жизнь в пути», согласно концепту нового номадизма, представляет собой не отклонение от нормы, под которой в территориальном фундализме подразумевается оседлый образ жизни, а, напротив, является формулой успеха в мире подвижно-текучих реалий и размывающихся границ.

Новый номадизм под современностью подразумевает ситуацию активного размывания барьеров между цивилизационным «центром» и «периферией», «укорененностью» и «беспочвенностью». Ново-номадические исследования сфокусированы на изучении процессов инверсий,

флуктуаций и трансформаций, происходящих в обществе, которые стали возможны благодаря ускорениям и мобильности современной повседневной жизни.

При анализе феномена мобильности сегодня активно разрабатывается и внедряется в общественное сознание *концепт подвижности*. Подвижность рассматривается как благо с медицинской, социально-адаптивной, экономической, коммуникативной и образовательной точек зрения.

Здоровый образ жизни трактуется не иначе как жизнь в движении. Медицинская реабилитация постоянно ассоциируется с процессом вставания на ноги и способностью к самостоятельному передвижению. Ценным личностным качеством во все времена считалась подвижность в форме социальной адаптивности, соответствующая инстинкту приспособления к средовым особенностям, колебаниям и изменениям.

В современной экономической жизни гарантом коммерческого успеха выступает *маркетинговая подвижность*, которая реализуется в практиках рыночного продвижения товаров, услуг и брендов (промоушн), в расширении рыночного пространства, в рекламной экспансии и в поглощении конкурентов. Экономическая подвижность больших социальных систем сегодня рассматривается как условие успешного преодоления кризисных ситуаций, экономической стагнации и развития инновационности.

Особая значимость сегодня придается коммуникативной подвижности, которая считается исключительно ценным качеством при осуществлении культурного, образовательного и научного обмена. В сфере образования и науки концепт подвижности обрел свою практическую форму в программах *академической мобильности*. Данные программы активно внедряются в жизнь в странах Европы в рамках Болонского процесса. Под академической мобильностью в болонских документах подразумевается перемещение студентов, преподавателей, ученых и администраторов из образовательных учреждений одних стран в другие с целью повышения квалификации, обмена опытом и знаниями, установления и развития продуктивных контактов. Среди

главных задач академической мобильности называются: 1) для студентов – обеспечение доступа к учебным заведениям европейских стран, к разнообразным образовательным услугам; 2) для преподавателей и исследователей – получение международного признания, прохождение стажировки для повышения академического статуса; 3) для администраторов – осуществление профессиональной переподготовки без нарушения статуса и законных прав.

В качестве главной цели и глобальной миссии академической мобильности называется *интернализация образовательного и научного процесса и повышение его прозрачности* [10, с. 10]. В гуманитарном плане академическая мобильность рассматривается как эффективный инструмент развития коммуникативных и профессиональных навыков, расширения горизонтов возможностей для личностного роста и для формирования независимого образа мысли. В целом же, академическая мобильность, по мнению компетентных респондентов, призвана осуществлять адаптацию университетского и научного сообщества к глобальному рынку труда [10, с. 38].

Дискурс мобильности, считают специалисты в области программных задач болонского процесса, должен занять столь же достойное место в современных стратегических планах современных государств, что и дискурс трудовой занятости, поскольку направлен на развитие социальных институтов и бизнеса. Дискурс мобильности, поощряемый на национальном и международном уровнях, способствует тому, чтобы мобильность как глобальный проект стала предметом специального инвестирования [10, с. 57].

Европейская политика в области академической мобильности, а, следовательно, и сам дискурс мобильности, распространяемый Европейским Союзом, в настоящее время подвергается весьма критическому анализу. «Великий дискурс» о мобильности, воплощенный в неслыханно популярной программе ERASMUS, принятой более 20 лет назад, и получившей свое развитие в новом варианте под названием ERASMUS MUNDUS (Программа 2020), все

чаще рассматривается как дискурс неолиберального проекта глобализации, который направлен в сторону *маркетинга* высшего образования [9]. За фасадом академической мобильности можно обнаружить и такое негативное для стран-отправителей явление как «утечка мозгов» [8].

Исследования академической мобильности показывают, что данный процесс своей оборотной стороной имеет дальнейшее продолжение *вестернизации* глобального образовательного пространства. Потоки мобильных студентов, преподавателей и исследователей, в основном, имеют западный вектор. Лидерами в области массового приема «академических туристов» выступают США, Великобритания, Германия, Австрия, Франция, а рекордсменами отправки на учебу за рубеж выступают страны Восточной Европы и Азии. В итоге проект академической мобильности, изначально задуманный как проект интернализации научно-образовательной среды, трансформируется в глобальную маркетинговую стратегию, направленную на увеличение ресурсов *soft power* стран Запада, усиливая тем самым их конкурентное преимущество перед странами восточно-европейского региона, Азии и др.

Среди концептов, формирующих дискурсивное поле мобильности, следует особо отметить концепт «*путешествие*». Данный концепт является когнитивным ядром, порождающим множество метафор, применяемых для описания и изучения феномена мобильности. В их числе такие метафоры как «путешественник», «путь», «дорога», «граница», «привал», «открытие», «приключение», «дорожная карта», «первопроходец», «проводник».

Статус путешественника как мобильного субъекта, перемещающегося в пространстве и в разнообразных культурных средах, предполагает его готовность и способность к *восприятию иных миров*, к преодолению географических, политических и этнокультурных границ. При этом путешественник не может не рефлексировать по поводу всего им увиденного, услышанного и пережитого. Рефлексия по поводу пережитого и испытанного во время путешествия представляет собой особое культурное достояние, воплощающееся в дискурсе травелога [3].

Вступая в непосредственный контакт с жителями иных стран и территорий, путешественник выступает в роли медиатора межкультурного обмена, запуская при этом *механизмы коммуникативной мобильности*. При этом он не только сам расширяет горизонты собственного мировидения, но и вносит вклад в мировой процесс межкультурного обмена.

В современную эпоху путешествие выступает одной из престижных форм коммуникативной мобильности, с которой связано получение разнообразных впечатлений, уникального опыта соприкосновения с необычным, экзотическим, приобретение новых международных контактов.

Путешествие – это также привлекательная возможность поделиться с друзьями, коллегами и даже всем миром собственными наблюдениями и запечатленными с помощью современных медийных средств, образами другой реальности. Режиссирование и документализация путешествия является важными компонентами еще одной разновидности дискурса мобильности – *дискурса медийно-креативного травелога*.

Развитие практик путешествия в массовом масштабе приводит к разгерметизации замкнутых культурных пространств, делает их открытыми для инокультурного влияния и незащищенными от культурной интервенции.

Сегодня происходит активный процесс маркетинга путешествия, связанный с развитием индустрии туризма. Туризм является широкоразвиваемой и поддерживаемой государствами маркетинговой формой мобильности. Туристическая привлекательность рассматривается в качестве важного составного элемента бренда стран и территорий. На основе анализа объемов туристических потоков составляются рейтинги национальных брендов.

Туризм как индустрия мобильности представляет собой не только организованную систему потоков путешествующих граждан, но также широкую сеть туристической инфраструктуры, включающую сети отелей, мотелей, туристических маршрутов, транспортных и трансфертных узлов. Индустрия туристической мобильности в том случае, когда она через свои сети пропускает большие потоки граждан, приносит госу-

дарствам существенный доход. Согласно данным, приводимым Дж. Урри, путешествия в форме туризма кормят самый крупный в мире бизнес, принося 6,5 триллионов долларов ежегодно, обеспечивая работой 8,7% из всех занятых людей в мире. Благодаря туристическому бизнесу мир превратился в огромный супермаркет, торгующий странами и городами [4, с. 68–69].

В современном дискурсе мобильности прочно укоренились понятия «сети» и «поток». С ними тесно связан *концепт хронотопа*, раскрывающий динамическую взаимосвязь пространственных сетей и потоков с темпоральными характеристиками, такими как скорость, ритм, темп, цикличность, событийность.

Концепт хронотопа лежит в основе современных исследований коммуникативно-информационной мобильности. Коммуникативно-информационный подход к осмыслению мобильности акцентирует внимание на таком эффекте современных средств коммуникации как сжатие пространства и времени. Современный рост мобильности социальных субъектов, происходящий благодаря развитию высокоскоростных средств объективно-пространственной коммуникации (транспортная сеть) и виртуальной коммуникации (электронные СМИ, Интернет, сотовая связь, смартфон и т. п.), сжимает пространство и время, формируя тем самым хронотоп особого рода – коммуникативно-сетевой.

Хронотоп сетевой коммуникации представляет собой систему интерактивных коммуникативных взаимодействий, осуществляемых в пространстве сетевых сообществ. Хронотоп данного свойства стал предметом специального анализа в фундаментальном труде Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [2]. М. Кастельс выдвигает гипотезу о том, что в сетевом обществе пространство и время трансформируются под влиянием информационно-технологической парадигмы, в результате чего возникает новая пространственная логистика, обозначаемая им понятием «пространство потоков». «Под потоками, – пишет Кастельс, – я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между

физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [2, с. 402]. Доминирующие социальные практики встроены в доминирующие социальные структуры. Основными сетевыми узлами пространства потоков, по Кастельсу, выступают центры информационно-технических инноваций, экономических и культурных обменов, распределения административной и политической власти. Другими словами, сетевая архитектура пространства коммуникативных потоков – это кристаллизация времени и констелляция власти современной информационной эпохи, это арена, где разыгрываются интересы и ценности социальных групп.

Все наше современное общество, утверждает Кастельс, построено вокруг потоков – потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Пространство потоков есть материальная организация материальных практик в разделенном времени, работающем через потоки.

Современное общество, по убеждению Кастельса, асимметрично организовано вокруг доминирующих интересов и доминирующих хронотопов. На одном социальном полюсе – хорошо организованные элиты, контролирующие широкие сети хронотопов (пространственно-временных потоков) и потому доминирующие в социально-коммуникативном пространстве и времени. На другом – дезорганизованные массы, чьи хронотопы локальны и блокированы социальными практиками элит. Стратегия элит – тщательная изоляция своей пространственно-временной среды и сохранение контроля над пространственно-временными потоками разного рода капиталов. Стратегия оппозиционных элит масс – расширение пространственно-временных коммуникаций вплоть до слома иерархической архитектуры хронотопа. Максимальное включение народных масс в управление пространственно-временными потоками приведет в итоге к ликвидации коммуникативных барьеров и к возникновению качественно нового хронотопа – экстра-временного (мгновенно-коммуникативного) или вневременного.

Особенности хронотопа эпохи постиндустриального общества стали предметом специального теоретического исследования Зигмунда Баумана, который ввел в научный оборот *концепт текучей современности*. Бауман обратил внимание на то, что в информационном постиндустриальном обществе происходит не только сжатие пространства и времени в связи со стремительным ростом коммуникативной мобильности социальных субъектов, но также утрата жесткости иерархических социально-политических структур и институтов, которые в индустриальную эпоху воспроизводили хронотоп фордистского типа. Для фордистского мира характерна жесткая привязанность капиталов и субъектов к определенному месту в пространстве национальной экономике и политике, рационализированное время производственных и иных отношений. Главные ценности фордистского мира – долговременные и устойчивые связи, надежность, рациональность, предсказуемость, отсроченное потребление и удовольствие.

В информационную эпоху фордистскому типу мироустройства противостоит модель текучей современности, представляющая картину мира, где господствуют неустойчивые процессы обмена капиталов, постоянные изменения рыночной конъюнктуры, постоянные риски безработицы, *гибкие* трудовые и иные отношения, *мимолетность* контактов и незамедлительное удовлетворение потребностей. «Гибкость», – отмечает Бауман, – на сегодняшний день модное словечко. Оно предвещает рабочие места без гарантий стабильности, устойчивых обязательств или будущих прав, предлагая не более чем контракт на определенный срок или возобновляющиеся контракты, увольнение без уведомления и никакого права на компенсацию. Поэтому никто не может чувствовать себя действительно незаменимым... При отсутствии долгосрочной безопасности «мгновенное вознаграждение» выглядит как разумная стратегия» [2, с. 173].

Постфордистская текучая современности формирует соответствующий стиль жизни. «Ненадежные экономические и социальные условия, – отмечает Бауман, – учат людей (или заставляют их изучить трудный способ вос-

принимать мир как контейнер, полный объектов для одноразового использования; весь мир, – включая других людей» [2, с. 174]. Ключевым принципом данной жизненной стратегии выступает принцип «здесь и сейчас».

1. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.

2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

3. Русакова О.Ф. Дискурс-исследования травелога: ключевые подходы // Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – С. 5–8.

4. Урри Дж. Мобильности [Текст] / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Практикс», 2012.

5. Ушакин С. О людях пути: номадизм сегодня // URL: www.akademia.edu/1876129.

6. Adey P. *Mobility*. New York: Routledge, 2010.

7. Cresswell, T. *On the Move: Mobility in the modern West*. New York: Routledge, 2006.

8. Dervin, F. *Looking Beyond the Façade of Academic Mobility and Migration* – <http://users.utu.fi/freder/dervinpaper.pdf>.

9. Fahey, J. & J. Kenway. Introduction: Internatinal academic mobility: problematic and possibli paradigms // *Discourse: Studies in the cultural politics of education* 2010. Vol. 31. No. 5. Pp. 563–575.

10. *Mobility: Closing the gap between policy and practice* (E. Colucci, H. Davies, J. Korhonen, M. Gaebel). EUA Publications. 2012.

1. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* / Per. s angl. Pod red. Yu. V. Asochakova. – SPb.: Piter, 2008.

2. Kastel's M. *Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshhestvo i kul'tura*: Per. s angl. Pod nach. red. O.I. Shkaratana. M.: GU-VShE', 2000.

3. Rusakova O.F. *Diskurs-issledovaniya traveloga: klyucheveye podxody* // *Diskurs filosofskogo puti. Materialy kruglogo stola VI Rossijskogo filosofskogo kongressa. Nizhnij Novgorod, 27–30 iyunya 2012 g.* / Pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. – S. 5–8.

4. Urri Dzh. *Mobil'nosti* [Tekst] / per. s angl. A.V. Lazareva, vstup. stat'ya N.A. Harlamova. – M.: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2012.

5. Ushakin S. *O lyudyax puti: nomadizm segodnya* // URL: www.akademia.edu/1876129.

6. Adey P. *Mobility*. New York: Routledge, 2010.

7. Cresswell, T. *On the Move: Mobility in the modern West*. New York: Routledge, 2006.

8. Dervin, F. *Looking Beyond the Façade of Academic Mobility and Migration* – <http://users.utu.fi/freder/dervinpaper.pdf>.

9. Fahey, J. & J. Kenway. Introduction: Internatinal academic mobility: problematic and possibli paradigms // *Discourse: Studies in the cultural politics of education* 2010. Vol. 31. No. 5. Pp. 563–575.

10. *Mobility: Closing the gap between policy and practice* (E. Colucci, H. Davies, J. Korhonen, M. Gaebel). EUA Publications. 2012.

UDC 316.4

METAPHORICA AND CONCEPTOSPHERE OF MOBILITY DISCOURSE

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Science,
Head of philosophy division,
Doctor of political sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

The article discusses the cognitive forms of mobility discourse such as metaphors and concepts. The main attention is paid to the analysis of a new nomadism concept, the concept of moving, traveling, net and currents, chronotop. The academic mobility is analysed in the context of moving. The industry of tourism as the marketing form of contemporary mobility is discussed in the context of travelling.

Key words:

discourse of mobility, metahorica, conceptosphere, academic mobility, travelling, discourse of travelogue, discourse of chronotop.

УДК 316.6

НОВЫЕ ФОРМЫ МОБИЛЬНОСТИ В ТРАВЕЛОГЕ**Романова Кира Степановна,**

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
старший научный сотрудник, кандидат философских наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: romkira@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются новые бренды организации индивидуального социального пространства и времени. Дауншифтеры и травеливеры строят свой образ жизни таким образом, что мобильность является его доминирующим фактором. Здесь же обозначаются условия и причины развития этих форм.

Ключевые слова:

травелог, дауншифтинг, путешествие, мобильность, образ жизни.

История травелога – это история расширяющей мобильности человека в географическом и социальном пространстве. В настоящее время травелог представляет собой многостороннее явление, становится объектом изучения многих наук: истории, экономики, культурологии, социологии и психологии. Понятно, что каждая из обозначенных научных дисциплин имеет свою методологию, свою специфику. Так объектом социологии являются социальное пространство и социальное время. Одним из путей регулирования индивидуальности бытия человека является его пространственная активность, желание изменять свое территориальное существование. Пространственное поведение людей свидетельствует о биологической заданности их территориального поведения. Социальное пространство человека не может быть измерено лишь с помощью метрических систем, применимых к физическим телам. Социальное пространство не дается человеку в готовом виде, оно строится и организуется им самим, не всегда путем целенаправленного проектирования, часто путем приспособления и адаптации. Ответ

на вопрос, как, каким образом организуется социальное пространство человека, дает уже социальная психология.

Если говорить о глобализации не как о парадигме, а как об объективном процессе, то можно утверждать, что этот процесс уходит к началу человеческой истории и выступает в качестве определенной закономерности. Он начинается с расширения ареала пребывания человека на Земле, освоения жизненного пространства в космосе, установки коммуникативных связей, развития и обмена техникой и технологиями, информацией, достижениями науки и другими составляющими культуры в широком смысле слова, элементом которой является, в том числе травелог.

Новая степень доступности и мобильности связана с технологией осуществления травелога. Для индивида необходимость наличия свободного времени и наличие достаточных денежных средств. Сюда же относятся распространение рыночных практик в туризме, развитие материальной базы, количественный рост участников индустрии.

Для того чтобы полно, объемно и системно описать обозначенный объект необходимо обратиться к дискурсу травелога, который сегодня представляет обобщающую форму практического освоения и описания взаимодействия человека и географической среды во многих разнообразных его проявлениях.

Нужно обратить внимание еще на одну черту глобального общества, которую отметил известный английский социолог З. Бауман и которая существенно влияет на жизнь современного человека, – это способность его членов быстро перемещаться и моментально передавать разнообразную информацию, что обусловило эффект «сжатия» планеты и одновременно расширило жизненное пространство человека. Это привело к изменению роли пространства и времени в качестве маяков в окружающем мире. Расстояния уже не имеют прежнего значения. По словам З. Баумана, развитие техники привело к тому, что границы теряют свою прежнюю суть: они уже не разделяют, а соединяют. Возникновение киберпространства стирает любые координаты: в Интернете все одинаково присутствует, все существует здесь и сейчас и находится на одинаковом расстоянии [1, с. 137–139]. То есть, пространство теряет свою значимость в современном мире, а вместе с ним обесценивается и обедняется его предметное содержание. Таким образом, можно утверждать, что именно новые реалии, свидетельствующие о радикальных преобразованиях всех сфер общественной жизни, связаны, в том числе, с появлением новых технических средств связи, которые получили определение «мобильные».

К ним относятся: телефоны, коммуникаторы, планшеты, интернет, электронная почта и др. в том числе и спутниковая связь.

Любой поведенческий акт человека несет в себе потенциальную угрозу появления зависимости (аддикции) к нему, при котором объект увлечения или деятельность становится определяющим направлением поведения [2]. Поведенческие аддикции (зависимости) в большой степени покрывают практически весь спектр поведенческих действий человека, все стороны его жизни: любовь, секс, работу, деньги,

спорт и так далее. С социальной точки зрения нормальный человек успешно сочетает в себе варианты социально приемлемых форм зависимостей – превалировать должна трудовая зависимость, для счастья необходимо небольшое количество любовной и сексуальной зависимости, для нравственности – духовной, хобби могут выражаться в аддикции отношений, в вариантах компьютерной зависимости и иногда в игровой, и так далее. Допускаются даже элементы химической зависимости – традиционное для нашей страны употребление алкоголя и табакокурение. Путешествие, становясь увлечением человека и удовлетворяя его потребности в удовольствии, также порождает у него зависимость. Люди увеличивают свои путешествия во времени и пространстве (континентальные, кругосветные) или количество их в год (от двух и более). Но все это связано с большими материальными затратами и требует большого интенсивного труда, для обеспечения желаемого удовольствия. В конце концов, зависимость от путешествий становится доминирующей, и люди превращаются в тревеливеров.

Тревеллинг – это новый тренд в сфере самостоятельных путешествий, означающий способ жизни людей, где мобильность выступает в качестве доминирующей стороны. Понятие тревеливинг появилось в рунете несколько лет назад. Оно образовалось от сочетания английских слов *travel* (путешествие) и *living* (жизнь). В настоящее время количество русских тревеливеров исчисляется сотнями. Это не путешественники в обычном понимании этого слова и не туристы, а люди, живущие в постоянном путешествии, переезжая из страны в страну.

Как отмечает Маша Дубровская (тревеливер почти с пятилетним стажем): «Смена образа жизни на травеливинг – решение не внезапное, к этому либо приходят неосознанно, но постепенно (как это было у нас), либо долго взвешивают все за и против, готовятся». Считать тревеливера авантюристом или бездельником неправильно. «Зачастую тревеливер – вполне разумный человек и расчетливый прагматик, четко отдающий себе отчет в том, что жизнь – это не только работа, и жить ради работы – это

значит не жить вообще! Они бросают свои кондиционированные офисы в Москве, Киеве или Нью-Йорке для того, чтобы взглянуть на мир широко открытыми глазами, попробовать жизнь на вкус и запах, раздвинуть границы личного горизонта и понять, наконец, что жизнь прекрасна, мир невероятно красив, а все люди друг другу братья» [3]. Возникает логичный вопрос: «На что живут эти люди?» Как отвечают тревеливеры, есть 101 способ делать деньги онлайн. От написания статей, программирования, фотографии, обучение тому, что умеешь сам. Можно стать фрилансером (свободным наемником), набраться опыта, а затем открыть свое дело, можно сдавать квартиру на родине. Словом в этих условиях можно реализовать любой свой творческий потенциал, делать то, что вы делали на работе, только не для одного начальника, а для нескольких через Интернет и каждый будет вам платить, а зарплату себе назначаете только вы.

Живет тревеливер достаточно экономично, в среднем на 500 долларов в месяц, арендуя дом или другое жилище на берегу моря (океана), ежедневные обеды и ужины в ресторане, арендованный байк или автомобиль и, главное, – постоянные путешествия, впечатления и открытия. Такого набора в мегаполисах России или Украины, а также других республик постсоветского пространства за эти деньги обеспечить невозможно. Вот одна из причин побуждающих людей к смене образа жизни. Основные минусы тревеллинга связаны с материальными факторами: невозможность сделать карьеру, невозможность заработать на безбедную пенсию, заработать на дом-квартиру, иметь предметы роскоши и др. Кроме этого большой трудностью является вопрос личной жизни, узок круг поиска партнера, совпадающего по системе ценностей и образу жизни. Большую сложность в путешествиях создают домашние животные – кошки, собаки, особенно в плане оформления ветеринарных документов на них. Значительно легче этот образ жизни вести семьей, включая детей. Дети школьного возраста обучаются в местных школах или в Интернете, дистанционно, бесспорное преимущество этого образа жизни –

освоение живого иностранного языка страны пребывания.

Следующей новой формой мобильности в травелогике является дауншифтинг [4]. Это социальное явление более широкое, чем форма мобильности в травелогике, оно связано с коренным изменением образа жизни, системы ценностей. Дауншифтинг – игра на социальное понижение, отказ от навязанных социумом ценностей, возврат к себе, к своим желаниям. В истории человечества это явление не новое. В списке самых известных дауншифтеров такие личности как Будда, римский император Диоклетиан, Лев Толстой и др. Даже такое социально-политическое явление как хиппи можно ассоциировать с дауншифтингом. Понятие «дауншифтинг» произошло от английского *downshifting*. Буквально оно означает переключение автомобиля на более низкую передачу, а в переносном смысле, замедление или ослабление какого-либо процесса. Здесь речь идет не об объективных процессах, связанных с революционными преобразованиями социально-политической жизни России, повлекших замедление или ослабление всех сторон жизни многих социальных групп. Важным моментом для дауншифтера является субъективное волеизъявление, реализация субъективного желания не рваться за деньгами, карьерой и прочими «благами» современной цивилизации, а сосредоточиться на жизни ради себя, своей семьи, душевном комфорте. Между дауншифтерами и тревеливерами много общего, но есть и существенные отличия. Тревеливеры, как правило, молоды, свободны, еще не создавшие свои семьи, еще только вступившие или вступающие в социально-профессиональные отношения, и движимые желанием освоить мир в целом.

Дауншифтеры – люди, выбирающие подобный путь в жизни, очень разные. В большинстве своем, эти люди достигли определенного социального статуса, успешные в карьере, обладающие определенными материальными благами, имеющие семьи. В свое время такие люди потратили много сил, энергии и даже здоровья, чтобы на данный момент, устав от такой жизни, иметь возможность жить ради собственного удо-

вольствия. Декарт говорил, что всегда есть время в жизни, когда нужно решиться стереть все записи прошлого опыта, не улучшать, не догонять что-то, не чинить, например дом, по основанию которого пошла трещина, а строить его заново. Такие люди выбрасывают из своей системы ценностей не деньги и даже не брендовые вещи, являющиеся роскошью, а лишь необходимость дальше жить в стрессовом ритме, постоянно находясь в цейтноте, заниматься тем, чем они больше не хотят. Люди, получающие деньги от своего прошлого труда как дивиденды, позволяют себе жить ради собственного удовольствия, занимаясь только тем, что приносит радость. Вот такие современные гедонисты.

Другая группа дауншифтеров таковыми становится по идейным соображениям. Ярким примером этому направлению может служить история семьи Германа Стерлигова, одного из первых российских олигархов. Он был основателем первой товарной биржи в России, символа нарождающегося капитализма, выдвигал свою кандидатуру в Президенты России. Потерпев фиаско на политическом поприще, расстрелял телевизор, продал дом на Рублевке, построил бревенчатый сруб в забытой богом деревне. Вместе с красавицей и умницей женой воспитывает пятерых детей, а также растит овощи в огороде и разводит овец на продажу. Он достаточно успешен и всем доволен. Семья Стерлиговых уехала в деревню не только для того, чтобы дышать свежим воздухом и общаться с природой, но и чтобы их дети выросли свободными от навязанных неестественных ценностей города, чтобы они обрели свой дом, малую родину, где проросли их корни, откуда они смогут уйти в большой мир и всегда вернуться назад. На примере образа жизни своей семьи внедряет в общественное сознание свою национальную русскую идею. Семья Стерлиговых не одинока, у них имеются последователи.

Следующая группа дауншифтеров определяется чисто географическими факторами. Эти люди уходят не только и не столько от норм социального порядка, сколько от погоды и природных условий, которые особенно не приятны им – то есть они просто бегут из зимы, слякоти,

дождей в вечное лето, которое ассоциируется с земным раем. Такие люди с трудом выносят существование в холодное время года, оно для них сопряжено с простудами, обострением хронических заболеваний и даже депрессиями. Эти факторы являются основной причиной временной смены жительства. Как правило, эта группа живет на два дома, на две страны, между родиной и страной вечного солнца. У них жизнь разделена по времени, потому что в теплое время года они обычно живут на родине, а в остальное время, на осень или зиму они предпочитают уезжать в теплые страны. Многие из них работают в сфере туризма или в таких отраслях экономики, которые связаны с сезонными работами, или работают дистанционно.

Эти новые формы мобильности в травелогге носят интернациональный характер. Боле того, локомотивом этих движений являются европейцы, не отстают от них американцы и австралийцы, около 25% трудоспособных граждан этих стран являются *escape-persons*, которые затем становятся либо дауншифтерами или тревелливе-рами. Возможность строить такой образ жизни обеспечивается, с одной стороны, наличием мобильных технических средств связи, дающих возможность быть «здесь» и «сейчас» в любом уголке земного шара, то есть, мочь дистанционно зарабатывать себе средства для жизни а, с другой стороны, глобальные процессы, изменяющие все стороны жизни людей, в том числе и открытость границ.

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. URL: <http://www.berdof.com/povedencheskie-addikcii> (дата обращения: 05.10.2013).
3. URL: senturia.ua/daily/treveliving-ili-begstvo-k-schastyu (дата обращения: 05.10.2013).
4. URL: www.daunshiftery.ru/160-obespechennye-daunshiftery.html (дата обращения: url 12.10.2013).

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo. Per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva. – M.: Logos, 2002. – 390 s.
2. URL: <http://www.berdof.com/povedencheskie-addikcii> (data obrashheniya: 05.10.2013).
3. URL: senturia.ua/daily/treveliving-ili-begstvo-k-schastyu (data obrashheniya: 05.10.2013).
4. URL: www.daunshiftery.ru/160-obespechennye-daunshiftery.html (data obrashheniya: url 12.10.2013).

UDC 316.6

NEW FORMS OF MOBILITY IN THE TRAVELOGUE: DOWNSHIFTING AND TRAVELIVING

Romanova Kira Stepanovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
Senior researcher,
Candidate of Science (Philosophy), associate professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: romkira@yandex.ru

Annotation

The article analyzes the new forms of organization of individual social space and time. Downshifters and travelivers are builds their life in such a way that the mobility is its dominant factor. It also marked the conditions and causes of these forms.

Key words:

travelogue, downshifting, travelling, mobility, lifestyle.

УДК 111.6

НОМО VIATOR – ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕГО ТРАВЕЛОГОВ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
зав. кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье анализируется концепт «Человека движущегося» (скитающегося) как обозначение наиболее характерного свойства жизни человека рубежа XX–XXI вв. Этот концепт является многоуровневым и охватывает широчайший спектр проявлений мобильности: от перемещения в физическом пространстве и времени до интенсивных духовных исканий. Текущая современность ставит современное человечество на грань антропологической катастрофы.

Ключевые слова:

мобильность, антропологические практики, антропологическая катастрофа, дискурс травелога.

Две главных парадигмы заданы христианским сознанием в понимании человеческой природы: *Nomo viator* – человек-странник: а) это странник-пилигрим, странствующий в поисках бога, евангелизации души, странствия души в поисках абсолютных ценностей и смыслов; и б) странник-Агасфер, бесприютный скиталец, для которого не только весь мир – чужбина, но бездомный бродяга, не нашедший внутреннего мира, а потому нет у него и в нем дома для бога (храма).

Христианско-экзистенциалистская трактовка этой проблемы в *Nomo viator* Г. Марселя [1] существенно архаизирует ее, утапливая в мифологических и теологических хитросплетениях актуальность множества насущных аспектов. Понятно, что переложение существа проблемы на архаизирующий язык христианской мифологии и теологии был призван «возвысить» значение

проблемы человека, приподнять ее трактовку над пресными трюизмами типа «плохие времена настали, молодежь не почитает богов, не уважает старших» и т. п.

Уже в классическом марксизме [2] была дана светская формулировка данного аспекта проблемы человека: а) его сущность не дана и тем более не задана, б) особенность ее в том, что она носит существенно процессуальный характер (человек есть то, что он делает, раскрывается в его всемирно-исторической практике), в) прогресс этот носит непрерывный характер (хотя и не прямолинейный) и не существует никакого «наперед заданного предела или сущности», к которому он должен прийти. Причем, это было обосновано анализом буржуазного способа производства, который впервые в истории человечества придал этому прогрессу подлинно всемирный характер, мы бы

сегодня сказали – «глобальный». А, кроме того, придал ему главным образом негативный характер: как в том, что прогресс этот просто отрицает все и всякие наперед заданные пределы, границы, нормы и т. п., так и в том смысле, что получила всемерное развитие свобода (поливариантность) человека в негативном смысле – «свобода от», а не «свобода для», предельное развитие получила способность человека предельно обезчеловечивать себя, вытравливать из себя все человеческое (появляется впервые категория «преступление против человечности») в самом предельно возможном глобальном масштабе – не только геноцида (геноцидов), но и в принципе хомицида: глобального самоистребления (неважно одномоментно в процессе тотального термоядерного самоуничтожения или в процессе длительной глобальной экологической катастрофы). Обезчеловечение оказалось поставлено на промышленную основу, приобрело настоящий индустриальный размах, как любили говорить в XIX в. – потому что сама индустрия обезчеловечилась: тотальное повседневное глобальное вытравливание всего человеческого чем-нибудь бесчеловечным («машинерией» масскульты или «машинерией» технической или социальной инженерии).

Человек бредущий не просто побрел, скитаясь по странам и континентам, он понесся со все возрастающей скоростью к антропологической катастрофе – поскольку чем быстрее он двигался, тем острее давало о себе знать главная проблема: а куда надо двигаться? Что такое – быть человеком? И главное: а надо ли задумываться и решать эту проблему?

Что же означают эти странствия Человека-Путника в начале третьего тысячелетия н. э. – в поисках чего? Себя?

Как известно, неклассическая философская антропология (начиная с М. Шелера) ставит вопрос о неопределимости человека и о том, как можно мыслить эту неопределенность. При этом она исходит из того, что человек есть «полое», «незавершенное» существо, у человека нет сущности, нет «что». В этом плане возникает двойственность: человек предстает и как результат собственного полагания (планирования, «дела-

ния», искания), и одновременно он застаёт себя как уже нечто положенное, готовое [3].

«Человек странствующий» в начале третьего тысячелетия разворачивается в целый гигантский спектр вариаций («возможностей») развития и раскрытия, т. е. получается «развилка», точка ветвления вариантов-возможностей («дерево решений»), а, следовательно – при нарастании неустойчивости в открытой диссипативной системе, которой является общество, – точка «бифуркации», в которой ничтожный факт (аттрактор) может предопределить тот или иной выбор.

Под «гигантским спектром вариаций («возможностей») развития и раскрытия» имеется в виду спектр практик (и мысленных конструкций, в которых они находят «теоретическое оправдание» и выражение), которые резко переформулировали марселевскую формулу: человек странствует отнюдь не только и не столько в поисках бога или духовности, особенно «высшей духовности», сколько в предельном исчерпании всевозможных самореализаций, образуя в пределе некую «пенную Вселенную», где вариации самобытия человека представляют некие «мыльные пузыри» (часто, действительно, таковыми и являющиеся – формы мнимой, виртуальной, иллюзорной самореализации, стремящиеся заменить собою подлинные, тем более, что часто никто и не знает – в чем они заключаются, что означает «Быть самим собой»? Когда есть мириады и необременительных, и приятных (наслаждение!) таких форм – в противовес этим мучительным «духовным исканиям».

Если в марселевской формуле странничество человека выступало, скорее, высокомерной претензией интеллектуала (действительно, мерившего себя (и испытывавшего себя) мерой высокой духовности), отдававшей аристократизмом духа – поскольку слишком наглядна и куда более убедительна была как раз иная противоположная тенденция к бездуховности, омассовлению и атомизации примитивизированных индивидов, переживающих одиночество в толпе, то формула была, скорее, приложима к тем, кто культивирует духоводительские практики или, по крайней мере, размышляет над этим. Что же касается

массового человека и массового общества, то ему были уготованы различные эрзацы и симулякры, в том числе избавлявшие от этих непосильных странствий души в поисках себя.

Более того, социально-манипулятивные технологии наработали массу практик компенсаторного характера, призванных «полечить» массовое сознание, подспудно испытывавшее подозрение, что все-таки вопросы о смысле бытия и природе человека (Что значит быть человеком, быть собой?) не совсем бессмысленны или пустопорожни.

Во-первых, это перелицовка традиционного религиозно-мифологического сознания, которое реальность заставляла поворачиваться лицом к человеку, отвечать на повседневные вопросы. Даже консервативное католичество, хотя и не без строгих окриков в адрес всевозможных «диссидентов», дерзавших скрещивать томизм с экзистенциализмом, психоанализом или того пуще – с марксизмом! – модифицировало свой дискурс социальности и повседневности. Тем более это касается протестантизма и сектантства. Дело пришло в столь заметное движение, что традиционные конфессии заговорили о том, что общество захлестнул вал «тоталитарных сект». В этих условиях православие в традициях византизма даже поспешило за помощью к государственному аппарату [4].

Во-вторых, бурное развитие всех видов и жанров массовой культуры с особым упором на всемерное использование современных СМИ и информационных технологий и технических средств. После эпохи господства «самого главного из искусств» – кино – этих фабрик грез, сыгравших огромную роль (в формировании человека: «Путевка в жизнь», «Повесть о настоящем человеке», «Американская мечта» и т. п.) в первой половине XX в. (и продолжающего в новой технологической оболочке), наступил век телевидения, пришедшего в каждый дом, существенно дополнившийся экраном компьютера, который в итоге переваривает в себе все виды и жанры масскульты, доводя их действие до невыносимой прежде эффективности. Фильмы, реклама, комиксы, игры, социальные сети мощно принялись пожирать свободное время человека – это пространство раз-

вития сущностных сил человека, одаривая его различными иллюзиями. Немаловажное значение при этом придается тому, чтобы индивид комфортно потреблял различные формы навязываемой ему самоидентификации («был самим собой»): в тотальном эртертейнменте-развлекалове, не менее тотальном потреблении («потребляй, или проиграешь»), псевдодуховных практиках «расширения сознания» и т. п.

Реакцией на подобные тектонические сдвиги выступают и поиски в области понимания того, что, собственно, представляет собой человек и вступил ли он в некую новую стадию – «пост-человека» [5].

Отдельно следует сказать и о социально-политических практиках, призванных формировать новый дискурс, в рамках которого были бы существенно девальвированы, если не опровергнуты, любые претензии людей на обретение чего-либо устойчивого, прочного: идеалов, смыслов, ценностей, убеждений. «Цинический разум» современного человека и общества обрел невероятную мощь и влияние.

Все эти процессы получили самое разнообразное выражение в архетипичном жанре травелога, древнего жанра повествования о всяческих скитаниях и странствиях человека и человечества – от самых древних преданиях и мифах о странствиях богов и героев до новейших эпических картин жизни как невероятного приключения и странствия от чуда рождения до неизреченного мрака смерти [6].

Жанр травелога в конце XX – начале XXI вв. обрел невероятно разнообразное воплощение: это и литература приключений и путешествий, это и всевозможные «беседы разочарованного со своей душой», повести о поисках высших степеней духовности и глубин сознания, а также – о поисках приключений на различные части тела, о глубинах человеческого падения [7].

Дискурс-анализ травелога как жанра обнаруживает его архетипичность (присутствие архетипических концептов Пути, Путника, Гостя, Приключения) и глубоко архетипическую структуру Пути как Выбора (Решения): в них помимо рационально-теоретического, интуитивно-

чувственного слоев присутствуют мощные слои коллективного бессознательного, глубоко связанные с историческими особенностями национально-этнических культур.

Что дает нам дискурс-анализ многообразного корпуса всевозможных современных травелогов? Философско-антропологическая проблематика конца XX в. пополнилась ярко выраженным в литературе концептом «мобильности»: поистине, через призму анализа травелогов человек и человечество предстает как окончательно сдвинувшиеся (а местами и свихнувшееся), пришедшие в тотальное движение. Огромные миграционные потоки людей, ищущих лучшей жизни (а то и просто – жизни!), фундаментальные изменения в образе жизни людей, превращающие ее в лихорадочную гонку, сопровождаются заклинаниями: «реформирование», «модернизация», «инновация».

Но процесс этот, как известно, двойственный. Травелог выразил широчайший спектр всевозможных движений души и тела человека, но он же формирует и задает его. Анализ семиотического аспекта травелога показывает нам, как он способен мощно формировать антропологические «практики себя» – от приключенческой литературы «дальних странствий» до скитаний души в поисках ценностей и смыслов [8]. Кратологический аспект дискурса травелога наглядно демонстрирует властно-распорядительные возможности предписывания «современного» (т.е. мобильного!) образа жизни через разнообразные каналы и средства. Институциональный аспект дискурса травелога обнаруживает целые системы социальных институтов, сложившиеся к концу XX в. и которые приводят в движение человечество [9] и заставляют его «разговаривать» об этом – от от маловразумительного «блогобормотания» до сложновыстраиваемых трактатов о причудливых странствиях и путешествиях («шоптуры», «гурмантуры», «автостопом по европам», экстремальный, экзистенциальный, экзотический космический и паломнический туризм, дауншифтинг и т.п.).

Концепт «катастрофы» – в его первоначальном древнегреческом смысле (как некоторого «крутого поворота» или «излома» в движении

сюжета, повествования) не случайно возникает в процессе исследования феномена «Человека странствующего» через призму его травелогов. Пришедшее в поистине глобальное движение-странствие человечество в начале третьего тысячелетия набрало столь значительные скорости, не имевшие прецедента в прошлом, что впору озадачиться закономерным вопросом: «Камо грядеши, Homo viator?».

1. Homo viator (лат.) – человек-путник (Марсель), «Человек – скиталец» (1945).

2. Классический марксизм сформулировал т.н. «Всеобщий закон капиталистического накопления»: Накопление капитала есть специфическая форма расширенного воспроизводства, свойственная капитализму, т.е. воспроизводства капитала и капиталистических производственных отношений в возрастающих масштабах, выходящих за национальные границы, превращаясь в глобальный процесс. К. Маркс: «производство, основанное на капитале, создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств... Отсюда великое цивилизирующее влияние капитала... Соответственно этой своей тенденции капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах, удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни. Капитал разрушителен ко всему этому» (Маркс К., Капитал, т. 1, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, гл. 23–24).

3. «Для неклассической философской антропологии принципиальным является положение о том, что ключ к человеку находится в патологии человека. Идеальным модельным объектом изучения человека являются не обезьяна, не человек в норме, а исключение из нормы. Так, для Фуко и Делеза идеальным модельным объектом является шизофреник, для Ильенкова – слепоглухонемой, для Поршнева – снежный человек, возникающий в результате нервного срыва, перехода через ультрапарадоксальную ситуацию, для Бородая и Гиренка – аутист. В последнем случае ставится под сомнение идея о том, что человек всегда есть некое бытие в мире». (<http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01409: article>).

4. Справочник «Религии и секты в современной России» // URL: <http://www.ystolika.narod.ru/>; <http://sobor.by/center.php?n=relsekty>.

5. Nick Bostrom. A History of Transhumanist Thought. Oxford University. Journal of Evolution and Technology – Vol. 14, Issue 1 – April 2005 // URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html>.

6. Ст. Гроф // Stanislav Grof, M.D. The Ultimate Journey. Consciousness and the Mystery of Death. 2006.

7. Шаламов В.. Колымские рассказы; Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйдмана. – М.: Прогресс, 1990.

8. Характерное выражение современного исследователя, создающего травелог нового типа: «В этой книге я пытаюсь суммировать философский и духовный опыт моего сорокалетнего личного и профессионального пути, включающего исследования неизведанных границ человеческой психики. Это было сложное и нелегкое странствие, порой весьма спорное, и в одиночку я бы

в него не отправился» (Гроф Ст. Космическая игра / Пер. с англ. Ольги Цветковой – М.: Изд-во АСТ. С. 3).

9. Tim Cresswell. *On The Move. Mobility in the modern Western World*. Rutledge, N.Y., 2006; John Urry. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2007.

1. Homo viator (lat.) – человек-путник (Marsel'), «Человек-скиталец» (1945).

2. Klassicheskij marksizm sformuliroval t.n. «Vseobshhij zakon kapitalisticheskogo nakopleniya»: Nakoplenie kapitala est' specificheskaya forma rasshirennoogo vosproizvodstva, svojstvennaya kapitalizmu, t.e. vosproizvodstva kapitala i kapitalisticheskix proizvodstvennyx otnoshenij v vozrastayushhix masshtabax, vyxodyashhix za nacional'nye granicy, prevrashhayas' v global'nyj process. K. Marks: «proizvodstvo, osnovannoe na kapitale, sozdaet sistemu vseobshhej e'kspluatatsii prirodnyx i chelovecheskix svojstv... Otsyuda velikoe civiliziruyushhee vliyaniye kapitala... Sootvetstvenno e'toj svoej tendentsii kapital preodolevaet nacional'nyu ograniченность i nacional'nye predrassudki, obozhestvlenie prirody, tradicionnoe, samodovol'no zamknutoe v opredelennyx granicax, udovletvorenie sushhestvuyushhix potrebnoostej i vosproizvodstvo starogo obraza zhizni. Kapital razrushitelен ko vsemu e'tomu» (Marks K., Kapital, t. 1, Marks K. i E'ngel's F., Soch., 2 izd., t. 23, gl. 23–24).

3. «Dlya neklassicheskoy filosofskoj antropologii principial'nyy yavlyayetsya polozheniye o tom, chto klyuch k cheloveku nachoditsya v patologii cheloveka. Ideal'nyy model'nyy ob'ektom izucheniya cheloveka yavlyayutsya ne obez'yana, ne chelovek v norme, a isklyucheniye iz normy. Tak, dlya Fuko

i Deleza ideal'nyy model'nyy ob'ektom yavlyayetsya shizofrenik, dlya Il'enkova – slepogluxonemoy, dlya Porshneva – snezhnyy chelovek, vznikayushhij v rezul'tate nervnogo sryva, perexoda cherez ul'traparadoksal'nyu situatsiyu, dlya Borodaya i Girenka – autist. V poslednem sluchae stavitsya pod somneniye ideya o tom, chto chelovek vseгда est' neкое bytie v mire». (<http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01409>: article).

4. Spravochnik «Religii i sekty v sovremennoy Rossii» // URL: <http://www.ystolika.narod.ru/>; <http://sobor.by/center.php?n=relsekty>.

5. Nick Bostrom. A History of Transhumanist Thought. Oxford University. *Journal of Evolution and Technology* – Vol. 14, Issue 1 – April 2005 // URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html>.

6. St. Grof // Stanislav Grof, M.D. *The Ultimate Journey. Consciousness and the Mystery of Death*. 2006.

7. Shalamov V. Kolymskie rasskazy; Frankl V. *Человек в поисках смысла: Сbornik / Пер. с англ. и нем. D.A. Leont'eva, M.P. Papusha, E.V. E'jdmana*. – М.: Progress, 1990.

8. Xarakternoe vyrazheniye sovremennogo issledovatelya, sozdayushhego travelog novogo tipa: «V e'toj knige ya pytayus' summirovat' filosofskij i duxovnyj opyt moego sorokaletnego lichnogo i professional'nogo puti, vklyuchayushhego issledovaniya neizvedannyx granic chelovecheskoj psixiki. E'to bylo slozhnoe i nelegкое stranstvie, poroj ves'ma spornoe, i v odinochku ya by v nego ne otpravilsya» (Гроф Ст. Космическая игра / Пер. с англ. Ольги Цветковой – М.: Изд-во АСТ. С. 3).

9. Tim Cresswell. *On The Move. Mobility in the modern Western World*. Rutledge, N.Y., 2006; John Urry. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2007.

UDC 111.6

HOMO VIATOR – IN THE LIGHT OF IT`S TRAVELOGUE ON THE BORDELINЕ OF XX–XXIth CENTURIES

Rusakov Vasilii Matveevich,

Institute of International Relations,
Head of the Chair of Philosophy and Culturology,
Doctor of Sciences (Philosophy), full professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The paper analyzes the concept of «Man of the moving» (wandering) as a symbol of the most characteristic features of human life on the borderline of XX–XXI the centuries. This concept is multi-level and covers a wide range of manifestations of mobility: from moving in the physical space and time to intense spiritual researches. The liquid modernity puts modern humanity on the verge of anthropological disaster.

Key words:

mobility, anthropological practice, anthropological catastrophe discourse travelogue.

УДК 316

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Кочнева Елена Дмитриевна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: politology301@yandex.ru

Аннотация

Студенческая мобильность рассматривается как тренд эпохи глобализации. В статье проводится анализ моделей рекрутинга студентов для обучения за рубежом, отмечается доминирование рыночных целей в университетских программах академического обмена.

Ключевые слова:

студенческая мобильность, глобализация, высшее образование, мировой образовательный рынок, модель рекрутинга.

В последние годы студенческая мобильность является неотъемлемой частью жизни практически любого университета. Индикаторы и показатели мобильности рассматриваются в качестве индикаторов эффективности деятельности университета. При всей неоднозначной оценке академическим сообществом Болонских принципов эти самые принципы внедряются постепенно в университетскую жизнь, отчасти меняя ее формы и содержание.

Развитие студенческой мобильности в Европе обусловлено появлением Европейского союза – своеобразного государства без географических границ, с единой валютой, высоким уровнем международного разделения труда и трудовой миграции во всех сферах промышленного производства. Но при этом остаются существенные различия в языках и культуре. Словом, в Европе академическая мобильность является востребованным

политическим, социальным и экономическим процессом, который приносит результаты. Финансовое обеспечение является важной составляющей программ студенческого обмена, без которого тот рискует превратиться в «утечку интеллектуального капитала».

За последнее десятилетие количество студентов, путешествующих в другую страну в целях получения высшего образования увеличилось более, чем на 95% – около 4,1 млн. студентов по всему миру [4, с. 214]. Глобализация стала основной движущей силой, которая оказала влияние на быстрый рост студенческой мобильности и на изменение мирового образовательного рынка. Традиционный поток студентов из востока на запад и из юга на север стал более разнообразным, несмотря на стремление все большего количества студентов получить «нетрадиционное» образование за рубежом [3, с. 117]. Мобильность создает много преимуществ

и возможностей, однако многие студенты не возвращаются в родную страну, и подобная «утечка умов» является большой потерей для экономики их стран.

Новые информационные и коммуникационные технологии также способствуют мобильности. Эти технологии облегчают внедрение совместных программ и проведение совместных исследований, смягчая негативные последствия «утечки умов». Например, в 2006 году ЮНЕСКО и компания Hewlett Packard запустили совместную программу по превращению «утечки умов» в «приток умов» [7]. Этот проект основывался на результатах ранее проведенного эксперимента в странах Южной и Восточной Европы и использовал новые информационные и коммуникационные технологии для общения ученых, которые остались в стране, с учеными, которые уехали из страны.

Развивающиеся страны наравне с западноевропейскими соперничают за место в мировом рынке международного образования. Например, Иордания нацелена на привлечение 100 тыс. иностранных студентов к 2020 году. Сингапур стремится открыть двери для 150 тыс. иностранных студентов к 2015 году. Япония планирует привлечь 300 тыс. иностранных студентов к 2025 году. Однако самую амбициозную задачу поставил перед собой Китай – привлечь около 500 тыс. иностранных студентов к 2020 году. Согласно Project Atlas [1], в 2010 году в Китае уже обучалось более 265 тыс. иностранных студентов, включающих в себя как студентов, приехавших по обмену, так и студентов, получающих академическую степень. Для достижения своей задачи Китай уже предпринял шаги в сторону повышения институционального потенциала вузов для приема иностранных студентов на обучение. Также Китай выделил специальные средства в виде грантов для иностранных студентов.

У ряда развивающихся стран, стремящихся стать популярными для обучения, возникает дилемма по поводу способности приема студентов извне. Во-первых, необходимо обе-

спечить высшим образованием подрастающее население собственной страны, а, во-вторых, нужно создать условия для приема иностранных студентов и активного вовлечения в международный образовательный обмен.

В настоящее время Индия и Китай становятся все более влиятельными не только в мировой экономике, но и в усилении глобальной мобильности студентов. За 5 лет (в период с 2004–2009 гг.) соотношение индийский и китайских студентов среди международных студентов выросло на 5%. Такой рост объясняется следующими основными факторами: растущее благосостояние населения, благодаря которому можно позволить образование за рубежом, и увеличивающаяся ценность качества образования. Согласно отчету о благосостоянии азиатско-тихоокеанского региона в 2012 году в Китае количество миллионеров увеличилось на 5,2%, что в итоге составило 562,4 тысячи человек [2].

Четвертый год подряд Китай находится на первом месте по числу студентов, приезжающих для обучения в США (23,1% или 194,029 человек), и это число растет быстрыми темпами [6, с. 93–94]. Несмотря на то, что происходит сокращение бюджетных средств в университетах США, они энергично набирают и принимают иностранных студентов. Качество, разнообразие, пропускная способность и доступность американских университетов являются достаточно убедительными факторами, которые делают университеты США привлекательной целью для зарубежных студентов, которые не получают федеральную финансовую помощь.

Рыночные факторы, влияющие на потоки зарубежных студентов, не являются исчерпывающим объяснением того, почему студенты едут учиться в США. Правительственные инициативы по отправке студентов за границу в целях упрочения академических навыков и знакомства с разными культурами также оказывают существенное влияние на потоки зарубежных студентов.

Успешная пропускная система целого ряда университетов была бы не осуществима

без внедрения новых моделей международного рекрутинга. Эти новые модели включают в себя рекламирование он-лайн, систему выплат комиссионных агенту – поставщику студентов. Например, такие Интернет-сайты, как Chasedream.com в Китае и Pagalguay.com в Индии помогали молодежи в принятии решения обучаться за границей. В настоящее время многие учебные заведения используют веб-сайты для своей рекламы и достигают большого расширения услуг для своих будущих студентов. В борьбе за привлечение лучших талантов эффективными и экономически выгодными оказываются такие модели международного рекрутинга студентов, в которых коммерческие цели доминируют над академическими ценностями образования.

В то же время, многие ведущие принимающие страны (США, Великобритания), продолжают заниматься вопросами «выталкивания» еще большего количества студентов на обучение за рубеж. В частности, в 2009 году Барак Обама инициировал программу «100,000 Strong Educational Exchange Initiatives», направленную на поддержку обучения 100 000 американцев в Китае [5]. Финансирование программы предполагается не из государственного бюджета, а за счет средств частных компаний.

В последние годы термин «мобильность» расширяется с традиционного географического понятия до более широкого толкования: студенты, а также ВУЗы и образовательные программы стали мобильными. Мобильность теперь воспринимается в форме дистанционного и виртуального обучения (например, веб-семинары, веб-лекции). Появляются модели филиалов ВУЗов, а также региональные образовательные «хабы» – «Город знаний» (Knowledge City) в Дубае, «Город образования» (Education City) в Катаре и «Всемирная школа» (Global Schoolhouse) в Сингапуре.

Для государства академическая мобильность позволяет создавать эффективный региональный рынок труда, обмениваться квалифицированными человеческими ресурсами, перераспределять ограниченные бюджетные средства, готовить когорту лидеров в различных областях, формировать взаимное доверие

элит стран, а также, повышать конкурентоспособность национальной системы образования.

Причинами роста численности студентов, обучающихся за границей, все больше являются рыночные процессы, а не государственная политика или вопросы оказания помощи. Международный рынок образовательных услуг превращается в стремительно развивающийся сектор экономики, центральными элементами которого являются международный маркетинг образовательных учреждений и целенаправленный набор иностранных студентов.

1. Институт международного образования: Project Atlas China [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iie.org/Services/Project-Atlas/China>.

2. Исследование Capgemini: мировое благосостояние в 2012 году [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/06/20/4443>.

3. Трэмблэй К. Интернационализация: Формирование стратегий в национальном контексте // Вестник международных организаций. 2010. № 3 (29). С. 117.

4. How many students study abroad? // OECD Factbook 2011–2012. Economic, Environment and Social Statistics. 2011. P. 214.

5. Official website of U.S. Department of State: «100,000 Strong Educational Exchange Initiatives» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.state.gov/100k/>.

6. Trends in International Migration. Continuous Reporting System on Migration. Annual Report. OECD 2011 Edition. Pp. 93–94.

7. UNESCO. Education today: from brain drain to brain gain [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001477/147739e.pdf>.

1. Institut mezhdunarodnogo obrazovaniya: Project Atlas China [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.iie.org/Services/Project-Atlas/China>.

2. Issledovanie Capgemini: mirovye blagosostoyanie v 2012 godu [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/06/20/4443>.

3. Tremble'j K. Internacionalizaciya: Formirovanie strategij v nacional'nom kontekste // Vestnik mezhdunarodnyx organizacij. 2010. № 3 (29). S. 117.

4. How many students study abroad? // OECD Factbook 2011–2012. Economic, Environment and Social Statistics. 2011. P. 214.

5. Official website of U.S. Department of State: «100,000 Strong Educational Exchange Initiatives» [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.state.gov/100k/>.

6. Trends in International Migration. Continuous Reporting System on Migration. Annual Report. OECD 2011 Edition. Pp. 93–94.

7. UNESCO. Education today: from brain drain to brain gain [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001477/147739e.pdf>.

UDC 316

CONTEMPORARY TRENDS OF STUDENT MOBILITY

Kochneva Elena Dmitrievna,

Ural Federal University, named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Institute of social-political sciences,
magistrant,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: politology301@yandex.ru

Annotation

The student mobility is regarded as a trend of the epoch of globalization. The article presents an analysis of the recruiting models of student education abroad, notes the domination of market targets in University programs of academic exchange.

Key words:

student mobility, globalization, high education, world educational market, recruiting model.

УДК 316

МОБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДА

Моисеенко Ян Юрьевич,

Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние неинституализированных критериев на процесс политической социализации личности через призму мобильности в трёх измерениях. Мобильность рассматривается как продукт социального времени и пространства и является важным двигателем процесса, поскольку даёт преимущества в процессе распределения власти.

Ключевые слова:

политическая социализация, мобильность, неинституализированные действия, микрополитические практики, адаптивность.

В современном, высокотехнологичном мире увеличение многообразия субъектов политики становится объективной тенденцией, которая находит своё проявление в характере формируемого их действиями политического процесса. Его отличительной чертой становится преобладание значимости неинституализированных действий субъектов над институализированными, в том числе, рост влияния микрополитических практик отдельных индивидов на фоне законной деятельности классических институтов власти. Концепция «власти», предложенная Мишелем Фуко, наглядно демонстрирует подоплёку для этих утверждений, поскольку она умаляет актуальность «юридической модели», где принято уступать приоритет властных отношений государству и его функционированию [2, с. 59].

Согласно Мишелю Фуко «под властью надо понимать, прежде всего, многообразие

отношений силы, внутренне присущих областям, в которых они существуют, и являющихся конституирующим элементом данных областей; а также те игры, битвы и конфронтации, в ходе которых они трансформируются...» [7, с. 122]. В связи с этим определением, любой властный ресурс рассредоточен в среде, в каждой точке пространства общественных связей, равно как и ресурсы сопротивления власти, между которыми и происходит напряжение, формирующее силовые поля. В этом отношении, справедливо возникает вопрос о значимости адаптации индивида к окружающей среде и степени его интеграции в пространство, в котором происходит сам процесс перераспределения власти, посредством изменения сочетания различных сил, формирующих его. Как показывает практика, чем качественнее происходит усвоение личностью ценностей, норм той политической культуры, в которую она включена, тем эф-

фективнее она исполняет политические роли и функции в обществе – процесс чего и получил название политической социализации [1, с. 133].

Концепция политической социализации развивается непрерывно, а её структура лишь усложняется появлением новых важных факторов, особенно, на социально–психологическом и индивидуальном уровнях. К примеру, на современном этапе, помимо классических критериев социализации, таких как тип государственного устройства, режим, экономическая ситуация, влияния их на ощущение человеком своей роли в обществе, с большим вниманием относятся к новым критериям вхождения человека в политическое поле – его ценностным ориентациям, потребностям, личностным установкам. Так или иначе, каждый из критериев обуславливает степень доступа индивида к тем властным ресурсам, которые формируют собой силовое поле общественных отношений. Тем не менее, одновременное совпадение их с предпочтениями, разделяемыми группой, на которую индивид ориентируется, может оказаться недостаточным для того, чтобы успешно влиться в неё и, посредством неё, извлечь пользу из процесса трансформации властных отношений. В данном ключе, на первый план следует вынести вопрос смысловой нагрузки практик, которые предпринимает индивид, желая адаптироваться к среде, поскольку одни и те же, на первый взгляд, действия могут оказаться как эффективными, так и бесполезными. Результат во многом зависит от их своевременности, то есть, индивид может достичь успеха действиями, если осуществляет их в тот момент времени и в той точке общественного пространства, в которых среда готова к восприятию наполняемого смысла. Кроме того, нельзя не учитывать такой фактор, как способность к максимально быстрому действию, что следует рассматривать в сопряжённом соревновательном контексте – ведь, чья-либо быстрота – это, одновременно, и чья-либо медлительность, по тому же принципу Фуко, где силовое поле есть и власть, но в то же время, и сопротивление этой власти [7, с. 126]. Что в процессе борьбы, в частности, за позицию в референтной группе, в динамичном мире «те-

кучей современности», может стать ключевым преимуществом в достижении положительного результата для осведомлённого индивида.

Таким образом, в научное осмысление вопросов адаптивности человека к внешней среде было введено важное понятие «мобильности», отражающее его способности к своевременному быстрому перемещению из одной точки социального пространства в другую. Разумеется, сам этот термин имеет куда более широкое толкование, чем представленное в данной статье. Но здесь мы будем исходить из понимания мобильности, как некой социальной грани жизни индивида, насыщенной смыслом и властью, являющейся продуктом социального времени и социального пространства. То есть, последуем тому взгляду на неё, который предлагает нам профессор кафедры «Истории и международных отношений» Северо-восточного университета Тим Крессуэл в своей книге «На пути» [3, с. 3].

Он предлагает рассматривать мобильность в контексте трёх измерений: «собственно, движения», «его представления» и «практики» [5, с. 160]. Что касается первого из них, то в нём мобильность предстаёт процессом преодоления пространства, фактом перемещения из одной его точки в другую. Во втором, она постигается нами в контексте разделяемого нами восприятия её значения, в третьем измерении, она воплощается в конкретные практики движения. В конечном итоге, достаточно сложно отделить одно измерение от другого, но в процессе де-конструкции любого социального движения важно каждое из них [5, с. 161]. Первично, мы всегда склонны воспринимать мобильность в рамках физического перемещения тел в пространстве. Но, несмотря на кажущуюся поверхностность этого взгляда, что прослеживается в случае экстраполяции его с предметов на идеи, которые движутся по образу и подобию тел, такой подход также важен, поскольку позволяет превратить пока ещё абстрактное представление о феномене мобильности в некий исходный материал для дальнейшего его преобразования. К примеру, передвижение тел можно зафиксировать, из-

мерить, на основании чего провести анализ и вывести из него новую парадигму, подобно тому, как поступили Йонас Эллиассон и Матс-Горан Маттсон в статье «Пришло время использовать функционально-ориентированный общественный транспорт?» [6]. Они подвергли исследованию периоды наибольшей частоты перемещения индивидов по городу в течение рабочего дня и предложили связать с этим фактом активность общественного транспорта, что могло послужить, с одной стороны, его эффективной работе и экологической безопасности города. С другой – сделать более доступным процесс социальной адаптации к вызовам внешней среды для максимального количества индивидов, каждый из которых получал больший шанс достичь пункта назначения столь же быстро, как и его конкуренты.

В этом контексте, прослеживается второе измерение мобильности – то, чем она представляется нам, как мы способны её интерпретировать. Крессуэл полагает, что число гипотетических интерпретаций значения мобильности во многом превышает количество способов его измерения. Он приводит лишь некоторые из них, такие как «приключение», «скука», «развитие», «свобода», «модерность» или «угроза» [5, с. 161]. Пример с адаптацией расписания транспорта к потребностям личности может вызвать полярные реакции в обществе. Часть может отнестись к такому нововведению как к позитивной модернизации, проявлению развития службы общественных коммуникаций, позволяющей выгодно экономить время. Другие же увидят в нём пугающую, тоталитарную составляющую, насильственную попытку подчинения человека навязанному ему свыше распорядку. Подобный принцип прослеживается в политическом поле, также как и в социальном: актуальный в глобальном масштабе вопрос миграции может быть рассмотрен с точки зрения полярных ракурсов. Этот феномен может стать как символом «свободы» индивида, который мигрируя, пересекает прежде сдерживающие его географические пределы, границы, так и символом «несвободы», в контексте понимания миграционных потоков

как источников дешёвой рабочей силы выходцев из стран «третьего мира».

Все эти значения конструируют собой третье измерение мобильности – практику, которая находит воплощение совокупно с нашей каждодневной деятельностью – пешими прогулками, вождением автомобиля, перелётами. В этом контексте важно учитывать сочетание непосредственного движения с нашим отношением к нему и теми смыслами, которые мы в него вкладываем. Именно такой взгляд на «мобильность» позволяет считать её полноценным критерием нашей способности адаптации к внешней ситуации. Политический аспект этого третьего измерения мобильности заключается в том, что именно практики субъектов политики формируют её процесс. Важно учитывать тот факт, что степень участия субъекта в политической жизни в целом зависит не столько от того, какие действия им предпринимаются и каковы результаты этих действий, сколько от другого аспекта. Являются ли они сопоставимыми с теми их результатами, что предполагались им и остальными участниками политического процесса, то есть, соответствует ли смысл, вкладываемый им в действие, с его интерпретацией?

Исходя из этого знания, в обществе формируется концепция принятых властных отношений, которая разворачивает понятную каждому иерархию и границы допустимого и дозволенного. Таким образом, авторитарный режим ограничивает мобильность своих субъектов, устанавливая строгие границы как в географическом, пространственном понимании, так и в социальном, препятствует свободному перемещению из одного города в другой, равно как из одной страты в другую. Политический режим демократического толка, напротив, открывает границы и вводит «шенгенскую визу», облегчающую перемещение. В той же степени, возможно утверждение, в котором причина заменяет собой следствие – авторитарный режим по своей природе статичен, и поэтому не приемлет «мобильного» образа жизни его субъектов, который, в противном случае, усложнил бы процесс надзора за ними. Тогда

как понятие «демократии» в современном его понимании само несёт в себе склонность к движению, что в полной мере воплощается в «демократическом транзите» и его ценностях, что также является эффективным способом подчинения.

В конечном итоге, можно сделать вывод, что в мире, развитие которого протекает по экспоненте, «мобильность» его субъектов является одним из ключевых критериев их преуспевания, отставания в контексте распределения власти и баланса сил между ними. Более того, мобильность всегда сопряжена с успешной адаптивностью индивида к среде, поскольку она позволяет чутко реагировать на изменения и менять приоритеты и ориентации в пространстве и времени в соответствии с принятым видением их в том политическом поле, войти в которое он стремится.

-
1. Оврах Г.П. Политология: учебное пособие. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2000. 149 с.
 2. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001. С. 58–82.
 3. Cresswell Tim. On the Move: Mobility in the Modern Western World. Routledge: Taylor & Francis Group, 327 p.

4. Cresswell Tim. The production of Mobilities. New formations, Vol. 43, 2001. Pp. 3–25.
5. Cresswell Tim. Towards a Politics of Mobility. African Cities Reader II: Mobilities and Fixtures. ed. / Edgar Pietrese; Ntone Edjabe. Vol. 2 Vlaeberg, South Africa: African Centre for Cities & Chimurenga Magazine, 2011. Pp. 159–171.
6. Eliasson, J. and Mattson, L-G. It is time to use activity-based urban transport models? A discussion of planning needs and modelling possibilities, Annals of Regional Science, Vol. 39, 2005. Pp. 767–789.
7. Foucault, Michel. The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction. London: Allen Lane, 1976. 168 p.

-
1. Ovrax G.P. Politologiya: uchebnoe posobie. Vladivostok: TIDOT DVGU, 2000. 149 s.
 2. Sokuler Z.A. Znanie i vlast': nauka v obshhestve moderna. SPb.: RXGI, 2001. S. 58–82.
 3. Cresswell Tim. On the Move: Mobility in the Modern Western World. Routledge: Taylor & Francis Group, 327 p.
 4. Cresswell Tim. The production of Mobilities. New formations, Vol. 43, 2001. Pp. 3–25.
 5. Cresswell Tim. Towards a Politics of Mobility. African Cities Reader II: Mobilities and Fixtures. ed. / Edgar Pietrese; Ntone Edjabe. Vol. 2 Vlaeberg, South Africa: African Centre for Cities & Chimurenga Magazine, 2011. Pp. 159–171.
 6. Eliasson, J. and Mattson, L-G. It is time to use activity-based urban transport models? A discussion of planning needs and modelling possibilities, Annals of Regional Science, Vol. 39, 2005. Pp. 767–789.
 7. Foucault, Michel. The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction. London: Allen Lane, 1976, 168 p.

UDC 316

MOBILITY AS A FACTOR OF POLITICAL SOCIALIZATION OF INDIVIDUAL

Moyseenko Yan Yurievich,

Ural Federal University named after the First president of Russia B.N. Eltsin,
Institute of social-political sciences,
magistrant,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

Annotation

The article is concerned to the impact of non-institutional criteria on the process of political socialization of individual through the lenses of mobility in its three aspects. Mobility is understood as a product of social time and space and forces the process of socialization so far as offer advantages in the distribution of power.

Key words:

political socialization, mobility, non-institutional activities, micro political practices, adaptability.

УДК 821

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Железняк Владимир Николаевич,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
профессор кафедры истории философии,
доктор философских наук,
Пермь, Россия.
E-mail: shlezo@newmail.ru

Железняк Валентина Семеновна,

Пермская государственная академия искусства и культуры,
кандидат философских наук, доцент,
Пермь, Россия.
E-mail: shlezo@newmail.ru

Аннотация

В статье анализируется экзистенциальная коммуникация посредством поэтического дискурса. Предметом исследования выступают поэтические тексты Г. Тракля. Музыкальность рассматривается в качестве фундаментальной характеристики поэтического дискурса экзистенциальной коммуникации.

Ключевые слова:

дискурс, коммуникация, трансцендентное, поэтический дискурс, экзистенциальная коммуникация.

Ощущаю себя почти по ту сторону мира.
Г. Тракль (Из письма Л. Фиккер).

Есть разные виды коммуникаций и разные виды коммуникативных дискурсов. Нас интересуют тексты, через которые возможна коммуникация с трансцендентным. При этом мы отдаем отчет в том, что в неклассической культуре трансцендентное может пониматься сугубо негативно (например, как «открытость бытия», ничто и т. п.). Среди всего необозримого множества культурных дискурсов мы выбираем поэтический код, в котором человечество зашифровало самую сокровенную истину бытия. А среди необозримого моря шедевров большой поэзии мы выбрали экспрессионистский опус Георга Тракля. Немаловажным является то обстоятельство, что приведенное ниже стихотворение вызовет у философствующего

читателя воспоминание о «прояснениях» поэзии Тракля М. Хайдеггером [1, с. 11], равно как и о его «экзистенциальной герменевтике». Эти и подобные аллюзии упрощают нашу задачу.

Приводим немецкий текст этого небольшого лирического откровения.

Entlang

Geschnitten sind Korn und Traube,
Der Weiler in Herbst und Ruh.
Hammer und Amboß klingt immerzu,
Lachen in purpurner Laube.

Astern von dunklen Zäunen
Bring dem weißen Kind.
Sag wie lang wir gestorben sind;
Sonne will schwarz erscheinen.

Rotes Fischlein im Weiher;
Stirn, die sich fürchtig belauscht;
Abendwind leise ans Fenster rauscht,
Blaues Orgelgeleier.

Stern und heimlich Gefunkel
Läßt noch einmal aufschaun.
Erscheinung der Mutter in Schmerz und Graun;
Schwarze Reseden im Dunkel.

С опытом поэтического перевода этого стихотворения читатель может познакомиться в известном сборнике сочинений Г. Тракля, изданном в 2000 г. в Санкт-Петербурге [2, с. 206–207]. Подстрочник и его толкования содержатся в тексте настоящего эссе. Его «темное» название, «Entlang», также обретает некоторое просветление в нижележащем тексте.

Опыт бытия для современного человека, интегрированного в современную культурную ситуацию, – это опыт его здесь-бытия, в кругу наличных земных условий, которые легко зафиксировать путем простого перечисления (в серьезной художественной практике – экзистенциально-символического счета). Человеческое здесь-бытие ситуативно. Наличную ситуацию можно считать и считать в любом направлении – вдоль (entlang) и поперек. Например, хрестоматийное: «Ночь, улица, фонарь, аптека». Или я вижу сейчас в окно: осень, лестница, дорожки сада. Фиксация фактичности здесь-бытия может выражать различную степень символической нагруженности: от бытовой прозы до сложной музыкальной образности. Экзистенциально-символический счет идет не вширь, а вдаль (entlang) и при кажущейся простоте приема позволяет эффективно взламывать прагматические и физические связи вещей, за круг которых мы хотим выйти. В свете неклассических дискурсивных практик выход за границы наличного бытия (тем более за границы мирового феномена) невозможен. Попытка коммуницировать с тем, что категорически недостижимо, неминуемо ведет к взлому наличного порядка вещей в мире и мощной музыкальной символизации.

Стихотворение Г. Тракля называется «Entlang» («Вдоль»). Это лучше и понятней, чем, скажем, «Querdurch» («Поперек»). Его четыре строфы чередуются в таком порядке: «перечисление», «прорыв», вновь «счет» ситуации, вновь «прорыв» за пределы наличного бытия.

Первая строфа – «простая» фиксация места, где разыгрывается событие: хлеб и виноград убраны, в деревеньке осенний покой, повсюду слышны молот и наковальня, смех в пурпурной листве. Здесь нет чрезмерной символизации и никакой поэтической мистики. Все просто: убранные поля, осень, гулкие удары молота, смех. Но каждый такой факт схватывает наличность бытия, уже упакованную в языке и, так сказать, выкликаемую языком. Поэтическая музыка гилетична благодаря слову, отягощенному веществом и программирующему воображение. Мы видим убранные поля и виноградники. Образ убранного урожая входит в опыт осени, легко схватывается и ориентирует сознание (правда Korn und Traube – хлеб и вино – могут отсылать нас к символике святых даров, к сверхсимволам земного). Деревня – в осени, в покое. Осенний покой погружает в себя, охватывает, захватывает, топит в себе. Тем не менее, итоговый образ очень простой, «понятный», реалистичный, почти бытовой. Повсюду слышны удары молота о наковальню. Правда, сюжетная аранжировка строки, порождающая микрокатарсис цельного образа, несколько усложнена: непрерывно звучат молот и наковальня (акцент на молоте и наковальне, равно как выше – на зерне и винограднике, на осени и покое). Выкликаются вещи в их материально-вещественной плоти. Мы движемся вдоль (entlang) вещей, а не прочь от них. К звукам наковальни в последней строке первой строфы добавляется смех – в пурпурной листве. Однако экзистенциальная составляющая катарсисного восприятия этих строк коренится не в аранжировке каждого образа в отдельности, а в уровне их обезличенности. Именно в этом, а не в отлете от материи вещей (от «земли»), заключается ключевой прием.

Где находится деревня? – Нигде. Кто работает молотом? – Никто. Чей смех в листве? – Ничей. Человек, например, дотошный литерату-

ровед, живущий в общепринятом, классическом по происхождению, дискурсе, может пытаться дать «позитивные» ответы на эти вопросы, используя биографические данные автора и т. п. И это имеет определенное «научное» значение – но за пределами поэтического творения. Фактичность в фиксации наличного бытия, его «здесь» и «когда», достигается за счет введения в ситуацию ничто. Таким образом достигается открытость наличного бытия. Убранное поле, осенний покой, гулкие звуки ударов молота, смех – все обретает самодовлеющее значение в порядке первичной символизации образов. Первое условие коммуникации с трансцендентным – введение в наличное бытие ничто, обнаружение и переживание его присутствия. Подлинное «здесь» наличного бытия обретается на его границе. Получается, что мы начали движение «вдоль» (entlang) вещей – по направлению к ничто.

Выражаясь тривиально, во второй строфе – «прорыв к экзистенции». Уровень символизации образов, которые программируются композицией строк в нашем нейтральном, обращенном, пережившем радикальное «эпохе» воображении, на порядок более высок нежели ранее. Темные ограды – белое дитя; черное солнце смерти. Действительно, размагниченная меональным отстранением фактичность здесь бытия прорывается. «Страх» как следствие и симптом такого прорыва не должен форсироваться и принимать форму субъективного эмоционального напряжения (форму театральной декламации).

Две синтаксически структурированные полустрофы представляют собой два императива: «принеси!» и «скажи!». Нечто или некто обращается к герою-медиуму (за которым стоит автор-медиум) с просьбой или приказом: «Астры с темных оград / Принеси белому ребенку. / Скажи, как долго мы мертвы; / Уж черное светит солнце». Конечно, можно попытаться выяснить, что «табельный» автор этого стихотворения – Георг Траклъ – имел в виду под «белым дитя» или черным солнцем. Такое исследование, скажем еще раз, не будет иметь

никакого отношения к поэтическому творению, живущему своей собственной жизнью, и к тому «субъекту», который явлен в этой жизни. Переводчик может ломать голову, вытекает ли из текста, что «лирический герой» интересуется, как долго он был мертв (а этой осенью ожил), или герой просто мертв и спрашивает, давно ли (вот уж и солнце собирается светить черным светом)? Вопросы эти выйдут за границы структурированных текстом образов и являются ложными. Поэтические смыслы имеют музыкальное, а не логическое или обыденное значение. И чтобы «понимать» поэтическое творение достаточно не выходить за пределы его музыкального строя. Что же нам открывается в этих строках?

«Астры с темных оград / Принеси белому ребенку...» В литературоведческой науке есть тенденция расшифровать символический язык поэзии Траклъ. Особенно привлекает исследователей символика цвета (в данном стихотворении: пурпурный, темный, белый, черный, красный, синий). Высказываются соображения относительно того, что может значить «белое дитя». Для нас, еще раз повторяем, это не имеет первостатейного значения. Мы настаиваем на запрете покидать сферу музыкальности лирического творения. Музыкальность есть фундаментальная характеристика поэтического дискурса, выводящая нас за границы прямой (словарной) семантики языка. Интонационная структура программирует визуализирующий аппарат нашего духа, рисующий вереницу образов. Поэтическое бытие по способу своего явления тождественно или однопорядково с бытием музыкальным. Воображение, послушное запечатленному в поэтическом языке художественному эйдосу, рисует темные ограды, астры и белое дитя, которому нам велено их принести. Требуется специальная процедура «эпохе», чтобы заблокировать все, что выходит за пределы этих музыкально-поэтических высказываний. Мы удерживаем себя внутри безмолвного скольжения образов, выражающих поэтическую идею. Мы натываемся на темный забор, с которого мы должны доставить цветы

белому дитя. Мы натываемся на границу, идея которой не есть значение поэтического кода, который нам, якобы, удалось расшифровать. Перед нами граница нашего бытия, наше «здесь», locus нашего существования, которые определены тем, что до и что за этой границы. Не приведи Бог простому, доброму человеку увидеть белое дитя там – за темной оградой (в ее пределах или за ее пределами). Ведь это все равно, что увидеть собственную смерть.

«Скажи как долго мы мертвы...» Поэтический синтаксис не предполагает здесь знака вопроса, потому что не предполагается какой-либо ответ. Герой лирического героя, которого вопрошают, или который вопрошает (все равно), – по ту сторону круга существования (темной ограды здесь-бытия). Осенний пейзаж, открывшийся нам, видится глазами мертвого. Здесь-бытийная граница, задаваемая двумя прочитанными строфами, – относительна (насколько она может быть относительной). Здесь нет тривиального страха, доступного простым, добрым людям, не желающим умирать. Речь может идти о высоте точки зрения, запрограммированной этими строками в проекторе нашего воображения. Так, я смотрю сейчас в окно на осенний сад и легко могу воспринимать его вне времени, в абсолютном безмолвии его самодостаточной истины. Это возможно и даже неизбежно благодаря погружению в поэтический дискурс Тракля (австрийского экспрессионизма и некоторых его немецких почитателей).

Третья строфа опять представляет собой перечисление фактических элементов наличной ситуации. Гилетическое, материально-вещественное содержание разыгрывается в микрокатарсисе строк и образов: «сюжет» строки «преодолевается» поэтическим синтаксисом, парадоксальностью смысловых сопряжений. Но все же главным здесь является фактичность как таковая – констатация вещей, удаленных из повседневной связи и обретающих свое собственное наличное бытие (начинающих существовать по типу Dasein – в поэтическом «сочинении» вещей это возможно). «Красная рыбка в пруду; / Лоб, испуганно подглядывает за со-

бой; / Вечерний ветер тихо шумит за окном; / Голубые звуки органа.» Здесь утверждаются вещи: рыбка, маленький пруд, человеческая голова (лоб), ветер (тихо бьется в окно), протяжный звук органа. Это все. Больше ни о чем в этой строфе не говорится. Но в логике образов – в логике музыкальности – раскрывается то, что стоит по ту сторону экзистенциальной фактичности. Две полустрофы разделены синтаксическим маркером – во второй для разделения строк достаточно запятой. За красной рыбкой следует лоб. В ситуации эпохи, о которой должен позаботиться читатель и исполнитель стихотворения, наше освобожденное от всех субъективных и «объективных» аллюзий сознание бесстрастно принимает лоб, который испуганно прислушивается к себе. По-русски лучше сказать «голова» (в лабораторных целях можно даже сказать «мозг»). Важно, что речь идет не о душе, а о вещи, веществе, материи. Испуг не в душе – но поставлен на костяное шасси лба. Красная рыбка и некто с испугом во лбу.

Вторая половина строфы одаривает нас ситуацией, которую всегда ждет любой почитатель «философской лирики»: появляется окно (или какой-либо иной медиаэкран), разделяющее поэтическое («сочиненное») здесь-бытие на то, что по сю сторону (дом) и по ту сторону (мир). В окно тихонько стучит вечерний ветер и вместе с ним доносятся долгие звуки органа. Там, где появляется граница человеческого «здесь», немедленно появляется и нездешний «зов», призывающий ее переступить. Но все это философствование, конечно, вторично. Все сказанное здесь вполне упаковано в музыкальном движении образов, жестко сцепленных с каскадом экзистенциальных фактов. Голубые звуки органа зовут переступить границу этого, здешнего мира. Нетривиальность ситуации состоит в том, что никакого иного, потустороннего мира нет. Но есть граница; есть напряжение между полюсами четверицы: земное и небесное, человеческое и божественное.

Последняя строфа делится на две части, синтаксически завершенные: «Звезду и та-

индивидуальные искры / Можно еще раз увидеть. / Явление матери в боли и страхе; / Черная резеда в темноте». Звездное небо – так, как оно видится с Земли. Звездное небо над нами, его тайные искры, еще раз бы увидеть. Установление небесного в оппозиции земному – метафизическая структура, фатально воспроизводимая в каждом опусе большой лирики. Большие поэты всегда заново воспроизводят первичные и исконные условия человеческого существования (и, следовательно, всегда заново творят язык как медиум бытия). В этой заключительной строфе бытие открывается – но исключительно в зазоре, образуемом полюсами четверицы.

Для литературоведа – головоломная задача прояснить, что значит «явление матери»? Это может быть земная мать, ибо известно, что у поэта были сложные отношения с матерью. Но это вполне может быть и явление Богоматери – бедному, погружающемуся во тьму селенью. Человеческое и божественное присутствуют в этих строках в музыкальном единстве и в музыкальном противостоянии. Страх, как хорошо известно нам – философствующим, но не поющим – шов между этими планами бытия, зона явления (*die Erscheinung*) или, как говорится, «экзистенции».

Лабораторный анализ стихотворного текста Г. Тракля позволяет нам выделить и описать элементы поэтического дискурса, делающие возможной коммуникацию с тем, что находится по ту сторону нашего наличного существования (даже если это нечто – ничто). Поэтический дискурс определяет и предписывает сумму практик, позволяющих нам выйти за пределы нашей субъективности, за пределы нас самих – в той мере, в какой это вообще возможно. В этом смысле поэтический дискурс – это дискурс экстаза и экзистенции. И когда процесс экстатического обращения завершен, завершаются и все дискурсивные функции языка: остается чистая музыкальность, стремительно убегающая к безмолвию.

Элементы такого трансцендирующего дискурса, уже найденные нами, могут быть подытожены в следующих пунктах.

1. Поэтическая фактичность – фиксация вещи вне ее обыденных и бытовых связей, когда становится возможным чистый поэтический смысл, чистая музыкальная интонация, в которых и через которые нам открывается возможность экзистенциальной фактичности как таковой.

2. Поэтические символы-образы, в которых и через которые схватываются горизонтальные, пограничные, экранные феномены. Поэт провидит круг своего бытия и чертит вокруг себя эту границу, где бы он не находился. В этом смысле поэт непрерывно экзистирует за грань своего и нашего наличного бытия. Только эта способность, издавна именуемая гением или даймоном, позволяет ему «сочинять» вещи и мир.

3. Зовы, мосты, переходы, через которые бытие входит в поэтический медиум и через которые уводит с собой поэта (это верно и для того случая, когда бытие оказывается тождественным ничто). В этом проявляется колоссальная трансцендирующая мощь поэтического дискурса.

4. *Locus* поэтического бытия пребывает там, где пересекаются полюса «четверицы»: между земным и небесным, между человеческим и божественным. Это верно и для того случая, если небесное и божественное обращаются темным ничто; более того, в этом случае онтологическая напряженность («открытость») может достичь катастрофических степеней.

Эти элементы «сочиняющего» поэтического дискурса в итоговой сумме говорят о том, что поэтический дискурс преодолевает самого себя – в экстатическом, страстном, катастрофическом единстве чистой музыкальности.

1. Heidegger M. *Die Sprache // Unterwegs zur Sprache*. – Tübingen: Neske, 1960. S. 11–33.

2. Тракль Г. Стихотворения. Проза. Письма. – СПб.: Симпозиум, 2000. 640 с.

1. Heidegger M. *Die Sprache // Unterwegs zur Sprache*. – Tübingen: Neske, 1960. S. 11–33.

2. Trakl' G. *Stixotvoreniya. Proza. Pis'ma*. – SPb.: Simpozium, 2000. 640 s.

UDC 821

POETIC DISCOURSE OF EXISTENTIAL COMMUNICATION

Zhelezniak Vladimir Nikolaevich,

Perm State National Research University,
Professor at the Chair of History of Philosophy,
Doctor of Sciences (Philosophy),
Perm, Russia.
E-mail:

Zhelezniak Valentina Semenovna,

Perm State Academy of Art and Culture,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor,
Perm, Russia.
E-mail:

Annotation

In the paper the existential communication is analysed by the poetic discourse. The subject of the paper are poetic texts by G. Trucle. Musicality is regarded as a foundational characteristic of the poetic discourse of existential communication.

Key words:

discourse, communication, transcendence, poetic discourse, existential communication.

УДК 008:316.34

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСОВ О ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ В РОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тищенко Наталья Викторовна,

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
доцент кафедры культурологии,
кандидат культурологии,
Саратов, Россия.
E-mail: mihailovan@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме распространения криминальных ценностей в отечественной культуре. На примере трёх типов дискурса, соответствующих трём периодам в литературе, показана трансформация интерпретации ценностей тюремной субкультуры. Автор приходит к выводу, что нормы и ценности тюремной субкультуры становятся неотъемлемой частью дискурсов, характерных для массовой культуры

Ключевые слова:

дискурс, литературный текст, тюремная субкультура, массовая культура, ценности.

Не будет большим преувеличением утверждать, что одним из самых распространенных и притягательных объектов исследования для разнообразных научных направлений являются литературные произведения. Сегодня анализ художественной литературы в том или ином варианте можно встретить в социологических, политологических, психологических и пр. работах. Однако исследовательская работа с литературными произведениями ставит перед авторами серьезные методологические и теоретические проблемы в силу специфики литературных текстов, которые зачастую интерпретируются как мощные механизмы манипуляции, чьё «воздействие осуществляется скрыто, цели конкретного произведения, его смысл бывают ясны далеко не всегда» [11, с. 39]. Кроме того, литературные тексты могут оказаться почти единственным источником знания о социальных процессах и явлениях, что и произошло в условиях российских реалий с таким явлением, как

тюремная субкультура. В силу разнообразных причин официальная власть в России достаточно слабо инициировала развитие корпуса знаний о тюремной субкультуре, интерпретируя ее как явление, характерное исключительно для изолированных от остального общества пространств – пенитенциариев [8, с. 88–92]. Причем эта тенденция характерна как для XIX, так и для XX столетия. И именно литературные тексты оказали принципиальное влияние на формирование представлений о тюремной субкультуре в отечественной культуре.

Целью данной статьи является выявление типов дискурса о тюремной субкультуре, представленных в отечественной художественной литературе XX столетия. Наиболее приемлемым методом для достижения поставленной цели, на наш взгляд, является дискурс-анализ, направленный на установление связи между дискурсом и реальностью, между высказываниями и социальными практиками, между ценностными

ориентирами и экзистенциальными предпочтениями [9]. В качестве объектов исследования были отобраны тексты, чьи авторы имели опыт тюремного заключения и в той или иной форме отразили его в своих произведениях (воспоминания о тюремном заключении, письма из лагеря, художественные произведения, посвященные жизни в лагере и т. д.).

В ходе исследования было выделено три типа дискурса о тюремной субкультуре. Первый получил название «метафизический» дискурс (40–50-е гг. XX века). Он связан с интеллектуальной отечественной традицией и его основная цель – «познать природу вещей», определить способы достижения истины. К этому типу мы отнесли следующие произведения: Е. С. Гинзбург «Крутой маршрут», А. В. Жигулин «Черные камни», Л. З. Копелев «Хранить вечно», Л. Э. Разгон «Непридуманное»; А. И. Солженицын «В круге первом», В. Т. Шаламов «Колымские рассказы». Второй дискурс – «рефлексивный» – связан с диссидентским движением в отечественной культуре и направлен на утверждение экзистенциального, правового, социального статуса личности (60–80-е гг. XX века). Здесь были проанализированы тексты: Ю. М. Даниэля «Я всё сбиваюсь на литературу...», Ф. Г. Светова «Тюрьма», З. А. Крахмальниковой «Слушай, тюрьма!», А. Т. Марченко «Мои показания». Третий тип дискурса – «дидактический» – связан с массовой культурой и его целью является создание рекомендаций, своеобразного «навигатора» по тюремной субкультуре (90-е гг. XX века). К третьей рубрике были отнесены тексты: В. А. Ажиппо «Не зарекайся», И. Костров «И равнодушно смотрят небеса», Н. Н. Лопатин «Записки зека», Л. А. Габышев «Одлян или Воздух свободы», А. Павлов «Должно было быть не так», Абрамкин В. Ф. и др. «Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику».

Все три дискурса, сформированные в пространстве тюремной субкультуры, относятся к различным временным периодам, связаны с разными социальными практиками (совершенно разные причины привели авторов в места лишения свободы), подразумевают разные способы идентификации. Но, одно-

временно, эти три типа дискурса противостоят распространенным дискурсам о тюремной субкультуре, таким как «административному» (выраженному в Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном Кодексах), «либеральному» (выраженному, например, в риторике правозащитных организаций), «масс-медийному» (представленному средствами массовой информации, где любая информация о местах лишения свободы преподносится как «горячая новость», способная вызывать лишь массовые страхи и социальную нетерпимость) и пр.

За основу в исследовании произведений, посвященных тюрьме, мы взяли схему, предложенную в работах Э. Лакло и Ш. Муфф, сконцентрировавшись на двух важных этапах этой методологической схемы: выделению ключевых знаков и цепочки смыслов-эквивалентов, расшифровывающих специфику использования ключевого знака каждым дискурсом; и определению сути конфликтов, возникших между дискурсами о тюремной субкультуре [12].

Ключевые знаки в структуре дискурса – это некие само собой разумеющиеся данности, не требующие расшифровки для участников одного дискурса и абсолютно непонятные, закрытые для интерпретации, конструкции для участников другого дискурса. Выделению ключевых знаков в текстах предшествовала определенная методическая работа. Литературные произведения относятся к слабоструктурированным текстам, и любая их формализация осложнена множеством оригинальных, индивидуальных метафор, понятий, событий, которые сложно объединить под какой-либо рубрикой. Для преодоления этой методической проблемы все тексты были разбиты на тематические разделы, этим тематическим разделам были даны определения и именно общие для всех текстов разделы-определения и были взяты в качестве ключевых знаков. Всего было выделено четыре ключевых бинарных знака: 1) «тюрьма – свобода»; 2) «власть – безвластие»; 3) «знание – вера»; 4) «жизнь – смерть».

Первый ключевой знак «тюрьма – свобода» интерпретируется тремя дискурсами с принципиально отличных позиций:

Для метафизического дискурса «тюрьма» представляется не только самодостаточным миром, но и неким бытием, исключаящим все другие формы бытия и существования. Онтология тюремного пространства содержит свои ад и рай, свои свободу и рабство, свои господство и подчинение, свои добро и зло, свою веру и нигилизм. Рефлексивный дискурс лишает пространство тюрьмы высокого онтологического статуса, видя в ней чуждую индивидуальности. Этим рефлексивный дискурс объясняет жесткость тюремных правил: они действуют не для человека, не ради человека – они функционируют как абсолютно абстрактная система, которой подчинен любой, оказавшийся в пространстве лагеря. Выпадение человека из свода

в ней самый доступный и обыденный механизм воздействия на индивида.

Интерпретация ключевого знака «власть – безвластие» в метафизическом и рефлексивном дискурсах достаточно схожа – оба дискурса функцию господства приписывают официальным структурам и основной их задачей считают подавление личности. Но если метафизический дискурс в действиях официальной власти видит экзистенциальную опасность, то рефлексивный дискурс полагает, что уничтожению подвергается базовая функция индивида – самостоятельность. В интерпретации власти сильнее всего проявляется предельная экономическая целесообразность дидактического дискурса, т. к. в его высказываниях власть теряет всякую разру-

Схема 1.

Метафизический дискурс	Рефлексивный дискурс	Дидактический дискурс
«тюрьма – форма бытия»	«тюрьма – это другой мир»	«тюрьма как обыденность»

Схема 2.

Метафизический дискурс	Рефлексивный дискурс	Дидактический дискурс
«власть как форма уничтожения индивидуального»	«власть как форма уничтожения самостоятельности»	«власть как способ получения выгоды»

Схема 3.

Метафизический дискурс	Рефлексивный дискурс	Дидактический дискурс
«знание – глубоко индивидуальный акт, исключаящий возможность трансляции и передачи»		«знание – понимание внутренней логики функционирования обыденной жизни»

Схема 4.

Метафизический дискурс	Рефлексивный дискурс	Дидактический дискурс
«смерть как уступка власти, жизнь как сопротивление власти»	«смерть как обыденность»	«жизнь – это прибыль для различных форм власти»

тюремных правил (неважно, официальные ли это распоряжения или нормы уголовной культуры) приводит к тому, что Ю. М. Даниэль назвал «фантастичностью происходящего» [3, с. 18]. Дидактический дискурс отбрасывает утверждения об испытаниях, об избранности и об абсурдности пенитенциарной системы. В противовес всем предыдущим определениям он интерпретирует понятие «тюрьма» функционально, видя

шительную силу и становится частью экономических стратегий, направленных исключительно на обогащение, тех кто наделяется властными полномочиями: «На языке тюремщиков вы и те, кто сегодня попал в тюрьму вместе с вами – «новая прибыль» или просто «прибыль»» [2, с. 24].

Одновременно в дидактическом дискурсе происходит дисперсия понятия власть и властными полномочиями наделяются не только офи-

циальные структуры, но и уголовная культура, причем утверждается универсальность тюремных законов и их эффективность в противовес официальному законодательству и общественным нормам: «Очень многое в правильных понятиях на воле может показаться диким, жестоким, бессмысленным. Но я, прошедший эту школу, могу сказать: тот образ жизни, который подчинен правильным понятиям, легче и разумнее предписанного властями» [1, с. 184].

И метафизический, и рефлексивный дискурсы развивали идею наличия двух типов знания. Первый тип сформулирован с помощью официальной власти и стремится утвердить определенный тип видимостей или идеологий, поддерживающих власть с помощью научных, художественных, публицистических и пр. полей высказываний. Официальная власть ставит перед собой задачу контролировать не только процесс формирования знания (лаборатории, научно-исследовательские институты, профессиональные союзы, «шарашки»), но и способы его трансляции в социальном пространстве (образование, издательства, средства массовой информации): «Так создано многое в нашей науке! И в этом – основная идея шарашек» [7, с. 98]. Второй тип знания альтернативен официальному типу утверждений, он слабо структурирован и, конечно, не институализирован и именно он может быть доступен только в пространстве тюрьмы – «Благословение тюрьме!! Она дала мне задуматься. Чтобы понять природу счастья!» [7, с. 46]. Способы трансляции этого типа знания ограничены не только из-за постоянной конфронтации с официальной властью (по сути, этот тип знания всегда «вне закона»). Передача второго типа знания затруднена его сущностной замкнутостью, глубокой индивидуальностью опыта постижения знания.

Дидактический дискурс настаивает на том, что понимание тюремной жизни и знание тюремных ритуалов превращает индивида в социального актора, эффективно действующего в любых социальных пространствах. Человек, обладающий тюремным опытом, становится универсальным индивидом, героем, способным осуществлять активные позитивные социальные действия: «К сожалению, наша общественная

жизнь лишь на десять процентов регулируется законом, а на девяносто – беззаконием. В тюрьме это проявляется наиболее выпукло, рельефно, по-мультиязычному ярко. Задача книги – научить противостоять этому беззаконию» [2, с. 7].

В интерпретации последнего ключевого знака «жизнь – смерть» все три дискурса остаются верны своим идеологическим основаниям:

Для метафизического дискурса принцип жизни заключается в противостоянии разрушительным, деструктивным властным механизмам. С позиции рефлексивного дискурса официальная власть настолько себя скомпрометировала, дискредитировала, уничтожила всякую веру в законность, что любое сопротивление власти так же бессмысленно и абсурдно как и сама власть, поэтому смерть становится обыденностью, не способной остановить действие властных механизмов: «Один зек долез до козырька из колючей проволоки и запутался в ней. В это время автоматная очередь с вышки, он упал на козырек, повис на заборе. Тогда полез другой – он спокойно ждал своей очереди. Короткая очередь – и он упал вниз, под забор. За ним третий – тоже свалился рядом со вторым. Это самоубийство отличалось от других тем, что было групповым. Точно таких одиночек много, и не только на спецу» [5, с. 62]. Дидактический же дискурс и здесь проявляет характерную ему экономическую целесообразность и жизнь становится частью экономических стратегий, как со стороны официальной власти, так и с позиции тюремной субкультуры.

Антагонизм дискурсов. Борьба трех дискурсов за право дать наиболее точную, «правдивую» интерпретацию тюремной жизни, норм и ценностей тюремной субкультуры определяет специфику формирования дискурсов, особенности их внутренней структуры. Показательно, что идеи «правдивости», «истинности» используются всеми тремя дискурсами. Вот цитата из редакторского вступления к книге Л. Э. Разгона «Непридуманное» (хотя уже само название текста четко указывает на отношение автора к своему тексту): «Все, о чем рассказывает в этой книге писатель Лев Разгон, – правда. В ее обычном словарном обозначении: «То, что действительно было, то, что в действительно-

сти есть». В ней нет придуманных персонажей, эпизодов, дат» [6, с. 4]. И семантически, и когнитивно приведенной цитате близко утверждение из текста А. Т. Марченко: «Я не считаю себя писателем, эти записки не художественное произведение. Все шесть лет я старался только видеть и запоминать. Здесь, в этих записках, нет ни одного вымышленного лица, ни одной придуманной истории. Там, где есть опасность причинить вред другим людям, я не называю имен, умалчиваю о некоторых обстоятельствах и событиях. Но я готов отвечать за истинность любой рассказанной здесь детали» [5, с. 7–8]. Но показательно, что на подлинность высказываний претендует в той же степени и дидактический дискурс, хотя в его интерпретации жизнь в местах лишения свободы предстает в совсем ином свете: «Я постараюсь со всей ответственностью и искренностью донести до вас свои личные впечатления от пребывания в «местах не столь отдаленных» и попытаюсь рассказать о системе, с которой вам, вполне вероятно (и не дай Бог!), рано или поздно придется столкнуться» [4].

С точки зрения самих авторов литературных произведений, написанных в местах лишения свободы, их тексты – это, во-первых, попытка создать свое индивидуальное, приватное пространство, которое невозможно с физической точки зрения в местах лишения свободы, во-вторых, конструирование такого типа дискурса, который одновременно компрометирует и раскрывает все недостатки и дискурса власти, и дискурса тюремного мира, но и формирует подлинный образ исправительной системы. Что очень характерно, кем бы ни был автор текста о тюрьме – политзаключенный, уголовный преступник, сотрудник системы наказания – он противопоставляет свой текст всем остальным системам высказываний и обещает читателю, что тот будет посвящен в самое сокровенное, что всегда всеми замалчивалось и что составляет сердцевину не только тюремной субкультуры, но и человеческого существования вообще.

Выводы. Если попытаться выявить траекторию движения дискурсов о тюремной

субкультуре в художественной литературе XX века, то она представляет собой отказ от установки на исследование духовных возможностей человека в условиях тотальной несвободы и переход к утверждению системы отношений, в основе которых заложена идея экономической целесообразности: идея жизни подменяется идеей потребления. И эталоном экономической эффективности с позиции дидактического дискурса становятся нормы и ценности тюремной субкультуры. Таким образом, на примере дидактического дискурса наиболее очевиден процесс адаптации ценностей тюремной субкультуры к ориентирам и установкам современной массовой культуры.

Для современной массовой культуры характерен следующий набор базовых ценностей: 1) жизненный комфорт (как духовный, так и физический); 2) социальная стабильность; 3) личностный успех, которые выражаются «массовой социальной мифологией, упрощающей сложную систему ценностных ориентаций человека и многообразие оттенков миропонимания до элементарных дуалистичных оппозиций» [10, с. 138]. В интерпретации тюремной субкультуры эти ценности, сохраняя свою форму, получают ярко выраженный агрессивный, антигуманный, «хищнический» характер. Ценность жизненного комфорта приобретает в тюремной субкультуре утрированные физические характеристики. Поддержание социальной стабильности трансформируется в тюремной субкультуре в систему жесткой сегрегации и иерархии, которые только и способны якобы поддерживать стабильность в обществе. Идея личностного успеха выражается в гиперболизации авторитета отдельных индивидов. Можно с большой долей вероятности утверждать, что смешение ценностей массовой культуры с ценностями тюремной субкультуры наблюдается в риторике современных отечественных средств массовой информации, художественных кинематографических образах, ритуалах повседневной культуры.

1. Абрамкин В.Ф., Чижов Ю.В. и др. Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику. – Красноярск: Вос-

ток, 1992. 192 с.

2. Ажиппо В. А. Не зарекайся. Харьков: Батьківщина, 2005. 49 с.

3. Даниэль Ю. М. Письма из заключения. Стихи / Сост. Даниэль А. Ю. М.: О-во «Мемориал»: Звенья, 2000. 895 с.

4. Костров И. И. равнодушно смотрят небеса. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tyurem.net/books/kostrov/index.htm>.

5. Марченко А. Т. Мои показания. М.: ОГИ, 2005. 304 с.

6. Разгон Л. Э. Непридуманное. М.: Изд-во Захаров, 2006. 688 с.

7. Солженицын А. И. В круге первом. М.: АСТ, 2010. 990 с.

8. Тищенко Н. В. Развитие представлений о тюремной субкультуре в исследовательской литературе // Философия права, 2011. № 5. С. 88–92.

9. Филипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ? / Пер. с англ. Е. Кожемякина // Современный дискурс-анализ. 2009. Т. 1. Вып. 1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.pdf.

10. Флиер А. Я. Массовая культура и ее социальные функции // ОНС: Общественные науки и современность. – 1998. № 6. С. 138–148.

11. Хазагеров Г. Г. Партия, власть и риторика. М.: Европа, 2006. 48 с.

12. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Toward a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 197 p.

1. Abramkin V.F., Chizhov Yu.V. i dr. Kak vyzhit' v sovetskoj tyur'me. V pomoshh' uzniku. – Krasnoyarsk: Vostok, 1992. 192 s.

2. Azhippo V.A. Ne zarekajsya. Har'kov: Bat'kivshhina, 2005. 49 s.

3. Danie'l' Yu.M. Pis'ma iz zaklyucheniya. Stixi / Sost. Danie'l' A.Yu. M.: O-vo «Memorial»: Zven'ya, 2000. 895 s.

4. Kostrov I. I ravnodushno smotryat nebesa. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.tyurem.net/books/kostrov/index.htm>.

5. Marchenko A. T. Moi pokazaniya. M.: OGI, 2005. 304 s.

6. Razgon L.E'. Nepridumannoe. M.: Izd-vo Zaxarov, 2006. 688 s.

7. Solzhenicyn A.I. V kruge pervom. M.: AST, 2010. 990 s.

8. Tishhenko N.V. Razvitie predstavlenij o tyuremnoj subkul'ture v issledovatel'skoj literature // Filosofiya prava, 2011. № 5. S. 88–92.

9. Filips N., Xardi S. Chto takoe diskurs-analiz? / Per. s angl. E. Kozhemyakina // Sovremennyy diskurs-analiz. 2009. T. 1. Vyp. 1. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.pdf.

10. Flier A. Ya. Massovaya kul'tura i ee social'nye funkcii // ONS: Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 1998. № 6. S. 138–148.

11. Xazagerov G.G. Partiya, vlast' i ritorika. M.: Evropa, 2006. 48 s.

12. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Toward a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 197 p.

UDC 008:316.34

THE TRANSFORMATION OF THE DISCOURSE OF THE PRISON SUBCULTURE IN RUSSIAN LITERATURE

Tishchenko Natalia Victorovna,

Saratov State Technical University, named after Gagarin Y.A.,
Associate Professor at the Chair of Culturology,
Candidat of Culturology,
Saratov, Russia.
E-mail: mihailovan@inbox.ru

Annotation

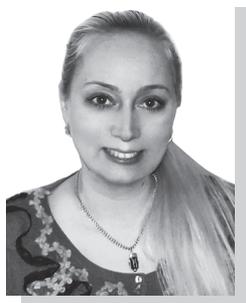
The article is devoted to the dissemination of criminal values in the Russian culture. Using three types of discourse, corresponding to the three periods in the literature, shows the transformation of the interpretation of the values of prison subculture. The author comes to the conclusion that the norms and values of the prison subculture become an integral part of the discourses of the popular culture.

Key words:

discourse, prison subculture, literary text, the prison subculture, popular culture, values.

УДК 141.7

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ДУХОВНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Матвеева Алла Ивановна,

Уральский государственный экономический университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: matveevaa2011@yandex.ru

Аннотация

Проблематика личной социальной ответственности становится все более актуальной в современной социальной философии. В статье автором дается определение *сущности* социальной ответственности, которая, заключается в наполнении высшим духовно-нравственным смыслом самого содержания человеческой деятельности (в какой бы сфере она не осуществлялась). Операциональное проявление этой сущности автор обнаруживает в *обязанностях* и *необходимости* их соблюдения. *Духовным основанием ответственности, по утверждению автора, является любовь* (а точнее, такая модальность духовной любви как *человеколюбие*), а практическим инструментом ее формирования и развития – *любящее сердце*.

Ключевые слова:

личность, духовность, социальная ответственность, духовное измерение, философия, человек, сознание, философская антропология, духовная социализация.

Проблематика личной социальной ответственности становится все более актуальной в современной социальной философии. Тем более, что до сих пор нет даже правового определения данного понятия. Тем не менее, за последние годы вышло в свет несколько серьезных научных публикаций по этой проблеме [8, 11, 12, 14, 15], защищен ряд диссертаций [3, 6, 10]. Однако, в большинстве из них сущность социальной ответственности как социокультурного феномена рассматривается либо с сугубо прагматических и социально-экономических позиций, либо в рамках социоцентризма. Такое довольно узкое понимание социальной ответственности отражает лишь ее различные формы и их содержание, но не саму сущность. В данном случае мы видим феноменологический, но никак не онтологический подход к вопросу.

В плане социальной онтологии *сущность* социальной ответственности, на наш взгляд,

заключается в наполнении высшим духовно-нравственным смыслом самого содержания человеческой деятельности (в какой бы сфере она не осуществлялась). Операциональное проявление этой сущности мы обнаруживаем в *обязанностях* и *необходимости* их соблюдения. Принятые на себя *сознательно* и *добровольно*, такие обязанности становятся, не только формально, но и по существу, *основанием* для социальной ответственности. Принятые же под *внешним* воздействием (насилие, принуждение, манипулирование, зомбирование и т. п.), такие обязанности служат лишь *факторами* для возникновения социальной ответственности. Эти *факторы* могут привести, а могут и не привести к формированию социальной ответственности точно так же, как грозовой фронт может пройти над нами, а может и уклониться под влиянием ветра или давления от первоначальной своей траектории. Есть также «*формальная*» и «*реаль-*

ная» социальная ответственность. Поскольку «незнание или несоблюдение законов не освобождает от ответственности», то *формальная* ответственность де-юре существует в любом обществе. Но поскольку в реальности достаточно часто отсутствует неизбежность наказания за нарушение установленных законом норм и правил, поскольку существуют противоречия в самих законах и неадекватность в правоприменительной практике, то *де-факто* даже *формальная* ответственность не носит в конкретном социуме всеобщего (тотального) характера. Это происходит именно потому, что сама ответственность как таковая формируется чаще всего не внутри человека, а под внешним воздействием на него. А это – свидетельство формализации духовной социализации.

Говорить о том, что некий *фактор* (например, команда начальника или требования соседей) являются *основанием*, и тем более *основой* для формирования *реальной* ответственности, не приходится. Связано это с феноменом отчуждения самой личности от тех обязанностей или обязательств, которые ей вменяются (инкриминируются) извне. Но это – сфера права, в котором *ответственность* как раз и увязывается с *обязанностями*. В сфере права не идет речь о *природе* таких обязанностей (антропологический аспект) и не разводятся сами понятия *обязанность* и *обязательство*; закон может кому-то не нравиться (*duralex – sedlex*), но его требования формально *обязательны* для всех. Поэтому для юриста не важно, имеет ли ответственность *внешнюю* природу (определена обязанностью, предъявляемой обществом к личности), или она имеет *внутреннюю* природу (и определяется ответственным выбором самой личности по отношению к самой себе и к обществу).

С точки зрения философии возникает вопрос о *реальных* (*неформальных*) основаниях феномена социальной ответственности личности и причинах его деформации (различных проявлениях безответственности). На наш взгляд, *подлинный* социально-онтологический аспект ответственности лежит в *реальной*, а не в *формальной* плоскости нашего бытия. Не случайно в этой связи М. Мосс во Франции и Ф. Боас в Англии сформулировали концепцию

социальной антропологии. Можно как угодно относиться к нормам и правилам, законам и традициям, но при этом их неукоснительно соблюдать. *Реально*, такое отношение безответственно, поскольку: а) *противоречит* собственным убеждениям и представлениям человека (его внутренний мир находится в оппозиции окружающему его миру) и б) не соответствует низкому «качеству» конкретных социальных норм и установок. Но, с формальной точки зрения, все выглядит вполне «благочестиво» (ответственно).

Современная философия призвана раскрыть подлинную, многослойную, многоступенчатую, диалектически многомерную сущность человека. А для этого она должна выражаться не в «нейтральных терминах» (А. Гелен), а в *ценностных понятиях* (И. Кант). Она должна рассматривать человека *позитивно*. И здесь довольно продуктивным представляется также и экзистенциалистский подход, который рассматривает человека не в каком-то «чистом», «рафинированном», «отвлеченном» виде, а в контексте его внутренних характеристик, прежде всего в контексте соотношения *свободы и ответственности, вины и страха, любви и смерти*. И здесь становится очевидным, что ответственность вообще, а социальная ответственность в частности, появляются и развиваются только в русле духовной любви. Не случайно, И. Кант утверждал, что «любовь должна мыслиться как максима благоволения, имеющая своим следствием благодеяние» [5, с. 389].

Синтез духовного и экономического подходов к анализу проблемы человека и его ответственности был характерен и для русской философской традиции. Так, Н. А. Бердяев указывал: «Хозяйственная, материальная жизнь не может быть противопологаема жизни духовной, не может быть от нее совершенно отвлечена и оторвана. Хозяйство есть акт человеческого духа. А от качества духа зависит характер хозяйства» [2, с. 294]. Аналогично рассуждал и С. Н. Булгаков, полагавший, что тривиальный материализм не может быть «опровергнут логически», но может быть и должен быть превзойден духовно [1, с. 7].

Ответственность в контексте хозяйственной практики человека есть преодоление

экономизма, наполнение экономики духом. «Понимание хозяйства как явления духовной жизни открывает глаза на психологию хозяйственных эпох и значение системы хозяйственных мировоззрений», – указывал С. Н. Булгаков. Взятая вне хозяйственной практики личность мифологизируется, а философская антропология, «очищенная» от «хозяйственного мировоззрения человека», превращается в мистификацию проблемы человека. И, как не называя потом такую «философию» (хотя бы «философией в новом ключе», как это делает С. Лангер), следует признать: не «свобода сознания является основой свободы личности» [8, с. 258], а ответственность, порождаемая взаимодействием духовного, социального и хозяйственного начал. «Взаимодействие экономического и духовного начал в человеческом мире задает нам меру и пределы, в которых «моральные» суждения оказываются значимыми для порядка материального» [9, с. 348]. Ответственность предполагает ограничение свободы точно так же, как любовь предполагает саму ответственность. Формируемые на этой основе моральные нормы являются практическим проявлением ответственности, в том числе и ответственности социальной.

Было бы бессмысленно выискивать какую-то априорную ответственность вообще, а тем более социальную ответственность человека исключительно в его внутреннем мире («Я-Я») или только в окружающем его пространстве. Генезис ответственности есть не только взаимодействие духа и хозяйства, но и взаимодействие двух миров (внутреннего «Я» и внешнего «МЫ-ОНИ») и созидание на этой основе *нового качества* человеческого бытия. Взятые в понятиях *послушание и сопротивление, смирение и неповиновение, действие и бездействие, принятие и отвержение, признание и отрицание*, формирование ответственности есть диалектическое единство и борьба противоположностей, есть созидание духа и самореализация личности, актуализация созидательного потенциала человека. *Формировать* ответственность означает превращаться из биологической особи в духовное существо. И первым шагом на этом пути является *ответственное мышле-*

ние. Наполнение действительности духом есть ответственное мышление. Безответственное мышление есть сон разума, который, как известно, рождает чудовищ. «Не умея облагораживать действительность, мышление ограничивается его изображением» [4, с. 293].

Ответственность – это, прежде всего, выбор в пользу добра, в пользу жизни, в пользу более совершенного, объективно лучшего. Осуществление такого выбора – низшая, начальная ступень ответственности, которая побуждает человека к ответственному мышлению. Так, экономическое сознание как сознание ответственное исходит из понимания факта ограниченности ресурсов и необходимости их наиболее рационального потребления. Но от экономического сознания до ответственного поведения субъектов хозяйственной практики дистанция огромного размера. Соблазны и искушения, страсти и эмоции постоянно заставляют человека отклоняться от первоначально установленного мотива поведения. Тем самым мотив не становится императивом, побуждение – нормой, установка – правилом, мысль – убеждением. По образному выражению Ж. – П. Сартра, «человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста» [13, с. 323].

1. Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное.: Пер. с фр. М.: ЭКСМО-Пресс, 2007. – 1200 с.

2. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к друзьям по социальной философии // Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб.: Ганза, 1993.

3. Будкина Е. К. Социальная ответственность в системе управления российскими корпорациями. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006.

4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов. М., 1989.

5. Кант И. Критика чистого разума / Кант И. Сочинения. В 6-ти т. М., 1965. Т. 3.

6. Коломак А. И. Свобода и ответственность в современном мире: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь. 2006. – 22 с.

7. Культура социальной ответственности: Теория и практика / Под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург: Уральский институт бизнеса. 2009. – 530 с.

8. Лангер С. Философия в новом ключе: Пер. с фр. М.: Республика, 2000. – 287 с.

9. Мунье Э. Манифест персонализма: Пер. с фр. М.: Республика, 1999. – 559 с.

10. Пазина О. Е. Социальная ответственность личности

в современном обществе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ниж. Новгород, 2007.

11. Перегудов С.П. Социальная ответственность бизнеса: реальность или фикция? // Социальная сфера: публичные и частные начала. Материалы симпозиума. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 97–109.

12. Прохорова Н.Г. Социальная ответственность как конкурентное преимущество развития бизнеса // Экономика региона. 2007. № 18.

13. Сартр П. Экзистенциализм это гуманизм // Сумерки богов. Сб. / Сост. А.А. Яковлев. М., 1989.

14. Соболева И. Социальная ответственность бизнеса: глобальный аспект и российские реалии // Вопросы экономики. 2005. № 10. С. 90–102.

15. Социальная ответственность бизнеса: актуальная повестка / Под ред. С.Е. Литовченко, М.И. Корсакова. М.: Ассоциация менеджеров, 2003.

1. Bastia F. E'konomicheskie garmonii. Izbrannoe.: Per. s fr. M.: E'KSMO-Press, 2007. – 1200 s.

2. Berdyaev N. A. Filosofiya neravenstva. Pis'ma k nedrugam po social'noj filosofii // Russkaya filosofiya sobstvennosti. XVIII–XX vv. SPb.: Ganza, 1993.

3. Budkina E.K. Social'naya otvetstvennost' v sisteme upravleniya rossijskimi korporacijami. Avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. M., 2006.

4. Kamyu A. Mif o Sizife. E'sse ob absurde // Nische F., Frejd Z., Fromm E', Kamyu A., Sartr Zh.-P. Sumerki bogov. M., 1989.

5. Kant I. Kritika chistogo razuma / Kant I. Sochineniya. V 6-ti t. M., 1965. T. 3.

6. Kolomak A.I. Svoboda i otvetstvennost' v sovremennom mire: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Stavropol'. 2006. – 22 s.

7. Kul'tura social'noj otvetstvennosti: Teoriya i praktika / Pod red. K.P. Stozhko. Ekaterinburg: Ural'skij institut biznesa. 2009. – 530 s.

8. Langer S. Filosofiya v novom klyuche: Per. s fr. M.: Respublika, 2000. – 287 s.

9. Mun'e E'. Manifest personalizma: Per. s fr. M.: Respublika, 1999. – 559 s.

10. Pazina O.E. Social'naya otvetstvennost' lichnosti v sovremennom obshhestve: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Nizh. Novgorod, 2007.

11. Peregudov S.P. Social'naya otvetstvennost' biznesa: real'nost' ili fikciya? // Social'naya sfera: publichnye i chastnye nachala. Materialy simpoziuma. Ekaterinburg: UrGU, 2002. S. 97–109.

12. Proxorova N.G. Social'naya otvetstvennost' kak konkurentnoe preimushhestvo razvitiya biznesa // E'konomika regiona. 2007. № 18.

13. Sartr P. E'kzistencializm e'to gumanizm // Sumerki bogov. Sb. / Sost. A.A. Yakovlev. M., 1989.

14. Soboleva I. Social'naya otvetstvennost' biznesa: global'nyj aspekt i rossijskie realii // Voprosy e'konomiki. 2005. № 10. S. 90–102.

15. Social'naya otvetstvennost' biznesa: aktual'naya povestka / Pod red. S.E. Litovchenko, M.I. Korsakova. M.: Associaciya menedzherov, 2003.

UDC 141.7

SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE PERSONALITY IN SPIRITUAL MEASUREMENT

Matveeva Alla Ivanovna,

Ural State Economic University,
Professor of Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: matveevaa2011@yandex.ru

Annotation

The perspective of personal social responsibility becomes more and more actual in modern social philosophy. In article the author gives definition of essence of social responsibility which, consists in filling by the highest spiritual and moral sense the content of human activity (in what sphere it wouldn't be carried out). The author finds operational manifestation of this essence in duties and need of their observance. The spiritual basis of responsibility, according to the author, the love (to be exact, such modality of spiritual love as philanthropy), and the practical instrument of its formation and development – loving heart is.

Key words:

personality, spirituality, social responsibility, spiritual measurement, philosophy, person, consciousness, philosophical anthropology, spiritual socialization.

УДК 327

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС: НЕФТЕГАЗОВЫЕ ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Комлева Наталья Александровна,

Уральский Федеральный университет имени Первого президента России Б.Н.Ельцина,
Институт социальных и политических наук,
профессор кафедры истории и теории политической науки,
доктор политических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: Komleva1@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются причины геополитической мобильности, связанные с развитием нефтегазового комплекса арабских стран Ближнего Востока. Автор анализирует факторы, вызвавшие изменения в политических системах стран Арабской весны, делает прогнозы в отношении векторов развития сирийского политического кризиса.

Ключевые слова:

геополитическая мобильность, Арабская весна, сирийский кризис.

Геополитическая мобильность, т. е. изменения, причинами и следствиями которых является геополитическое противостояние на державном, глобальном, региональном или локальном уровнях, осуществляется в различных формах. Одной из них являются так называемые «политические кризисы». События, которые принято называть «сирийским кризисом», являются неотъемлемой частью Арабской весны, т. е. политических перемен взрывного характера, произошедших в странах Северной Африки и Ближнего Востока преимущественно весной 2011 года. Эти события порождены различными причинами: геополитическими, социальными, религиозными, этнополитическими. Но в данной статье ввиду ограниченного объема публикации, будут рассмотрены лишь факторы экономического порядка, связанные с развитием нефтегазового комплекса арабских стран Ближнего Востока.

Вначале обратим внимание на сущность произошедших изменений в политических системах стран Арабской весны. Эти изменения

ожидают и Сирию, определяя цель ведущейся там гражданской войны. Динамичный и на первый взгляд непредсказуемый облик политических изменений в странах Ближнего Востока в период декабря 2010 г. и по настоящее время обычно определяется в научной и, особенно, в публицистической печати как революции. Однако, на наш взгляд, это совсем не революции, и такое наименование – лишь попытка маскировки истинных акторов и истинных причин смены политических лидеров и политических режимов в данном регионе. Социальная революция – это насильственное изменение всей системы общественных отношений, т. е. формы собственности, способа экономического регулирования, политической системы, доминирующей идеологии. Таковых изменений в их системном виде в ходе Арабской весны произведено не было. То, что произошло, это дворцовые перевороты, продолженные затем в очень непродолжительном времени переворотами государственными. Дворцовый переворот представляет собой насильственную смену главы

государства с целью изменения политического курса страны. Государственный переворот – это изменение социального состава, структуры и функций всех трех ветвей государственной власти с целью закрепления результатов переворота дворцового. Перемены именно такого характера мы и видим в рамках Арабской весны.

Итак, Арабская весна – это дворцовые перевороты, перетекающие в государственные, и не более того. Какова же их реальная цель и реальные акторы? На наш взгляд, Арабская весна – это «нефтяная стрела», летящая прежде всего именно в Китай, а также – в Индию и Японию. Ибо каким образом возможно надежно остановить или затормозить развитие державы, которая является потенциальным геополитическим противником? Прежде всего, взяв под контроль энергию, необходимую для этого развития, в данном случае основной энергоноситель – нефть. Основной объем нефти вышеназванные страны получают из региона Большого Ближнего Востока, где находится 62% доказанных запасов мировой нефти и более чем 40% газа [4]. Не стоит забывать и о намерении США снизить зависимость Евросоюза от российских нефти и газа путем увеличения потребления им углеводородов Ближнего Востока, а также поставок сжиженного сланцевого газа из США. В ходе Арабской весны из региона вытесняются как российские, так и китайские нефтегазовые корпорации. Не случайно намерение Китая разрабатывать свои собственные запасы «сланцевого газа» совпало по времени с пиком сирийского кризиса в конце лета 2013 г. Таким образом, первый аспект сирийского кризиса – геополитический.

Второй аспект сирийского кризиса – геоэкономический, и этот аспект, по нашему мнению, почти полностью нефтегазовый.

В Сирии имеются запасы нефти и газа, но до недавнего времени они были несравнимы с углеводородными ресурсами Саудовской Аравии или ОАЭ. Однако в 2013 г. на территории Сирии обнаружено 14 нефтяных бассейнов, как и огромные залежи природного газа. Если суммировать все разведанные запасы сирийского газа, то Сирия в перспективе может выйти на 4 место в мире по объему его добычи. Последний факт никак не устраивает Катар, строящий свое экономическое благополучие в первую очередь

на мощных запасах газа [12]. Разумеется, клан Асадов – фактический распорядитель использования природных богатств страны и в этом своем качестве – многолетний главный барьер на пути передела политических прав на экономические предпочтения в Сирии.

Месторождения – это важный фактор экономики, но еще более важный фактор – доставка углеводородов потребителям. В современном мире это делается преимущественно с помощью трубопроводов. И вот здесь факт транзитного характера сирийской территории, предопределенный ее географией, становится решающей причиной развязывания жестокой борьбы за контроль над этой страной. Через сирийскую территорию в настоящее время проходят десять трубопроводов. Сирия является ключевым звеном в географии Арабского газопровода, который решает, в том числе, проблему транспортировки большей части иракской нефти. Арабский газопровод выполнен «Стройтрансгазом», строительным подрядчиком «Газпрома», и способствует превращению Сирии в объединяющий центр формирующейся региональной газопроводной сети [8]. С середины 2000-х большинство крупных проектов в области развития инфраструктуры нефтегазового сектора экономики Сирии либо реализовалось, либо было обещано российским компаниям [2]. Важен и фактор Ирана в сирийских трубопроводах. Между Ираном, Ираком и Сирией было заключено соглашение о создании «Трубопроводистана» стоимостью 10 миллиардов долларов и о строительстве к 2016 году газопровода с гигантского иранского месторождения Южный Парс. В ноябре 2012 года Иран приступил к строительству этого газопровода, а в декабре министр иностранных дел Ирана заявил, что Тегеран не позволит западным государствам свергнуть президента Сирии [1]. Здесь необходимо подчеркнуть, что Иран является геополитическим и религиозным противником Саудовской Аравии, и оба государства ведут между собой ожесточенные экономические и политико-дипломатические войны. Сирия считается «проиранской» страной, поскольку алавиты, составляющие ядро правящего класса этой страны (клан Асадов также относится к алавитам), являются шиитами, как и подавляющая часть населения Ирана. Сирия оказывала в прошлом и оказывает в настоящее

время поддержку иранским геоэкономическим и геополитическим проектам, в том числе проекту «Хизбалла». В свою очередь монархиям Залива, Ираку, а также Турции нефтяной и газовый транзит через Сирию нужно увеличить, но это должна быть «дружественная и стабильная» Сирия.

Необходимо отметить то обстоятельство, что смена политических лидеров в ключевых нефтегазодобывающих странах Ближнего Востока привела к резкому ослаблению позиций этих стран в рамках мировых экономических и политических процессов – и к резкому усилению позиций группы стран, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Интересен тот факт, что 6 марта 2012 года было объявлено, что ССАГПЗ будет развиваться в направлении от регионального блока к конфедеративному государству. В 2015 г. планируется ввод единой валюты под названием «халиджи» (иначе «динар Залива»). В ноябре 2012 года государства ССАГПЗ первыми в мире признали легитимность сирийской коалиции оппозиционных сил и её право представлять интересы народа Сирии [5].

Снижение политического влияния прежних государств-лидеров на Ближнем Востоке (Египта, прежде всего, а также Ливии, Сирии, Ирака) привело и к существенному усилению прозападной ориентации Лиги арабских государств, где играют теперь ведущую роль именно государства ССАГПЗ и главным образом – Саудовская Аравия. Разумеется, никак нельзя сказать, что Египет при Мубараке, Ливия при Каддафи, Ирак при Хусейне или «асадовская» Сирия были противниками США и Запада. Однако многолетнее пребывание данных лидеров у власти, а вместе с ними – и определенных родовых и экономических кланов, практически абсолютное определение ими «повестки дня» в своих странах давали этим режимам довольно значительную степень устойчивости в отношениях с великими державами современности и способствовали приобретению этими государствами некоторой меры политической и геополитической независимости от «сильных мира сего», возможности «свободного маневра».

Удивление политических комментаторов по поводу активной роли в сирийском кризисе Саудовской Аравии и – в особенности – Катара, строится на игнорировании или недостаточном

учете фактора нефтегазовых возможностей и нефтегазовых амбиций стран ССАГПЗ. Катар, к примеру, участвует в разработке гигантского месторождения Южный Парс совместно с его географическим обладателем – Ираном. Катар всемерно заинтересован в транзите газа, как добываемого на собственной территории, так и иранского (Южный Парс) – в Европу через транссирийские газопроводы. Саудовская Аравия, главный «игрок» на арене сирийского кризиса со стороны арабов, по всей вероятности, имеет намерение поставить под свой контроль добычу и транспортировку нефти и газа во всем громадном регионе Ближнего Востока и в еще более значительной мере поставить в зависимость от себя цены не только общеарабского, но и мирового нефтегазового рынка. Косвенно судить об этом можно по приведенным в Интернет-СМИ словам принца Бандара-бин-Султана [10]. Существует прогноз, согласно которому «большая нефть» в Саудовской Аравии закончится к 2030 г., и страна превратится из главного экспортера нефти в ее импортера. Экспорт нефти составляет 95% экспорта и 75% доходов страны, давая возможность поддерживать государство всеобщего благосостояния. 98% запасов нефти в Саудовской Аравии контролируется государственной компанией Saudi Aramco (т. е. правящей семьей Саудов). Нефть и нефтепродукты обеспечивают более 50% производимой Саудовской Аравией электроэнергии, которая по большей части используется для бытовых целей (кондиционирование воздуха, опреснение воды) [11]. Если так, то понятна причина тесного сотрудничества Саудовской Аравии и газоносного Катара в ходе «революционного» процесса: Саудовская Аравия уже сейчас закупает газ для внутренних нужд, и несмотря на то, что является четвертым государством мира по его запасам, потребляет весь свой добываемый газ. Учитывая, что увеличение газодобычи в стране к 2015 составит всего 12,7%, тогда как рост потребления газа – 8% в год, вероятно, Саудовской Аравии придется искать дополнительные источники для покрытия внутреннего спроса [11]. Тем не менее, нельзя обойти вниманием и тот факт, что сотрудничество Саудовской Аравии и Катара не лишено противоречий. Целью эмирата является «занятие Катаром лидирующих позиций в исламском и арабском мире, на которое дина-

ствия ат-Тани имеет больше прав, чем кто-либо другой» [9]. Поддерживая «Братьев-мусульман» в противовес просаудовским салафитам, Катар, тем не менее, идет вместе с саудитами в тренде дестабилизации Ближнего Востока в рамках Арабской весны. При этом не стоит забывать, что арабские страны Залива, прежде всего Саудовская Аравия, являются верными геополитическими союзниками США и проводниками их интересов в регионе.

Третий и особенно чувствительный аспект сирийского кризиса, по нашему мнению – израильский. Израиль в последние десятилетия активно вкладывал средства в геологоразведку и обнаружил месторождения, имеющие промышленные экспортные запасы газа. Израиль ведет переговоры с Кипром и Ливаном относительно транспортировки газа в 2015–16 гг. в европейские страны. И вот на арену выступает «Хизбалла», поддерживаемая Ираном, Ливаном и Сирией, и угрожает терактами на израильских месторождениях... Транспортировка израильского газа требует включения Израиля в сеть трансарабских и транссирийских газопроводов, что было бы затруднительно осуществить при прежних режимах в Египте, Ираке и Сирии без определенных уступок со стороны Израиля. Возможности морских перевозок израильского газа также существуют, но по ряду причин Израиль рассматривает трубопроводную версию как предпочтительную. Главное же – не в газе и газопроводах, хоть это и важный фактор наращивания влияния Израиля в регионе и в мире. По нашему мнению, Арабская весна и конкретно сирийский кризис дали Израилю долгожданный шанс обезопасить свои границы с арабскими государствами, напряженные после войн 1967 и 1973 гг., смягчить проблему Палестинской автономии. Если режимы в приграничных государствах становятся вполне проамериканскими и прозападными, т.е. лояльными и к Израилю, то в соседних с Израилем странах практически некому будет на государственном уровне поддерживать ни требование «земли в обмен на мир», обращенное к Израилю, ни арабские или проиранские экстремистские организации, деятельность которых направлена против Израиля, ни израильских палестинцев. Войны Израиля и арабских государств прекратятся если не навечно,

то очень надолго, а возможности экономического и политического влияния на соседей увеличатся. Особое беспокойство еврейскому государству доставляла Сирия и поддерживаемые ею экстремистские организации: «Хизбалла» в Ливане, палестинские группировки ХАМАС, «Исламский джихад». Представительства этих организаций в течение нескольких лет открыто действовали на территории Сирии. Поэтому участие Израиля в сирийском кризисе не скрытое, как участие саудитов и катарцев, но открыто-агрессивное как в плане «точечных» военных ударов (май 2013 г.), так и в аспекте политического влияния.

Подводя итог, рассмотрим возможные последствия сирийского кризиса с точки зрения его нефтегазовых аспектов.

1. Сирийский кризис в рамках общего тренда Арабской весны и усиления геополитического и экономического влияния монархий Залива, прежде всего – проамериканских Саудовской Аравии и Катара, приведет к увеличению степени геополитического, экономического и политического контроля процесса добычи и транспортировки нефти и газа Ближнего Востока в Европейский союз, а также страны Южной и Восточной Азии, как со стороны упомянутых монархий, так и со стороны США и Израиля.

2. Скорее всего, в конечном итоге Б. Асад уйдет на более или менее приемлемых для него условиях, и в наступившей вслед за этим ситуации полного послушания Сирии, Ливии, Египта как ключевых стран северной части Арабского Востока проамериканским Саудовской Аравии и Катару, т.е., фактически, США, и неизбежном вследствие данного факта получении Саудовской Аравией статуса тьютора Ближнего Востока, королевство вступит в реально напряженные отношения с Турцией, стремящейся к восстановлению контроля над территориями бывшей Османской империи в качестве зоны своего преимущественного геополитического влияния. В этом случае вопрос трубопроводов и морских перевозок углеводородов Ближнего Востока будет решаться уже борьбой саудитов и турок. «Намеки» на то, что Турции придется несладко в этой борьбе, и ее никто «жалеть не будет», дали события 2013 г., весьма схожие с технологиями Арабской весны.

3. Тьюторство Саудов над Ближним Востоком повлечет еще два важных геополитических след-

ствия: 1) иранский газ и иранская нефть встретят трудности в конкуренции с ближневосточными углеводородами в еще большей степени, чем сейчас; 2) нефть и газ России, поставляемые для Европейского союза и Китая, упадут в цене из-за вероятных в будущем массивных поставок катарского, израильского, египетского газа вдобавок к алжирскому и ливийскому, а также увеличения поставок нефти с Ближнего Востока; в рамках Евросоюза это падение уже начинается, правда, виной тому пока что увеличение поставок сжиженного сланцевого газа и «обычной» нефти из США.

На наш взгляд, триада «бархатные революции» – «цветные революции» – «Арабская весна» вовсе не случайная последовательность. «Бархатные революции» ставили цель разрушения бывшего лимитрофа СССР. «Цветные революции» первой половины 2000-х годов, происходившие только в бывших советских республиках, решали задачу изоляции нашей страны от главных регионов Евразии и подталкивания процесса ее собственного распада, в том числе посредством «ромашковой революции». Цель Арабской весны, как уже говорилось, это контроль основных ресурсов Евразии, в том числе – полное выведение их из-под контроля России и ее ТНК. Арабская весна и ее вероятное геополитическое продолжение в виде «цветных революций» в Закавказье, Центральной Азии, России и Китае представляют собой завершение геополитического разгрома СССР.

Таким образом, геополитическая мобильность в странах Арабского Востока, и сирийский кризис в частности, на наш взгляд, являются важным элементом сохранения мирового господства стран «золотого миллиарда» во главе с единственной сверхдержавой современного мира – США, т. е. торможения процесса геополитической мобильности для США и их союзников.

1. Долгов Б. Арабская весна: итоги и перспективы // URL: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja_vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm.

2. Иран не собирается быть пассивным наблюдателем // URL: <http://anna-news.info/taxonomy/term/3960>.

3. «Кровавые границы»: карта «Нового Ближнего Востока» – до и после // URL: [http://nm2000.kz/news/2010-12-31-35263\\$](http://nm2000.kz/news/2010-12-31-35263$); Цой А. Нефтяные аппетиты Китая // URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/4471>.

4. Крылов А. Нефть и новые игры на глобусе // URL: http://www.perspektivi.ru/oykumena/vostok/neft_i_novie_igri.htm.

5. Монархи Персидского залива на пути к Арабскому

Союзу // URL: <http://rostend.su/?q=node/440>.

6. Назад, в Сирию возвращаются российские компании // Нефть и капитал. 2007. № 4.

7. Нефть и газ Египта // URL: <http://www.africana.ru/lands/Egypt/frame/gas&oil.htm>.

8. Официальный сайт компании «Стройтрансгаз» // URL: <http://www.stroytransgaz.ru/press-center/smi/neft-i-kapital/200704>.

9. Противоречия между Катаром и Саудовской Аравией // URL: <http://voprosik.net/protivorechiya-mezhdu-katarom-i-saudovsk>.

10. Саудовская Аравия давит на Россию // URL: <http://voprosik.net/saudovskaya-araviya-davit-na-rossiyu/>.

11. Saudi oil well dries up // The Telegraph. 07/10/2013 // URL: <http://telegraph.co.uk/finance/100019812/saudi-oil-well-dries-up/>.

12. Сирия: нефть, газ, трубопроводы // URL: <http://vitki.org/2012/11/21/>.

13. США могут потеснить Россию на газовом рынке Европы // URL: <http://afn.by/news/i/143977>.

14. США откажутся от нефти с Ближнего Востока // URL: <http://news.mail.ru/politics/9409697/>.

15. Харланов А. С. Методология и инструментарий геоэкономического инкорпорирования металлургической отрасли России в мировой рынок // Автореферат дисс... доктора экономических наук. СПб, 2012. С. 20.

1. Dolgov B. Arabskaya vesna: itogi i perspektivy // URL: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja_vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm.

2. Iran ne sobiraetsya byt' passivnym nablyudatelem // URL: <http://anna-news.info/taxonomy/term/3960>.

3. «Krovavyye granicy»: karta «Novogo Blizhnego Vostoka» – do i posle // URL: [http://nm2000.kz/news/2010-12-31-35263\\$](http://nm2000.kz/news/2010-12-31-35263$); Coj A. Neftyanye appetity Kitaya // URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/4471>.

4. Krylov A. Neft' i novyye igry na globuse // URL: http://www.perspektivi.ru/oykumena/vostok/neft_i_novie_igri.htm.

5. Monarxi Persidskogo zaliva na puti k Arabskomu Soyuzu // URL: <http://rostend.su/?q=node/440>.

6. Nazad, v Sيريю vozvrashhayutsya rossijskie kompanii // Neft' i kapital. 2007. № 4.

7. Neft' i gaz Egipta // URL: <http://www.africana.ru/lands/Egypt/frame/gas&oil.htm>.

8. Oficial'nyj sayt kompanii «Strojtransgaz» // URL: <http://www.stroytransgaz.ru/press-center/smi/neft-i-kapital/200704>.

9. Protivorechiya mezhdru Katarom i Saudovskoj Araviej // URL: <http://voprosik.net/protivorechiya-mezhdu-katarom-i-saudovsk>.

10. Saudovskaya Araviya davit na Rossiyu // URL: <http://voprosik.net/saudovskaya-araviya-davit-na-rossiyu/>.

11. Saudi oil well dries up // The Telegraph. 07/10/2013 // URL: <http://telegraph.co.uk/finance/100019812/saudi-oil-well-dries-up/>.

12. Sيريya: neft', gaz, truboprovody // URL: <http://vitki.org/2012/11/21/>.

13. SShA mogut potesnit' Rossiyu na gazovom rynke Evropy // URL: <http://afn.by/news/i/143977>.

14. SShA otkazhutsya ot nefti s Blizhnego Vostoka // URL: <http://news.mail.ru/politics/9409697/>.

15. Xarlanov A. S. Metodologiya i instrumentarij geoe'konomicheskogo inkorporirovaniya metallurgicheskoy otrasli Rossii v mirovoj rynek // Avtoreferat diss... doktora e'konomicheskix nauk. SPb, 2012. S. 20.

UDC 327

SYRIAN CRISIS: CAUSES AND EFFECTS OF OIL- GAS GEOPOLITICAL MOBILITY

Komleva Natalia Aleksandrovna,

Ural Federal University named after the First president of Russia B.N. Eltsin,
Institute of social and political sciences,
Professor at the Chair of History and Theory of Political Science,
Doctor of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: Komleva 1@yandex.ru

Annotation

The article considers the reasons of geopolitic mobility, related to the development of oil-gas complex of countries of the Near East. The author analysis factors, inspired changes in political systems of Arabian Spring countres, prognoses the developing vectors of syrian political crisis.

Key words:

geopolitical mobility, Arabian Spring, the Syrian crisis.

УДК 338.3 + 314.72

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ: ВНУТРЕННИЕ МИГРАЦИИ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ РЕСУРСОВ

Мартьянов Виктор Сергеевич,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
Ученый секретарь, кандидат политических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
e-mail: martianovy@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается смена ведущих факторов развития северных городов России в ситуации открытой экономики. В условиях свертывания советской модели форсированной индустриализации и территориально-отраслевого планирования на фоне глобализации повышается потенциал внеэкономических условий развития региональных сетей российских городов. В статье анализируется ряд таких факторов, связанных с диверсификацией ресурсов северных моногородов и целенаправленным повышением уровня межрегиональной мобильности населения. Доказывается, что существенное влияние на развитие северных городов оказывают личные стратегии участников трудового миграционного оборота, которые принципиально отличаются от привычных внутрироссийских направлений «вынужденной» миграции.

Ключевые слова:

северный город, моногород, советская урбанизация, городское планирование, мобильность населения, внутренняя миграция, диверсификация ресурсов.

Возможности и перспективы дальнейшего развития современного человечества все больше определяются особенностями городского образа жизни. В 2009 году была пройдена символическая черта – больше 50% людей на планете стали жить в городах. В 2050 доля горожан вырастет до двух третей человечества [14]. Фактически определяющим фактором современности является мировой переход от аграрного образа жизни к жизни в городах. И нынешние проблемы городского развития во многом объясняются предысторией городов. Эволюция городской цивилизации прошла несколько этапов развития.

Самые древние города развивались на побережье морей и вдоль рек, являвшихся главными торговыми и транспортными артериями древнего мира [6]. Таковы, например, крупные исторические города вдоль Волги – Нижний Новгород, Казань, Волгоград, Самара, Саратов, Астрахань. Представителем северных городов такого типа, например, является Обдорск, основанный на Оби и позже переименованный в Салехард. Следующее поколение крупных современных городов бурно развивалось уже вдоль железнодорожных магистралей – Екатеринбург, Челябинск, Новосибирск, Красноярск, Хабаровск и др. [5].

В советский период Россия на протяжении жизни одного поколения совершила стремительную урбанизацию. Если в начале XX века доля городского населения на территории нынешней России составляла 10%, то в начале XXI века она увеличилась до 73,1%, а к 2050 году по реалистическим прогнозам возрастет до 82,6% [14]. В России на начало 2010 года согласно данным Росстата насчитывалось 1099 городов, из них 11 миллионников, 24 города с населением свыше полумиллиона и 129 городов-стотысячников. Особенности советского экономического планирования привели к тому, что около 350 российских городов (треть) могут считаться моногородами (более 25% населения которых работает на градообразующем предприятии, либо цепочке взаимосвязанных производств), что обуславливает их уязвимость в открытой экономике. Смена советской модели форсированного развития в закрытой плановой экономике, реконфигурация транспортных потоков, убыточность градообразующих производств, снижение цен на энергоресурсы привели к спаду экономической активности и оттоку населения из многих северных городов, переживших в 1990-е годы затяжную рецессию.

Однако экономика депрессивных регионов и городов часто бывает обманчива. Сами по себе официальные цифры не могут быть основанием для принятия политических решений, так как часто представляют собой лишь вершину скрытой от внимания далекого наблюдателя и вполне успешно функционирующей неформальной, теневой экономики или отходнического промысла. Причем доходы от них могут быть сопоставимы или даже превосходить те официальные зарплаты, которые давал, например, закрытый градообразующий завод или любое иное обанкротившееся предприятие с массовой занятостью, чья продукция перестала пользоваться спросом [1]. Подобные события могут быть стимулом для слома индивидуального стереотипа, повышению горизонтальной мобильности и переориентации людей на новые, часто более прибыльные сферы деятельности.

Динамика изменений северных городов в постсоветский период двояка и неоднозначна.

С одной стороны, можно наблюдать такие экономические преимущества северных городов как повышенное качество человеческого капитала, высокая доля отраслей, производящих продукцию на экспорт и опирающихся на собственные ресурсы, высокая производительность. С другой стороны, обеспеченность ресурсами компенсируется относительно слабой (по мировым, но не российским меркам) институциональной средой, доминированием корпоративных интересов, общей дороговизной труда и производства, а также эффектом «голландской болезни», лишаящей стимулов к совершенствованию институтов и технологий. При этом уже более полувека мир периодически пугают апокалиптическими прогнозами об исчерпании минерально-сырьевой базы, в особенности углеводородов. В связи с этим рисуются картины быстрого людского оскудения и упадка северных российских городов. Однако углеводороды неизменно остаются в основании энергетической пирамиды современной экономики, несмотря на постоянную разработку альтернативных источников энергии, а северные города в долгосрочной прогностике являются эффективным элементом российской экономики и весьма привлекательной частью общероссийского рынка труда с постоянным спросом на квалифицированные кадры и достойной оплатой труда. Более того, разведанные запасы нефти и газа в последние годы в России растут быстрее, чем нефте- и газодобыча. В мире постоянно совершенствуются технологии добычи углеводородов, в неприкосновенном запасе остается освоение арктического шельфа, под которым находятся крупнейшие российские месторождения.

В результате северные города предстают как привлекательная цель для внутренних трудовых миграций для всей российской и постсоветской периферии. Люди отдают этим городам лучшие годы жизни, энергию творческого созидания, реализуют свои карьерные устремления и амбиции, создают плацдарм для «жизни после Севера», которая, как правило, является не возвратом на периферию, но связана с переездом в более крупные российские города: «Если следовать западным моделям оценки социального капитала,

то именно Север следовало бы признать важнейшей «кузницей» социальных сетей России – при том что именно социальные сети считаются экономистами одним из мощнейших ресурсов распространения инноваций в современном мире. Развивая эту мысль, можно было бы рассматривать «прокачку» человеческого ресурса через Север как элемент повышения конкурентоспособности России» [2]. В этом отличие северных сетей городов от более привычных вынужденных трендов российской мобильности по линиям периферия-центр и Восток-Запад основной причиной которых является схлопывание региональных рынков труда и его географические расслоение.

Внутренние миграции: «слепое пятно» российской экономической политики

Действительно, северные города, особенно те из них, которых появились на карте лишь 30–50 лет назад, развиваются, прежде всего, благодаря миграционному притоку, а не собственной исторической демографии [4]. Причем легкость миграции в эти города компенсируется при изменении привлекательности входных условий столь же быстрым оттоком населения. Это усугубляется отсутствием сбалансированной стратегии северной миграции. Когда на смену советской экспансии и индустриализации Севера, подкрепленным высокими зарплатами и различными социальными льготами, приходит кризис моногородов (особенно угледобывающих), сопровождаемый резким оттоком населения, что усугубляет положение региона. В результате начинает превалировать радикальная мысль о бесперспективности северных городов как таковых, являющихся порождением советской индустриальной модели. К тому же непонятно, почему люди, ехавшие на Север добровольно должны в настоящее время пользоваться государственными привилегиями и преимуществом на рынке труда других регионов? Кроме того, большинство российских регионов после Севера вовсе не являются привлекательным рынком труда. А потенциальное создание новых рабочих мест специально «под северян» усиливает межрегиональное неравенство.

В условиях открытой экономики межрегиональная миграция на рынке труда и облегченные мобильности населения играют постоянно возрастающую роль в оптимизации распределения занятости внутри страны, позволяющей рассматривать ее как драйвер экономического роста. Тем не менее, в недавно представленной общественности Стратегии-2020 (она сменила дискредитированную в результате мирового экономического кризиса Концепцию-2020 [3]) ее разработчики озабочены исключительно необходимостью притока мигрантов из-за рубежа. Этот приток обосновывается как неизбежный, закладываются бюджетные средства на адаптацию мигрантов. Хотя при этом признается, что они в своей массе уступают по своему человеческому капиталу россиянам [12]. Достаточно указать лишь на тот факт, что миграционный прирост в России согласно данным Росстата в постсоветский период ни разу не превышал 0,4% в год, а в 2011 году составил 0,2% [11, с. 75].

Видимо даже спустя четверть века после падения СССР, распространен миф, что на пространстве СНГ осталось много русских, которых можно привлечь в Россию. Однако, мифических миллионов русских в странах СНГ, которые могут приехать в Россию и улучшить демографию просто не существует. Россия фактически исчерпала лимит русскоязычных иммигрантов из стран СНГ, вынужденных переселиться в Россию. Те, кто хотел – давно уехал, остальные адаптировались. Ресурс эффективной, то есть культурно и по языку близкой иммиграции из стран СНГ для сокращения естественной убыли населения составил около 5–7 миллионов человек в 1990-х – начале 2000-х гг., и в настоящее время является для России исчерпанным. В последние годы разговоров о засилье мигрантов все больше, но сам поток приезжающих в Россию становится слабее. Парадокс в том, что в 1980-е годы в РСФСР из остальной части СССР въезжало в разы больше людей, чем сейчас, когда Россия и бывшие союзные республики разделены государственными границами. Кроме того, в глобальном плане развитие технологий транснационального аутсорсинга способствует снижению выгод от географического перемещения физических носителей

труда. Гораздо менее затратным и мобильным оказывается пространственный перевод производственных инфраструктур и капитала в другие мировые регионы.

На самом деле, сейчас гораздо большее экономическое и политическое значение для России имеет мобильность собственного населения внутри страны, чем международная миграция. Внутренняя миграция имеет особое значение для успешного функционирования сетей крупных городов, образующих в рамках естественной центр-периферийной модели модернизационное ядро экономики страны. Ежегодно в России меняют место жительства около 3–4 млн. человек, что на порядок больше числа мигрантов, приезжающих в страну извне. Например, в 2011 году согласно Росстату в России поменяли место жительства 3,06 миллиона человек, что в 1,5 раза больше, чем в 2010, в то время как официальная международная миграция в страну составила только 365,5 тысяч человек [11, с. 121–122]. Возможности для России связанные с получением образования или переездами в поисках новой работы собственных граждан не менее важны, чем тонкий ручеек международной миграции. Нынешнее государство не хочет замечать трудностей, а тем более активно способствовать повышению мобильности населения и облегчению внутренней миграции (село-город, регион-регион, Восток-Запад, Север-Юг) в самой большой в мире стране. В этом смысле российское население остается одним из самых инертных, массовая модернизационная мобильность периода СССР постепенно затихала на фоне экономической стагнации. Граждане реже меняют место жительства, уменьшается число людей хоть раз в жизни бывавших не только в Москве или Санкт-Петербурге, но даже за пределами своего географического региона. В частности доля никогда не переезжавших людей в 1979 г. составляла 46,1%, в 1989 г. – 49,3%, в 2002 г. – 55,8% [7, с. 154]. Данное падение одной из ключевых причин имеет исчерпание потоков сельской миграции в города, которое произошло еще в позднесоветский период, но не является единственной его причиной. Серьезное влияние на снижение внутренних миграций оказало продолжитель-

ное падение уровня жизни в результате распада СССР, когда большинство населения в условиях шоковых реформ имело в своем распоряжении лишь стратегии выживания, а не развития.

Однако, по данным всероссийской переписи 2010 года в России в 2000-е годы вновь наблюдается подъем внутренних миграций, связанный с тем, что значительное количество людей смогло вырваться из «ловушки бедности», препятствующей переезду на другое место жительства: в 2003–2010 гг. в сравнении с 1996–2002 гг. поток внутренних мигрантов вырос в 1,7 раза [8]. И этот рост наблюдается вопреки отсутствию практических механизмов поддержки мобильности трудовых ресурсов на внутреннем рынке, утраченных в постсоветский период. Внутренние миграции фактически отданы на откуп мифическому саморегулированию национального рынка труда, что в итоге привело к нарастанию региональных экономико-демографических дисбалансов – дальнейшему ресурсному оскудению депрессивных регионов и критической перенаселенности экономически активных, например, Москвы и ряда других городов миллионников.

В отсутствии целенаправленного регулирования в стране преобладают инерционные механизмы вынужденной миграции. Это не активные передвижения представителей растущего среднего класса, связанные с наличием у них соответствующих ресурсов и свободы выбора, а скорее невольное бегство от отсутствия перспектив и экономической активности в нынешней географии проживания. Эти процессы обусловлены сокращением местного рынка труда и возможностей улучшения и так низкого качества жизни. Ибо альтернативой вынужденной миграции наиболее часто является лишь социальная деградация, низкие доходы, ухудшение перспектив для себя и детей. Люди, меняющие место жительства внутри страны, выпадают из фокуса государственной политики. Все госпрограммы по поддержке трудовой миграции для освоения просторов «оголенного» и обезлюдившего Дальнего Востока, который занимает почти половину территории страны, но где проживают лишь 13 миллионов человек, по сути, оказались симуляцией государственной

поддержки. Имеющиеся программы переселенный оказались непрозрачны и неэффективны, как и государственные службы трудоустройства, едва ли не единственной целью которых является улучшение статистики безработицы, но вовсе не эффективная помощь нуждающимся в новой работе.

Тем не менее, миграционные потоки имеют волнообразную природу, определяясь многими факторами. Представляется, что рост внутренней миграции в последние годы не в последнюю очередь связан с последствиями мирового экономического кризиса, принудившего ставших «лишними» людей искать лучшей доли в других регионах страны. Представляется, что комплексное изменение мер поддержки географической мобильности людей внутри страны способно если не в полной, то в значительной мере исключить потребность отечественной экономики в притоке трудовых ресурсов из других стран. Попутно исключив связанные проблемы адаптации мигрантов к российским культурным нормам и стандартам жизнедеятельности.

Сделать миграцию драйвером экономики можно лишь преодолев сложившиеся в стране миграционные тренды, работающие на снижение эффективности освоения российских пространств, закрепление географического расслоения и исторической неодновременности регионов. Основными направлениями внутренних миграций в России является а) отток населения с все более пустынного Дальнего Востока в европейскую часть страны, б) стягивание населения из сельской местности и малых городов в сеть крупных мегаполисов, в) миграция из демографически избыточных, но экономически неразвитых регионов Северного Кавказа. Данные тренды соответственно фиксируют а) обезлюживание Дальнего Востока с последующей потерей над ним фактического суверенитета; б) обезлюживание, недофинансирование и свертывание эффективного пространства экономического освоения в сельской местности и малых городах; в) сохранение системы федерального дотирования, тотальной коррупции и неразвития регионов с традиционалистской культурой.

Фактически речь идет о росте зависимости качества жизни и жизненных перспектив людей

от конкретной территории проживания, о радикализации экономико-географического неравенства в постсоветский период. Это неравенство в постсоветской России не сокращается, будучи постоянным генератором социальной напряженности и разного рода культурных дисбалансов [10]. Экономическое неравенство отдельных регионов России сопоставимо с неравенством постиндустриальных и слаборазвитых стран. Межрегиональные разрывы в средних доходах на душу населения достигают 5–6 раз. Например, если в Москве среднемесячные доходы на душу населения в 2011 году составили по данным Росстата 47,3 тыс. руб., а в Ханты-Мансийском АО – 32,5 тыс. руб., то во Владимирской и Ивановской областях лишь 14,3 и 13 тыс. руб. на душу населения, а в Республике Ингушетия и Калмыкии – соответственно 11,5 и 8,8 тыс. руб. [9]. Кстати, озвученная Президентом РФ стратегия повышения зарплат ряда бюджетников в привязке к средним зарплатам по региону, а не по стране лишь фиксирует сохранение подобного неравенства со всеми вытекающими из него негативными следствиями [13].

Как показывает статистика, глобального роста миграционных потоков в современном мире и в России, который не стоит путать с увеличением объемов международного туризма, не наблюдается. Существует лишь болезненная реакция населения и политиков на изменения направлений этих потоков, которые теперь текут от бывших колоний к метрополиям. Естественно, с точки зрения принимающих развитых обществ эта трансформация видится как кризис, способный ухудшить достигнутый ранее уровень жизни собственных граждан, которым приходится конкурировать с мигрантами на собственном рынке труда «на понижение». Во многом аналогична ситуация и на уровне внутристрановой мобильности населения, особенно в свете указанных выше межрегиональных контрастов.

Следует учесть, что в труде приезжих заинтересованы, прежде всего, работодатели и владельцы средств производства. Если рынок труда имеет трудовые ниши для мигрантов, их ничто не остановит. Миграционные потоки в России все более включены в более глобальные передвижения людей в мире, являясь их органиче-

ской частью. Люди имеют естественное право свободно передвигаться по миру или внутри своей страны в поисках работы, которой нет дома именно потому, что экономического процветания на родине или в регионе почему-то не наступает, а за ту же работу платят в 5–10 раз меньше, чем в других странах или регионах. Однако гораздо эффективней планов привлечения бывших соотечественников и международных мигрантов является вложение бюджетных средств во внутренние резервы российского населения – поддержка мобильности населения, стимуляция рождаемости, строительство жилья, создание свободных экономических зон.

На этом фоне важным исключением является высокая трудовая миграция в северных городах, имеющая не вынужденный, а осмысленный и целенаправленный характер. Люди едут на Север для самореализации и повышения индивидуальной капитализации, но не планируют оставаться там всю жизнь. Возникает своеобразная модель циркулирующей миграции, когда на смену одним поколениям постоянно приезжают другие. Постоянное обновление и конкуренция кадров способствует более интенсивному развитию в сравнении с оседлыми, устойчивыми регионами с низкой ротацией населения. Подобная модель способствует быстрой апробации различных социальных инноваций в экстремальных условиях Севера.

Что делать?

Советские индустриальные мегаполисы, составляющие основную часть национальной платформы городов, по своей сути застраивались как цепочки связанных производств при железной дороге или даже конкретных месторождений в системе закрытой плановой экономики в рамках территориально-отраслевого планирования. Другие направления их развития игнорировались. Малые города и сельская местность фактически превратились в донора миграции для более развитых крупных городов. Однако любое развитие современных государств, взятое в своем территориальном измерении, успешно лишь тогда, когда осуществляется равномерно и затрагивает большинство населения, запуская механизмы кооперации разных территорий,

видов поселений и создания производственных цепочек полного цикла.

Эффективное развитие северных городов прямо связано с высоким миграционным оборотом населения, как приезжающего на Север, так и мигрирующего в другие регионы России. Люди изначально выстраивают короткие и вместе с тем интенсивные жизненные стратегии для Севера, связанные с построением карьеры и укреплением благосостояния на наиболее перспективном этапе своей жизни. Они считают северные города хотя и важным для своего трудового пути, но все же транзитным местом своего пребывания. Подобная стратегия, как ни парадоксально, обрачивается для северных городов рядом реальных преимуществ. Обеспечение значительного миграционного оборота поддерживает высокий человеческий капитал северных городов, быстрое восприятие нового опыта, повышенную достигательность и нацеленность на профессиональную самореализацию индивидуальных жизненных стратегий северян. При этом небольшие размеры северных городских сообществ позволяют достаточно быстро корректировать обратные связи и результаты любых нововведений.

При этом долгосрочные интересы городского сообщества должны превалировать над сиюминутными прибылями корпораций и частных сообществ. Когда, например, точечная застройка в центре города порождает множество нерешаемых проблем для городского сообщества в целом. Добиться этого можно лишь с помощью широкого вовлечения жителей города в механизмы самоуправления. В противном случае положительный кумулятивный эффект для пространственного развития северных городов достигнут не будет, превратившись в очередные бумажно-бюрократические инновации. Соучастие заинтересованных групп граждан и бизнеса в развитии города снижает общий уровень социального напряжения, дает возможность в конструктивных формах выразить более многомерное видение вариантов развития, а также разрешать конфликтные ситуации, заручившись общественной поддержкой.

Соответственно, местное самоуправление и отдельные города нуждаются в увеличении полномочий и свобод в области своей налого-

вой политики и распоряжения ресурсами, что позволит им более эффективно и быстро решать текущие проблемы жизнеобеспечения населения, не вступая в непростое взаимодействие с региональными и федеральными властями и крупными корпорациями в качестве лоббиста и просителя. Более того, крупные города можно рассматривать как локомотивы развития и более эффективных получателей прямых федеральных субсидий, чем субъекты Российской Федерации в целом. Северным городам необходим автономный бюджет города, позволяющий освободиться от роли заложника градообразующего предприятия или отрасли. Это может быть, например, городской инвестиционный фонд, создаваемый на местные налоги и инвестирующий в эффективную диверсификацию города. Наконец, пространственное освоение мигрантами российского севера предполагает усиление транспортно-коммуникационных узлов на базе ведущих городов. Стратегическое направление развития городских ресурсов связано с функциональной диверсификацией северных монопрофильных городов, развитием в них логистической, образовательной, инновационной инфраструктуры.

1. Глазычев В. Что должно умереть, то умирает [Электронный ресурс] / В. Глазычев. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/chto-dolzno-umeret-to-umiraet> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
2. Замятина Н., Яшунский А. «Севера» как зона роста российской провинции [Электронный ресурс] / Замятина Н., Яшунский А. URL: http://www.strana-oz.ru/2012/5/severa-kak-zona-rosta-rossiyskoy-provincii#_ftn1 (дата обращения: 10.10.2013 г.).
3. Концепция-2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
4. Мартыанов В.С. Стратегия городского развития в Арктическом регионе России [Текст] / Мартыанов В.С. // ЭКО. – 2013. – № 5. – С. 125–137.
5. Мартыанов В.С., Руденко В.Н. Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций [Текст] / Мартыанов В.С., Руденко В.Н. // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2012. – Вып. 12. – С. 314–330.
6. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки [Текст] / Мечников Л.И. М.: Пангея. 1995.
7. Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа [Текст] / Мкртчян Н.В. // SPERO. – 2009. – № 1. – С. 154.
8. Официальный сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.01.xlsx (дата обращения: 10.10.2013 г.).
9. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/tab11.xlsx (дата обращения: 10.10.2013 г.).

monitor/tab11.xlsx (дата обращения: 10.10.2013 г.).

10. Панкевич Н.В. Диспропорции регионального развития РФ: проблема без решения? [Текст] / Панкевич Н.В. // Политическая наука. – 2009. – № 2. – С. 35–49.
11. Российский статистический ежегодник [Текст]. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012.
12. Стратегия-2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
13. Указ Президента Российской Федерации «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» от 7 мая 2012 года № 597 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
14. World Urbanization Prospects. The 2009 Revision [Электронный ресурс]. URL: <http://esa.un.org/unpd/wup/index.htm> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
1. Glazychev V. Chto dolzhno umeret', to umiraet [E'lektronnyj resurs] / V. Glazychev. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/chto-dolzno-umeret-to-umiraet> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
2. Zamyatina N., Yashunskij A. «Severa» kak zona rosta rossijskoj provincii [E'lektronnyj resurs] / Zamyatina N., Yashunskij A. URL: http://www.strana-oz.ru/2012/5/severa-kak-zona-rosta-rossiyskoy-provincii#_ftn1 (дата обращения: 10.10.2013 г.).
3. Koncepciya-2020 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
4. Mart'yanov V.S. Strategiya gorodskogo razvitiya v Arkticheskom regione Rossii [Tekst] / Mart'yanov V.S. // E'KO. – 2013. – № 5. – С. 125–137.
5. Mart'yanov V.S., Rudenko V.N. Rossijskie megapolisy: ot industrial'nyx gorodov k strategii mnogofunkcional'nyx aglomeracij [Tekst] / Mart'yanov V.S., Rudenko V.N. // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. – 2012. – Вып. 12. – С. 314–330.
6. Mechnikov L.I. Civilizaciya i velikie istoricheskie reki [Tekst] / Mechnikov L.I. M.: Pangeya. 1995.
7. Mkrтчyan N.V. Migracionnaya mobil'nost' v Rossii: ocenki i problemy analiza [Tekst] / Mkrтчyan N.V. // SPERO. – 2009. – № 1. – С. 154.
8. Oficial'nyj sajt Rosstata. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.01.xlsx (дата обращения: 10.10.2013 г.).
9. Oficial'nyj sajt Rosstata [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/tab11.xlsx (дата обращения: 10.10.2013 г.).
10. Pankevich N. V. Disproporcii regional'nogo razvitiya RF: problema bez resheniya? [Tekst] / Pankevich N. V. // Politicheskaya nauka. – 2009. – № 2. – С. 35–49.
11. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik [Tekst]. 2012: Stat. sb. / Rosstat. M., 2012.
12. Strategiya-2020 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
13. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «O meropriyatiyax po realizacii gosudarstvennoj social'noj politiki» ot 7 maya 2012 goda № 597 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html> (дата обращения: 10.10.2013 г.).
14. World Urbanization Prospects. The 2009 Revision [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://esa.un.org/unpd/wup/index.htm> (дата обращения: 10.10.2013 г.).

UDC 338.3 + 314.72

TRANSFORMATION OF THE DEVELOPMENT FACTORS OF THE RUSSIAN NORTHERN CITIES: INTERNAL MIGRATION AND RESOURCES DIVERSIFICATION

Martianov Victor Sergeevich

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
PhD, Academic secretary,
E-mail: martianovy@rambler.ru

Annotation

Transformation of the development factors of the Russian northern cities: internal migration and resources diversification.

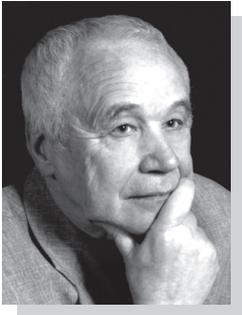
The article discusses the change of the determinants of development in the Russian northern cities in the situation of the open economy. Due to stagnation of the soviet model of industrialization and territorial-economic planning the impact of extra-economic factors of the development of the Russian urban network is growing. The article studies a range of such factors connected with resources diversification of the northern mono-cities and increase in inter-regional migration. It is proposed that the quality of migration turnout impacts greatly the dynamics of the northern cities development.

Key words:

northern city, mono-city, soviet urbanization, city planning, people mobility, internal migration, resources diversification.

УДК 140.8

ПРЕПЯТСТВУЕТ ЛИ ЦЕНзуРА МОБИЛЬНОСТИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ?

Емельянов Борис Владимирович,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук,
Доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: philosophy7@mail.ru

Ионайтис Ольга Борисовна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук,
Доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: Ionaitis@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется феномен цензуры в России и ее возможное влияние на мобильность русской общественной мысли

Ключевые слова:

цензура, мобильность, русская общественная мысль.

Дискурс, связанный с историей цензуры, давняя заслуживающая внимания историков общественной мысли исследовательская проблема. Наши изыскания в этой области на примере истории русской философии на вопрос, поставленный в названии этого эссе, позволяют ответить скорее отрицательно, чем утвердительно.

Цензура в России за три века своего существования четко определила себя инструментом политического контроля со стороны властей за движением общественной мысли в стране. До публикации первого русского цензурного устава в 1804 г. цензурные преследования были эпизодическими событиями в истории, прежде всего, религиозной мысли. Так, в 1627 г. было сожжено «Учительное Евангелие» Кирилла Транквиллиона

«за слог еретический и составы, обличавшиеся в клире». По указу Петра I книги религиозного содержания обязательно цензурировались Духовной коллегией, а после его смерти Синодом, который часто вмешивался в издание книг светского содержания. К примеру, он высказался против публикации книг «О множестве миров», пропагандирующих систему Н. Коперника, поэмы А. Попа «Опыт о человеке» и книги Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров».

В царствовании Екатерины II было опубликовано несколько указов, касающихся цензуры. По указу 1796 г. юрисдикция цензур была разделена: за духовную отвечал Синод, за гражданскую – Сенат, за ученую – Академия наук и Московский университет. По указу 1785 г. была разгромлена

Типографическая компания Н. И. Новикова, 18656 изданных им книг были сожжены, а сам Н. И. Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость. В 1790 г. была арестована и сожжена книга Н. А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», а ее автор на 10 лет сослан в Сибирь. Сменивший Екатерину II Павел I ополчился на иностранную литературу, издав в 1800 г. указ, по которому запрещался «впуск... из заграницы всякого рода книг, на каком бы языке они не были, без изъятия, в государство наше» [7, с. 176–177]. Во время его правления на таможне было конфисковано 639 книг.

Цензурные преследования отечественных и зарубежных изданий продолжалось и при Александре I, который 9 мая 1804 г. утвердил первый в России цензурный устав. Хотя он и носил либеральный характер, от цензурирования и запрещения произведений общественной мысли неугодных правительству не освобождал. Жестоко с прогрессивной литературой общественного характера расправлялся Николай I. Особенно неугодной для него была философия. Известный тезис – «польза от философии не доказана, а вред несомненен», сформулированный в годы его правления, оправдывал правительственное преследование ее. При Николае I был создан Комитет иностранной цензуры, задачей которого было просматривать ввозимую из-за границы печатную продукцию, в том числе книги, выписываемые учебными заведениями и частными лицами.

В 1848 г. началось «мрачное семилетие» для русской общественной мысли. В феврале 1848 г. царь приказал «составить комитет, чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура и издаваемые журналы, соблюдают ли данные каждому программы» [9, с. 137]. Вскоре эта цензура над цензурой была заменена так называемым «бутурлинским комитетом», одним из наиболее известных дел которого было запрещение «Карманного словаря иностранных слов» отразившего идеи петрашевцев.

Когда будут опубликованы все факты цензурных преследований произведений общественной мысли и будет написана полная история отечественной цензуры в ее соотносительности с историей русской общественной мысли, мы сможем убедиться, что цензура не смогла остановить развитие прогрессивной русской мысли. Она лишь частич-

но достигла цели. Книга, сделавшись мученицей в глазах общества, еще более привлекала к себе внимание, становилась символом просвещения. Современник свидетельствует: «Будущее поколение еще не раз остановится с недоумением перед гладко убитым пустырем, отыскивая пропавшие пути мысли, которые в сущности не прерывались. По-видимому, поток был остановлен. Николай перевязал артерию, но кровь переливалась проселочными тропинками» [4, 9, с. 35].

К середине XIX в. стал набирать силу «тамиздат», а чуть позже и «самиздат». Другими словами, часть литературы стала печататься за рубежом, где одно за другим открывались частные русские издательства и запрещенная в России книга стала поступать к читателям. Начало зарубежным издательствам было положено в 1853 г. «Вольной русской типографией» А. И. Герцена в Лондоне, а самым интенсивно печатающим запрещенную литературу к концу XIX в. стало издательство М. К. Элпидина в Женеве. Об объеме изданий зарубежной литературы, доступной в России, говорит хотя бы тот факт, что во время обыска жандармами книжных магазинов в 1833 г. было изъято 7065 запрещенных книг [11, с. 129]. К середине XIX в. в обиход русской общественной мысли вошли поездки авторов произведений, которые не надеялись получить цензурное разрешение на родине, за рубежом для печатания своих произведений. Так поступили А. С. Хомяков, Н. А. Серно-Соловьевич, В. С. Соловьев, Е. В. Де-Роберти и др.

Внутри России «вольные» типографии для печатания бесцензурных книг начали создаваться уже в XVIII в. Самый яркий пример – домашняя типография Н. А. Радищева, закупленная им для печатания «Путешествия из Петербурга в Москву» или типография И. Г. Рахманинова, установленная им для печатания сочинений Вольтера в родовом селе Казинка Тамбовской губернии. В XIX в. подпольные типографии, литографии, а в конце века – гектографии стали обычным явлением общественной жизни России. Их имело большинство прогрессивно ориентированных организаций и кружков. Объем литературы, изданной в них, насчитывает сотни наименований. Анализ этих изданий позволяет утверждать, что они ослабляли, а порой сводили на «нет» негативизм цензуры. Самым впечатляющим примером такого бессилия

цензурных препятствий против отечественных и зарубежных бесцензурных изданий является борьба официальной царской и духовной цензуры против изданий произведений Л.Н. Толстого. Хотя правительство понимало бесполезность борьбы с влиянием идей писателя (московский генерал-губернатор князь В.А. Долгорукий это бессилие выразил так: «... всякая репрессивная мера принятая относительно графа Л. Толстого окружает его ореолом страдания и тем будет наиболее воздействовать распространению его мыслей и учения» [1, с. 65]), оно, однако, большинство его произведений, особенно публицистику и философско-религиозные трактаты к печатанию не допускало, а уже изданные запрещало и уничтожало. К примеру, знаменитую «Исповедь» Л.Н. Толстого предполагалось издать в майском номере журнала «Вольная мысль» 1882 г. В начале по решению Московского комитета духовной цензуры ее вырезали из журнала и отправили на рассмотрение Главного управления по делам печати, а 14 мая 1886 г. уже Синод своим решением не разрешил ее печатать, поскольку в этом произведении «по местам излагаются мысли и суждения несогласные с учением Православной церкви» [10, 28, с. 522]. Несмотря на этот двойной запрет, «Исповеди» Толстого имела широкое хождение в России и за рубежом под разными названиями в виде литографированных изданий, брошюр, вырезанной из текста «Русской мысли» корректуры, европейских газетных и журнальных изданий на русском языке. Известно, например, что ее издало «Общество переводчиков и издателей» и «Общественный союз» в московской литографии Н.А. Янковской, а в конце 1885 – начале 1886 г. казанский революционный кружок И.Н. Смирнова и В.А. Муратова печатал «Исповедь» литографированным способом в типографии уездного воинского начальника. При обыске у них жандармами 1 марта 1886 г. было обнаружено 100 экземпляров книги [8, с. 65]. Как видим запретительные меры духовной цензуры по отношению к толстовской «Исповеди» не достигли цели и она стала «одним из самых читаемых его публицистических произведений» [6, с. 52]. Аналогична судьба и других произведений Л.Н. Толстого.

В XIX в. русские мыслители нашли еще один способ уйти от наблюдений «недремлющего ока»

цензуры. В 30–40 е гг. для распространения бесцензурной мысли они широко стали использовать переписку. По словам А.И. Герцена переписка «делается какой-то движущейся раскрытой исповедью... все закреплено, все помечено в письмах... без румян и прикрас» [4, 11, с. 514–515]. Два десятилетия после восстания декабристов писал пространные письма из Парижа своим друзьям из арзамасского братства А.И. Тургенев. Когда А.С. Пушкин и П.А. Вяземский попытались их опубликовать в «Современнике», цензура на их печатание наложила запрет.

«Вся моя жизнь в письмах», – писал В.Г. Белинский М.А. Бакунину [3, 13, с. 94]. Не только известное его письмо к Н.В. Гоголю, но и многие другие письма Белинского ходили по рукам, считались философскими диссертациями [5, с. 281].

Русская общественная мысль находила разные возможности обойти рогадки цензуры. Хорошо понимая, что с особой тщательностью цензируются философские трактаты, публицистика, работы по экономике и социологии, она для своего выражения использовала... художественную литературу! Многие произведения ее по потенциалу социального и философского осмысления действительности не уступают философским трактатам. «Редкая литература в кругу литератур мирового значения, – писал В.Ф. Асмус, – представляет пример тяги к философскому осознанию жизни, искусства, творческого труда, какой характеризуется именно русская литература. И в то же время редкая литература отмечена в такой мере, как русская, своеобразием, порой причудливостью путей философского развития крупнейших ее талантов» [2, с. 83–84]. К тому же художественная литература в России всегда была рупором свободного слова. Прав А.И. Герцен, утверждая, что «у народа, лишённого общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» [4, 7, с. 198].

Противостояние цензуры и русской общественной мысли продолжалось не одно столетие. Было время, например, в годы «чугунного устава» 40–х годов XIX в., когда философские, социально-политические произведения почти не печатались. Однако общий итог борьбы правительства

и церкви и их инструмента – цензуры был не в их пользу. Используя различные способы от эзопова языка до подпольных типографий, русская общественная мысль обеспечивала свою мобильность, находила возможности выразить себя, ответить на животрепещущие вопросы современности.

1. Апостолов Н.Н. Лев Толстой и русской самодержавие. М.; Л., 1930.
2. Асмус В.Ф. Круг идей Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43–44. М., 1941.
3. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 30 т. М.; Л., 1953–1959.
4. Герцен А.И. Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1954–1964.
5. Емельянов Б.В. Философские письма Белинского // Труды УИМЭСХ, 1969. Вып. 10. С. 281–288.
6. Жирков Г.В. Л.Н. Толстой и цензуры. СПб., 2004.
7. Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности Павла I. Пг., 1916.
8. Левина С.С. Нелегальный Толстой // Книга. Сб. XXXVII. М., 1978.
9. Русская старина. 1903. Июль.

10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л., 1928–1958.

11. Федосеев И.А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958.

1. Apostolov N.N. Lev Tolstoj i russkoj samoderzhavie. M.; L., 1930.
2. Asmus V.F. Krug idej Lermontova // Literaturnoe nasledstvo. T. 43–44. M., 1941.
3. Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. M.; L., 1953–1959.
4. Gercen A.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. M., 1954–1964.
5. Emel'yanov B.V. Filosofskie pis'ma Belinskogo // Trudy UIME'SX, 1969. Vyp. 10. S. 281–288.
6. Zhirkov G.V. L.N. Tolstoj i cenzury. SPb., 2004.
7. Klochkov M.V. Oчерki pravitel'svennoj deyatelnosti Pavla I. Pg., 1916.
8. Levina S.S. Nelegal'nyj Tolstoj // Kniga. Sb. XXXVII. M., 1978.
9. Russkaya starina. 1903. Ijul'.
10. Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij: V 90 t. M.; L., 1928–1958.
11. Fedoseev I.A. Revolyucionnoe dvizhenie v Rossii vo vtoroj chetverti XIX v. M., 1958.

UDC 140.8

DOES THE CENSORSHIP PREVENT FROM THE MOBILITY OF RUSSIAN SOCIAL THOUGHT?

Emelyanov Boris Vladimirovich,

Ural Federal University named after the First president of Russia B.N. Eltsin,
Institute of social-political sciences,
Doctor of Sciences (Philosophy), full professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: philosophy7@mail.ru

Ionaitis Olga Borisovna,

Ural Federal University named after the First president of Russia B.N. Eltsin,
Institute of social-political sciences,
Doctor of Sciences (Philosophy), full professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: Ionaitis@yandex.ru

Annotation

The article analysis the phenomen of censorship in Russia and it's possible influence on the mobility of Russian social thought.

Key words:

censorship, mobility, Russian social thought.

УДК 008 + 316

КОНЦЕПТ И СТРАТЕГИЯ КРЕАТИВНОГО ГОРОДА***Русакова Ольга Фредовна,**

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
зав. отделом философии, доктор политических наук,
профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются концепции и стратегии креативного города, анализируются дискурсные особенности креативного города. Автор трактует креативный город с позиции концепции города-трансформера, города-перформанса.

Ключевые слова:

дискурс, креативный город, творческие индустрии, мобильное пространство, перформанс, soft power, политика памяти.

С момента выхода книги Чарльза Лэндри «Креативный город» [3], в зарубежных и российских социальных исследованиях появилось множество оригинальных работ, посвященных разработке концепта креативного города, а также конкретным управленческим стратегиям, направленным на превращение той или иной городской среды в креативное жизненное пространство.

Предлагаемые концептуальные версии креативного города содержат следующую актуальную проблематику: развитие творческих индустрий [1]; формирование устойчивой и влиятельной общности под названием «креативный класс» [11]; создание имиджевой привлекательности города; конструирование и продвижение городского бренда; проектирование и развитие креативного городского пространства; культивирование городской мифологии и символики памятных мест [2, с. 17–34]; развитие перформативного городского туризма и создание пространств, пригодных для разнообразных перформативных практик [12, с. 1–28]. Современный

город представляется главным образом в виде коммуникативно-семиотической среды, открывающей для граждан широкий спектр возможностей саморазвития и творческого общения.

Обобщая существующие способы осмысления понятия «креативный город», мы приходим к выводу, что под креативным городом большинство исследователей подразумевают некое *мобильное* и перформативно-активное *дискурсивное пространство*, способное к семиотическому самообновлению, порождению новых смысловых констелляций, расширяющих горизонты гражданских инициатив.

Рассмотрение городской среды в качестве дискурсивного пространства все настойчивее превращается в определенный исследовательский тренд. Известный социолог Роберт Парк как-то сказал: «Город – это образ мысли». Наш отечественный семиотик Владимир Топоров говорил о том, что Петербург – это Текст. Молодой петербургский социолог Олег Панченко сегодня рассматривает город как Метанарратив [5]. О го-

*Статья написана при поддержке Уральского отделения Российской академии наук в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований: проект № 12-И-6-2066.

роде говорят как о пространственной метафоре, как об источнике интерпретаций. Специальным предметом исследований выступает социальная риторика города [9, с. 441–493]. В итоге городское пространство трактуется как семиотическая система, который содержит подвижные процедуры означивания.

Будучи определенной знаково-коммуникативной системой, город совершенно логично может быть представлен посредством понятия «дискурс». Согласно нашему определению, дискурс – это знаково-семиотическая система, выполняющая функции означивания, смыслопорождения, интерпретации, позиционирования, репрезентации определенного объекта или субъекта, форматирования ментальных образов. Если говорить кратко, то ключевая функция дискурса состоит в формировании символического капитала [7, с. 96–101].

Употребление понятия «дискурс» в сочетании с понятием «креативный город» порождает особый смысл, связанный с формированием символического капитала под названием «креативность города». Только у креативного города существует способность к перманентному порождению дискурса креативности или креативного дискурса [10], который создается соответствующей управленческой стратегией.

Стратегии формирования креативного городского дискурса отличны от проектирования городского пространства фордистского типа. Город фордистского типа – это город с геометрически правильными прямыми улицами, с жесткими привязками транспортных узлов, с четкими различиями между центром и окраинами, между зонами культурного отдыха и «спальными» районами.

Мы привыкли воспринимать городское пространство как «жесткую» инфраструктуру, подразумевая системы площадей, улиц, зданий, культурных учреждений и т. д. Но подобно тому, как в компьютере нам важно не «железо», а богатое программное обеспечение, в современном городе для нас самое главное – возможности, которые он дает человеку для самореализации в общении и профессии, для обращения к разнообразным культурным практикам, для активного отдыха.

Пространство креативного города носит не столько геометрический, сколько *сетевой*, мобильно трансформирующий характер. Это – некий семиотический коллаж, микс архитектурных и перформативных стилей, *клиповая мобильная сборка постмодернистского свойства* (все связано со всем, одно перетекает в другое). Если прибегнуть к метафорическому языку, то классический город постфордистского типа – это «город-машина», а креативный город – это ГОРОД-ТРАНСФОРМЕР, ГОРОД-ПЕРФОРМАНС. К креативному городу применима также метафора «живой организм», создающая образ активного саморазвивающегося начала.

Креативный город похож на *crazy house*, где все, что находится внутри его живого «тела», двигается, свободно перемещаясь в пространстве. Прогулки по *crazy house* похожи на травелог, богатый приключениями, открытиями, яркими впечатлениями и интерактивной вовлеченностью в процесс семиотического творчества, в некий перманентный перформанс. Организация туризма в креативном городе построена таким образом, чтобы гости не только познакомились с культурными достопримечательностями, с особенностями городского быта, отдыха, с изысками кулинарного искусства и т. п., не только выступали в качестве потребителей благ, предоставляемых службами туристического сервиса, но также оказывались в роли соучастников творческих проектов и акций, позволяющих глубоко проникать в смыслы иной культуры, приобретать новые межкультурные коммуникативные навыки.

Городские власти, простые граждане и гости креативного города – все принимают участие в формировании его дискурсного пространства, все выступают актерами городских перформансов как когнитивно-значимых и культурных событий, коллективно превращая город в большую «антропологическую сцену».

Учитывая сказанное, предлагаем следующее рамочное определение дискурса креативного города: Дискурс креативного города – это стратегически формируемая *семиотико-коммуникативная городская среда*, которая стимулирует и поддерживает следующие процессы:

– развитие и реализация творческих, *гражданских инициатив* горожан в области реализации девелоперских градостроительных проектов, обеспечение «круговорота городского творчества»;

– кластерное развитие в городском пространстве *творческих индустрий*;

– закрепление в общественном сознании ярких привлекательных образов города посредством четкой стратегии городского *имиджирования* и *брендинга*;

– развитие «мягкой силы» (soft power), связанной с участием в культурных, научных и образовательных обменах, с развитием новых отраслей туристической индустрии, активно позиционирующих город (гастрономический, экологический, релаксационный, спортивный и др.) [4; 8; 13; 14];

– создание «мягких» сетевых коммуникативных городских структур, способных к пластической быстрой трансформации (город-трансформер, город-джаз, город-software).

– культивирование мест *исторической памяти* (дискурс памяти, или исторической политики).

Представленный список может быть продолжен и дополнен другими важными чертами дискурсивной городской креативности, а именно, развитыми массовыми коммуникативными практиками в области шоу-индустрии и шоу-политики [6, с. 36–39].

Остановимся на некоторых понятиях, характеризующих дискурс креативного города, и ставших предметом современных гуманитарных исследований. Таковыми являются: «творческие индустрии», «software», «политика памяти».

Концепция творческих индустрий впервые возникла в Великобритании. В 1998 г. в стране лейбористское правительство создало специальную группу по решению задач творческих индустрий (creative industrial task force), которая разработала специальный документ для департамента культуры, медиа и спорта под названием «Картирование креативных индустрий» («Creative Industries Mapping Document»). В этом документе было сформулировано определение понятия «Творческие индустрии», которое стало каноническим: Творческие индустрии – это деятельность, в основе которой лежит индивидуальное

творческое начало, навык или талант и которая несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности.

В документе были обозначены 13 коммуникативных компонентов творческих индустрий, которые в своем сочетании образуют особый креативный дискурс. К ним относятся: реклама; художественный и антикварный рынок; архитектура; ремесла и прикладное искусство; дизайн; мода; кино и видео; музыка; исполнительские искусства (драматический и музыкальный театр, современный танец, различные шоу); литература и книгоиздание; программное обеспечение; мультимедиа и интерактивные компьютерные программы; телевидение и радио.

Развитие творческих индустрий тесно связывалось с политикой в области продвижения национальной культуры и развитием экономики страны. Стратегии развития творческих индустрий легли в основу многочисленных программ регионального и городского развития. Составлялись карты исторических, культурных, человеческих и иных ресурсов территорий для оценки потенциала творческих секторов. Новая политика департамента культуры, медиа и спорта привела к увеличению государственного финансирования культуры. В Великобритании регулярно проходят международные конференции по креативным индустриям под разными названиями («Творческие кластеры», «Творческая экономика» и др.), на которых рассматривается опыт развития данных индустрий не только в Европе и в США, но и в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии.

Развитие творческих индустрий во многих странах сегодня рассматривается на уровне государственной политики. В Китае, к примеру, начиная с 2000 г., программа развития творческих индустрий вписана в национальную концепцию развития инновационной системы страны. Данная концепция подчеркивает важность увеличения роли знаний и творчества, новых технологий и человеческого капитала.

В Китае творческие индустрии сконцентрированы в больших городах. Среди больших творческих кластеров – «Фабрика 798» в Пекине,

«Лофт 49» в Гуачжоу», «Tianzifang» – в Шанхае. В 2006 г. в Шанхае было уже 30 кластеров, в Пекине сегодня насчитывается 18 кластеров. Шанхай и Пекин борются за звание столицы творческих индустрий Китая.

Software как характеристика дискурса креативного города предполагает, что коммуникативная среда города должна отвечать требованиям мобильности, гибкости, разнообразности и индивидуализации (сингулярности) современных человеческих контактов. Р. Флорида пишет, что обществу нового типа свойственны более разнообразные дружеские контакты, индивидуализация занятий и ослабление коллективных связей. Люди хотят разнообразия, низких входных барьеров и возможности быть собой.

Согласно Лэндри, эффективную работу всех городских структур и субъектов обеспечивает не иерархическое, а сетевое взаимодействие, не жесткие, а «мягкие» структуры. Креативный городской дискурс – это подвижная, гибкая, «мягкая» коммуникативная среда, делающая жизнь многообразной и мультикультурной.

Политика памяти, если говорить кратко, представляет собой продуманную систему форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа.

Понятие «политика памяти» впервые было введено в оборот во Франции для обозначения тесной взаимосвязи политики и способов интерпретаций прошлого. Главным теоретиком концепта политики памяти является Пьер Нора – автор многотомного исследования и бестселлера «Места памяти» (1984–1992).

Наибольшую политико-историческую смысловую нагрузку в пространстве классического города несут учреждения власти (ратуши, мэрии, правительственные здания), памятники знаковым фигурам, расположенные, как правило, в центральной части города, улицы и площади, остановки городского транспорта, станции метро, названные в честь почитаемых лиц или исторических событий.

Любое перемещение памятника из центра в периферийную зону или переименование

городских мест означает смену дискурсной доминанты в политике властей и в общественном сознании граждан. Так произошло с многочисленными памятниками Ленину и другим советским деятелям, которые в постсоветские годы перекочевали из городских центров в «музейные гетто» или вовсе были отправлены на свалку. Нередко противостояние разных политических дискурсов выливается в борьбу с памятниками (последний яркий пример – выливание плохой смываемой краски на памятник Б.Н. Ельцину в Екатеринбурге). Конфликты дискурсов в пространстве городских сред превращаются в символическое противостояние площадей (площадь Сахарова vs Поклонная гора). Традиционные места сбора политических сил переинтерпретируются, обретают новые смыслы (к примеру, памятник Абаю в Москве превратился в эпицентр проведения оппозиционной акции).

В связи с тем, что политическая жизнь любого города подразумевает периодическое обострение дискурсного противостояния, встает вопрос о способах совмещения концепта креативного города с реальной перспективой развития конфликтного дискурса. Скорее всего, коммуникативно-семиотические инструменты, формирующие креативную городскую среду, будут направлены на предотвращение жестких практик политических противостояний в виде столкновений оппозиции с полицией и актами насилия. В процесс разрешения конфликтов лидерами политических сил и политическими технологами будут запущены механизмы soft power, основанные на проведении широких гражданских дискуссий, на методах переговорного процесса, характерных для делиберативной политики.

1. Зеленцова Е., Гладких Н. Творческие индустрии: теории и практики. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2010.

2. Казакевич А. Символика места: забывание и фрагментация «советского» в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011, № 6 [080].

3. Лэндри Ч. Креативный город / Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2005.

4. Най Дж. «Мягкая сила» и американско-европейские отношения // Свободная мысль – XXI, 2004, № 10.

5. Панченко О. Город на игле // URL: <http://www.Contextclub.org/events/y2011/ml/n54>.
6. Русакова О.Ф. Шоу-политика: особенности дискурса // Социум и власть. 2009. № 4.
7. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. – 2-е изд. испр. и доп. – Екатеринбург: УрО РАН, ИД «Ди́скурс-Пи», 2011.
8. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (Soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Выпуск 10. Екатеринбург, 2010.
9. Трубина Е.Г. Город в теории: опыт осмысления пространства / Елена Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
10. Философия творчества, дискурс креативности, современные креативные практики / Материалы научной конференции. – Екатеринбург: Издательство Уральского гуманитарного института, 2010.
11. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2005.
12. Baerenboldt et al. Performing Tourist Places. Aldershot: Ashgate, 2004.
13. Joel Wuthnow. The Concept of Soft Power in China's Strategic Discourse // Issues and Studies. 2008. Vol. 44. № 2. Pp. 1–28 и др.
14. Hunter A. Soft power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. Vol. 2, 2009. Pp. 373–398.
1. Zelencova E., Gladkix N. Tvorcheskie industrii: teorii i praktiki. – М.: Izdatel'skij dom «Klassika-XXI», 2010.
2. Kazakevich A. Simvolika mesta: zabyvanie i fragmentaciya «sovetskogo» v landshafte Minska // Neprikosnovennyj zapas. Debyty o politike i kul'ture. 2011, № 6 [080].
3. Le'ndri Ch. Kreativnyj gorod / Per. s angl. – М.: Izdatel'skij dom «Klassika-XXI», 2005.
4. Naj Dzh. «Myagkaya sila» i amerikano-evropejskie otnosheniya // Svobodnaya mysl' – XXI, 2004, № 10.
5. Panchenko O. Gorod na igle // URL: <http://www.Contextclub.org/events/y2011/ml/n54>.
6. Rusakova O.F. Shou-politika: osobennosti diskursa // Socium i vlast'. 2009. № 4.
7. Rusakova O.F., Rusakov V.M. PR-diskurs: Teoretiko-metodologicheskij analiz. – 2-e izd. ispr. i dop. – Ekaterinburg: UrO RAN, ID «Diskurs-Pi», 2011.
8. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj» sily (Soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Vypusk 10. Ekaterinburg, 2010.
9. Trubina E.G. Gorod v teorii: opyt osmysleniya prostranstva / Elena Trubina. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
10. Filosofiya tvorchestva, diskurs kreativnosti, sovremennye kreativnye praktiki / Materialy nauchnoj konferencii. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gumanitarnogo instituta, 2010.
11. Florida R. Kreativnyj klass: lyudi, kotorye menyayut budushhee / Per. s angl. – М.: Izdatel'skij dom «Klassika-XXI», 2005.
12. Baerenboldt et al. Performing Tourist Places. Aldershot: Ashgate, 2004.
13. Joel Wuthnow. The Concept of Soft Power in China's Strategic Discourse // Issues and Studies. 2008. Vol. 44. № 2. Pp. 1–28 и др.
14. Hunter A. Soft power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. Vol. 2, 2009. Pp. 373–398.

UDC 008 + 316

THE CONCEPT AND THE STRATEGY OF THE CREATIVE CITY

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Science,
Head of philosophy division,
Doctor of political sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

The article regards the concepts and strategies of the creative city, analysis discursive features of the creative city. The author treats the creative city as city-transformer, city-performance.

Key words:

creative city, creative industries, mobile space, performance, policy of memory.

УДК 327.2

ДИСКУРС АДАПТИВНОСТИ В ИСЛАМЕ: ОТ ИСЛАМИЗАЦИИ К РЕВАНШУ

Исаков Александр Сергеевич,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется феномен адаптивности в исламе через призму дискурс-анализа.

Ключевые слова:

ислам, исламизация, дискурс, адаптивность, евроинтеграция, глобализация.

Мобильность, адаптивность, успех. Интеграция, достижения, мягкая сила. Все эти термины характеризуют вызов, брошенный каждому государству глобализацией. Современность – мир после «конца истории», общество победившего либерализма, требует забыть о суверенитете и сосредоточить политику на цели достижения высокого уровня жизни, создания «welfare state». Выбор инструментария также ограничен – создания такой модели адаптивности, которая позволит государству интегрироваться в глобальный мир на наилучших для него условиях. Такая возможность остается только у тех обществ, чья структура максимально подвижна, а сам социум характеризуется высокой степенью мобильности и динамизма.

Универсалии западной политической науки полагают присущую аксиомичность необходимости в изменениях, подчеркивая актуальность политического развития согласно институциям неоллиберализма, возведенным в ценностный канон. При этом понимание исторического развития как универсального и естественного процесса адаптации к вызовам глобализующегося мира не является присущим для восточной, в особенности – исламской, политики. Исламские общества, характеризующиеся высоким уровнем собственной автаркии, крайне неохотно

внедряют какие-либо изменения, особенно продиктованные гегемонизацией западного образа жизни.

Обретение Европой высокой степени мобильности и адаптивности исторически связано с необходимостью реакции на формирование новых рынков, появившихся с открытием нового света. В последствие, структурные изменения в экономике выразились в индустриализации, преобразившей конъюнктуру западного мира. Современные процессы европейской адаптивности самоактуализируются за счет евроинтеграции, как залога успешного совместного экономического развития.

Возникновение потребности в системном изменении политического пространства на востоке возникает только как результат крупных политических катастроф [8]. Одним из следствий великой схизмы в христианстве стала консолидация христиан в Европе и формирование особой религиозной идентичности на основе католицизма. Экстремумом данных процессов стала особо агрессивная форма проявления веры – крестовые походы. Историческое значение данных событий соизмеримо пространству Востока основополагающе в том плане, что силами крестоносцев был окончен так называемый «золотой век» классического ислама.

Конкретные политические последствия крестоносных войн для стран исламского востока заключались в возникновении раздробленности и потерей религиозного единства. Это вызвало экономические трудности, привело к обнищанию населения и способствовало деградации восточного общества. В религиозном контексте, это означало потерю возможности уммы жить исходя из идеалов собственной религиозной идентичности.

В такой ситуации актуализируется необходимость адаптации к условиям изменяющегося мира. Этому способствуют и побочные социально-политические процессы в умме, как нивелирование инертности уммы под влиянием социальных потрясений, ослабление общинного конформизма, появление инакомыслия [3, с. 21]. Данные процессы послужили истоком возникновения идей о необходимости конкретных политических изменений, в практической плоскости ассоциированных с религией. Подобная ассоциация становится возможной благодаря тому, что в рамках исламской политики дискурс-пространство традиционно характеризуется радикальными взглядами на изменения и религиозный модернизм как их систематизацию. Радикальный подход к религиозному модернизму предполагает априорное отношение к религии как к источнику изменений, имеющих прогрессивную презумпцию [2]. Таким образом, в основе адаптивности лежит религиозная санкция, позволяющая новации приобретать форму традиции.

Кумуляция подобных религиозных смыслов, осуществляющих социальный ревизионизм, зиждется в идеологической плоскости. Поскольку исламская восточная политика традиционно существует в состоянии ценностной автаркии, к ней не до конца применимы западные научные подходы к определению идеологии. Термин, которым может быть выражена аутентично исламская, религиозная идеология, – исламизм или идеология исламизма. Это понятие необходимо отделять от распространенных понятий исламского фундаментализма, предполагающего ультраконсервативное восприятие мира и усиление автаркии мусульманских государств. Также исламизм не является эквивалентом, принятому в западной политической науке, термину исламофашизм. В частности, американский политический эконо-

мист и футуролог Френсис Фукуяма делал акцент на том, что исламофашизм характеризует столкновение западной и мусульманской цивилизации, и со стороны последней принимает характер борьбы против современности [7, с. 107].

Современный исламизм представляется синкретичной идеологией, деконструкция смыслов которой придает характер адаптивности исламским политиям. В основе этой адаптивности как раз императивы изменения жизни общины, сопровождаемые сменой моделей религиозного поведения и переосмыслением догматики. Становление исламизма связано с салафизмом, как основой выражения фундаментализма веры в стезе необходимости адаптации. Салафиты первыми заложили традицию понимания необходимости институциональных изменений в обществе, основанных на религиозном догматизме. «Они [салафиты] требуют вернуться к Корану и Сунне, как единственной основе шариата и практикуют иджтихад, т. е. более и менее свободное суждение по богословски-юридическим вопросам, который практиковался в эпоху раннего ислама [5, с. 52]. Основным фундаментом исламизма выступает религиозно-мотивированная возможность человека переосмыслить свою роль в умме и современном мире. Догматически это оформляется через иджтихад – возможность самостоятельного суждения о религиозном обосновании тех или иных явлений. В связи с этим, стоит четко разделять исламизм как ценностное обоснование политических изменений и исламизм как обоснование деятельности реваншистских организаций.

Исламизм, как политический феномен, имеет прагматическое историческое значение адаптации исламских политий к условиям современности. Он противопоставляется внешнему модернистскому плюрализму в виде исторической кооперации западной и мусульманской цивилизаций в процессе обретения исламскими обществами своей конкурентоспособности. Актуализация данного подхода произошла под влиянием рефлексии событий так называемой «Арабской весны», включающей в себя череду арабских революций и массовых социальных волнений в мусульманском мире в целом. Ключевую роль в этих событиях сыграли именно представители интеллигенции, сформировавшие свое мировоззрение в ходе обучения в Европе.

Непосредственно обращаясь к пониманию исламизма как фактора изменений, необходимо отметить, что его последователи не имеют институционального оформления, однако, ставят перед собой политические цели, связанные с адаптацией восточных, в большей степени религиозных, традиций условиям современного мира. Исламизм в целом определяет политическую активность, производимую под эгидой религии, сферой непосредственной реализации которой становится идеологическое поле существующих политических режимов мусульманских стран [4]. Сама деятельность исходит из необходимости изменения общественных отношений и направлена на воплощение чисто светских, а не религиозных начинаний.

Как уже упоминалось, практическое решение светских проблем и поддержка способов их решения со стороны общества в теоцентричном пространстве исламской политики возможно только через апелляцию к религиозным нормам. Исламизм опирается на религиозную догматику через понятие «да'ва исламий» или исламского призыва. Закономерно говорить о том, что именно это – «главный инструмент разъяснения рядовым мусульманам политических и социальных установок, а также средство мобилизации» [5, с. 55].

Историческое оформление исламизма происходит в средние века. Его идейное рождение связано с именем сирийского улема Таки ад-Дина Ибн Таймийи, на сегодняшний день часто называемого «отцом исламской революции». Именно им было сформулировано само понимание священной войны, или джихада, как способа и необходимости достижения традиционных политических целей. Изначально исламизм был способом сохранения исламской идентичности и соответственного уклада жизни. Идейным наследником Таймийи стал Мухаммад Ибн Абд аль-Ваххаб, успешно пропагандировавший единство религии и политики. В его понимании политика становилась инструментом религиозной мысли, а проповедь – орудием борьбы за государственную консолидацию [5].

Совокупность взглядов аль-Ваххаба положили первую в исламе традицию радикального религиозного модернизма. Наследники первых исламистских идей объединились в движение ваххабитов, первоначально распространившееся

в Египте, Сирии, Ираке и Аравийском полуострове, а на сегодняшний день – по всему миру, своими действиями формируя своеобразный дискурс «исламской угрозы».

Взгляды на исламизм, как фактор сдерживания политической и культурной интервенции, которые фигурировали у улема Таймийи, а затем у аль-Ваххаба, являются актуальными только в кризисные моменты. Изначально, само учение ваххабизма, как практическая институционализация исламизма, было призвано решить практические геополитические задачи – объединить Аравию, сплотить умму и противодействовать западной интервенции. На сегодняшний день к такому пониманию исламизма, как политической борьбе, прибегают различные радикальные террористические экстремистские и фундаменталистские группировки, вроде Аль-Каеда или Хизбут-ут-Тахрир. По их мнению, реакционная борьба является способом исторического реванша, ослабляющего запад и возвышающего восток. Обосновывается это тем, что «если одна религия выбирает путь агрессии, все остальные получают право на самозащиту» [1, с. 31]. Данная деятельность все равно описывает политические изменения, для достижения которых используется неприемлемый инструментарий.

В качестве мировоззрения граждан, исламизм как идеология является катализатором адаптивности, так как детерминирует у населения потребность в конкретных социальных изменениях. Исламизм обеспечивает возможность выхода исламской цивилизации из кризисного состояния, путем приобретения конкурентоспособности. Последнее происходит посредством религиозно-политической инициативы, которая осуществляет преобразование всего общества.

Роль исламизма на сегодняшний день не ограничивается противостоянием всему, что не соответствует традиционным нормам ислама. Приверженцы исламизма, в том числе и радикальные ваххабиты, выступают политической силой охраняющей религию в целом. Понимание сохранения религии может варьироваться от изменений в контексте исламского призыва, до ультраконсервативного террора, однако, заставляющего его приверженцев адаптироваться под реалии современного мира. Именно поэтому в научном сообществе их принято рассматривать не с праг-

матических позиций, а как борцов за автаркию исламской политики в рамках глобализованного мира [6].

Ключевым моментом в понимании общей логики и философии исламизма является сущность его реализации в идеологической плоскости. Основа идеологической базы, сформированная на конкретных идеях, восходит к XVIII веку. Для мусульман этот период является началом окончательного упадка исламского мира, на протяжении которого обуславливаются его отношения с другими цивилизациями. В большей степени, речь идет о реализации дихотомии Запад-Восток, в процессе которой Запад обретает благополучие и власть, а Восток находится в состоянии перманентной деградации.

Подобное понимание постепенно формирует представление об ущербности отказа от адаптивности как таковой. Это доказывает позиция современного исламского духовенства, актуализирующего потребность в изменениях. Основой дифференциации потребности выступают религиозные различия. Общая стратификация осуществляется на суннизм и шиизм; кроме того ислам дифференцирован на правовые школы, мазхабы, придающие разный смысл возможности изменений. Основой для данных различий служит исторический контекст.

Суннизм допускает весьма умеренное использование религии как инструмента адаптации. В виду этого, в суннитских государствах религиозный модернизм имеет весьма вариативный характер. Наиболее часто изменения носят политически мотивированный характер, а реформы преподносятся как способ преодоления кризиса в обществе, возникшего в ходе еврохристианской экспансии. Эти тенденции одинаково прослеживаются как в умеренном ханафизме – в виде проектов модернизации Турции, Кавказа, Средней Азии; так и в консервативном ханбализме – изменения в Саудовской Аравии, целью которых служит диверсификация экономики.

Соответственно представлениям о неэффективной социально-экономической политике, как залога крушения господства исламской цивилизации, процессу адаптации придается практическое значение – избавиться от тех рудиментарных элементов общественных отношений, которые не отвечают требованиям глобализации. В подоб-

ном контексте, наиболее показательным опытом попытки адаптации суннитского государства к современности является Турция. Основателем государства – Мустафой Кемалем Ататюрком была создана уникальная система сдержек и противовесов, в основе которой – позиция военных как индикатор роли религии в жизни социума.

В реальности, современная Турция осуществила национализацию ислама, сделав исламизм частью государственной идеологии, а духовенство – государственными служащими. Также в логике адаптации выстраивался курс национализма как антитезы космополитическому характеру традиционной исламской политики. На современном этапе возрастание роли исламизма трактуется с позиции строительства социального государства, залогом справедливости и нравственности которого выступает религия. Такой подход также позволяет стране претендовать на участие в процессах евроинтеграции. Кроме того, определенные достижения этой страны в адаптации собственного общества служат ресурсами мягкой силы. Это позволяет расценивать исторический опыт турецкого государства как некую идеальную модель для политий, преобразованных «Арабской весной».

Шиитский ислам демонстрирует иные подходы к адаптации политики. Догматика данного течения содержит сложную систему легитимации политической власти, основанной на обязательной преемственности руководителей государства к линии праведных имамов, истинных наследников пророка Мухаммеда. Это значит, что актуальной остается проблема практической реализации изменений, в виду сложности наложения на них религиозной санкции. Выход кроется в исламском принципе иджтихада – придания современных смыслов религиозному обоснованию политических процессов. Это делает исламское духовенство основой адаптивности, так как они получают религиозное право выражения интересов общины.

Институционально власть шиитов закреплена и реализована только в Иране. Персидский опыт адаптации своей политики берет начало в первой половине XX века, когда династия Пахлеви стала копировать западные клише преобразований в обществе, а потом и кемалистский опыт Турции. Несмотря на определенные экономические успехи данных начинаний, их совокупным итогом стал конфликт между шиитским исламом и ша-

хиншахом [9, p. 21]. Любые инновации в стране были обречены на противодействие со стороны духовенства и народных масс, нивелирующее даже позитивные итоги новаций. Секуляристские тенденции развития противоречили особенностям легитимации власти в шиитском государстве. Учитывая тот факт, что линия имамов угасла, для придания легитимности нахождению у власти представителей духовенства была разработана концепция «сокрытого имама». Согласно этой концепции, до появления мехди, то есть проявления праведного имама, управление государством передается в руки исламского духовенства, а лидер муджтахидов берет на себя функцию опеки над государством. Подобная концепция обоснования власти высшего духовного лица появилась с помощью переосмысления исламского принципа «веляят-е факих» и была закреплена в конституции.

В целом, дискурс адаптивности исламской политики призван разрешить проблемы негативных социально-экономических проявлений, вызванных глобализацией. Основу адаптивности составляет исламизм, как концентрированное выражение религиозных ценностей синкретично измененных политической действительностью. Современный исламизм не предполагает идейной реакционной борьбы, но кумулирует идею реванша. Реванша в лучших правилах неолиберализма – путем победы в гонке благополучия.

1. Ахмад Х.М. Ислам отвечает на вопросы современности – СПб, 2004.
2. Ваторопин А.С. Религиозный модернизм и постмодернизм // Социологические исследования: № 11, – 2001.
3. Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования – М, 2005.
4. Малашенко А. Исламизм на все времена // Свободная мысль: № 12, – 2004.
5. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. – М, 2006.
6. Мамедова Н. Иранская модель модернизации // Мировое и Национальное Хозяйство: № 1 (4), – 2008.
7. Фукуяма Ф. Америка на распутье – М., 2008.
8. Islam and Modernity // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
9. Nader A. Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica, 2011.

1. Axmad X.M. Islam otvechaet na voprosy sovremennosti – SPb, 2004.
2. Vatoropin A. S. Religioznyj modernizm i postmodernizm // Sociologicheskie issledovaniya: № 11, – 2001.
3. Levin Z.I. Reforma v islame. Byt' ili ne byt'?: opyt sistemnogo i sociokul'turnogo issledovaniya – M, 2005.
4. Malashenko A. Islamizm na vse vremena // Svobodnaya mysl': № 12, – 2004.
5. Malashenko A. Islamskaya al'ternativa i islamskij projekt. – M, 2006.
6. Mamedova N. Iranskaya model' modernizacii // Mirovoe i Nacional'noe Hozyajstvo: № 1 (4), – 2008.
7. Fukuyama F. Amerika na rasput'e – M., 2008.
8. Islam and Modernity // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
9. Nader A. Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica, 2011.

UDC 327.2

THE DISCOURSE OF ADAPTABILITY IN ISLAM: FROM ISLAMIZATION FOR REVENGE

Isakov Aleksandr Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Science,
graduate student,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

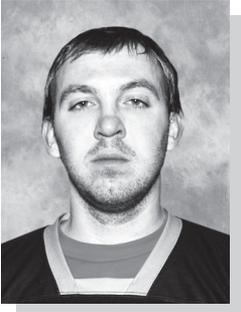
The article investigates the phenomenon of adaptability in Islam through the prism of discourse-analysis.

Key words:

Islam, islamization, discourse, adaptability, eurointegration, globalization.

УДК 323

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Хмелинин Алексей Алексеевич,

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н.Ельцина,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: xalexan@inbox.ru

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
зав. отделом философии, доктор политических наук,
профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

В статье современный неолиберализм рассматривается как мобильная политическая доктрина и адаптивная стратегия. Авторы выдвигают гипотезу о гибридном характере идеологии современного российского неолиберализма.

Ключевые слова:

Неолиберализм, идеологическая мобильность, стратегия мобильности, гибридность, социальная справедливость.

Современный неолиберализм – комплексное идейно-политическое явление. Это и идеология как концептуальный базис политико-философской доктрины, и политическая стратегия, и непосредственная политическая практика. Одним из направлений современных исследований является критическое восприятие неолиберальной политической доктрины, последствий неолиберальных реформ.

Российское общество за последние двадцать лет находится в состоянии перманентного

реформирования, в основе которого лежат политические идеи и стратегии неолиберального толка. Данный процесс неоднократно подвергался критическому анализу со стороны большой группы ученых. Уже к середине 90-х годов среди отечественных и западных специалистов стало утверждаться мнение о провале неолиберальных реформ в России. Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц отмечал: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождае-

мый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [2, с. 45].

По мнению С. Кара-Мурзы, сегодня в России налицо кризис всего «неолиберального капитализма», который зародился в финансовой области в реальном секторе экономики и перебрался на социальную сферу. И он обязательно затрагивает политическую систему, структуру ценностей, идеологию [1].

По мере своей адаптации к российской политической жизни неолиберальная доктрина претерпевает определенные изменения, вбирая в себя политико-стратегические установки иных идеологий. В итоге, российский неолиберализм стал превращаться в некое гибридное образование, представляющее собой оригинальный политический проект, в основе которого, на наш взгляд, лежит стратегия идеологической мобильности.

Если говорить кратко, стратегия неолиберальной идеологической мобильности состоит в том, чтобы в зависимости от политической конъюнктуры, прежде всего, связанной с повышением гражданской активности, оснащать свою риторику дискурсом демократического и социетального характера, то есть категориями социальной ответственности власти и бизнеса, сопротивления коррупции, идеями социальной справедливости и расширения политических и гражданских прав.

Стратегия неолиберализма, будучи мобильной политической доктриной, умело приспособляющейся к актуальным политическим трендам, не отказываясь при этом от своих идейных корней, сформулированных когда-то в виде международной концептуальной модели под названием «Вашингтонский консенсус».

Неолиберальная модель в виде Вашингтонского консенсуса основана на принципах вмешательства «развитых» государств в экономические и политические процессы, протекающие в государствах «неразвитых», помогая им завершить переход к новому этапу глобального мирового развития. Данная модель также называется моделью рыночного фундаментализма.

Изначальной целью Вашингтонского консенсуса как международного проекта политико-экономических реформ была попытка создания динамично развивающегося частного сектора и стимулирования экономического роста. Выражение «Вашингтонский консенсус» вскоре после своего появления приобрело политический оттенок – для одних как символ победы в «холодной войне», для других – как навязываемая США политика «минималистского государства» и монетаризма.

Вашингтонский консенсус, будучи инструментом экономических реформ, по сути, стал мощным катализатором политической мобильности, направленной в сторону интенсивного (скоростного) развития рыночных механизмов. Именно на его базисе такой политический агент как США, с различной степенью успешности, имел возможность реализовать в уже суверенных республиках унифицированную стратегию «шоковой терапии».

Стратегия неолиберальной мобильности или «стратегия перехода» к рыночным отношениям включает три направления политики: стабилизация, либерализация и приватизация государственных предприятий. Политика стабилизации в России на практике привела к выстраиванию «вертикали власти» и господству в экономике корпораций «естественных» монополий. Политика либерализации и приватизации обернулась коммерциализацией здравоохранения, образования, культуры и науки.

В основе неолиберальной концепции мобильности лежит идея эффективного реформистского менеджмента, непосредственно направленного на максимальное освобождение активов предприятий от некоммерческого балласта. Данная концепция получила свою практическую реализацию в недавно проведенной в режиме блицкрига реформе Российской академии наук. Та скорость, с которой в Государственную Думу вносился правительственный проект данной реформы, а также вопиющий факт полного игнорирования позиции научной общественности, которая резко критически отнеслась к реформе РАН, являются яркими свидетельствами последовательного

проведения в жизнь неолиберального проекта перестройки российской действительности.

На очереди – неолиберальное реформирование российской системы пенсионного обеспечения и системы налогообложения собственности. Уже сегодня граждане начинают испытывать давление предъявляемых к ним требований *мобильной оборотистости* в сфере финансового обеспечения собственной старости и сокращения рисков в области уплаты налогов на недвижимость.

Вместе с тем, несмотря на негативные эффекты экономической и социальной политики неолиберальной мобильности, дискурс стабильности, распространяемый неолиберальной риторикой, продолжает оказывать существенное воздействие на массовое общественное сознание. Находясь под влиянием государственно-ангажированной медийно-сконструированной модели экономического благополучия нынешней российской жизни, большинство граждан страны продолжают демонстрировать свое доверие неолиберальной элите, то есть, ставленникам Кремля, голосуя за них в ходе избирательных кампаний.

Немаловажную роль в плане легитимизации неолиберального политического курса в условиях России играет такой аспект мобильности неолиберального дискурса как прямое заимствование из идеологической базы социал-демократии риторике социальной справедливости. В выступлениях президента России, членов российского кабинета министров, депутатов от правящей партии, нынешнего председателя Счетной палаты тема социальной справедливости звучит постоянно. В этой связи можно сделать вывод о *гибридной природе российского неолиберализма*, соединяющего в себе политику рыночного фундаментализма с риторикой социал-демократизма.

Однако, не смотря на заявления об отстаивании социальной справедливости, движение в направлении коммерциализации социальной сферы и поддержки рыночной монополии крупных корпораций продолжает набирать свои обороты. Это закономерно приводит к концентрации капитала в руках небольшой группы

лиц, с одной стороны, и размыванию среднего класса, – с другой. Как следствие – увеличение разрыва в доходах между наиболее обеспеченными и наименее обеспеченными гражданами страны. В настоящее время в большинстве регионов России данный разрыв превышает соотношение 1:30, что превышает нормативные рамки социального государства.

Важно отметить, что вопрос о социальном благополучии российского общества как прямом следствии проводимого правительственными кругами неолиберального курса, не получил широкого протестного отклика среди граждан страны. Вопрос о неолиберальной подоплеке социальной несправедливости был на практике подменен вопросом о мигрантах и выходцах с Кавказа, которые не уважают местных порядков.

Общественности была предложена такая повестка дня, которая, по сути, маскировала причастность неолиберализма к усилению миграционной мобильности, связанной с перераспределением доходов в пользу монополистов на рынке труда и порождающей коррумпированные схемы в области миграционной политики.

В результате анализа мобильного характера российского неолиберализма, выраженного в способности к адаптации к конкретным политическим реалиям и тенденциям времени, мы приходим к выводу о том, что в настоящее время наблюдается активизация процесса включения в неолиберальный дискурс не только социал-демократической риторике, но также риторике державного толка. Об этом свидетельствуют и реанимированные поиски национальной идеи для России, и проекты концептуально-единого учебника по истории страны для средней школы, и создание научных рот, и политика формирования патриотизма средствами культуры, в особенности – кинематографа и телевизионных сериалов.

Подводя некоторые итоги сказанному, отметим, что одной из базовых черт российской модели неолиберальной мобильности является ее внутренняя противоречивость. С одной стороны, проводимые в рамках неолибераль-

ной стратегии реформы, были направлены на разрешение назревших проблем перехода к рыночным отношениям (монетизация льгот, реформа ЖКХ, пенсионная и бюджетная реформы), с другой стороны – реализация всех направлений реформирования привела к перераспределению собственности в руках олигархических групп, к ускоренной и поспешной коммерциализации социальной сферы, и в итоге – к резкому росту социального неравенства, маскируемого социал-демократической и державной риторикой.

1. Батчиков С., Кара-Мурза С. 8-я Международная конференция «Глобализация и развитие» в Гаване (Куба) [Электронный ресурс] / С. Братчиков, С. Кара-Мурза. URL: <http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html>.

2. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. [Текст] / Дж. Стиглиц. М.: Мысль. 2003.

1. Batchikov S., Kara-Murza S. 8-ya Mezhdunarodnaya konferenciya «Globalizaciya i razvitie» v Gavane (Kuba) [E'lektronnyj resurs] / S. Bratchikov, S. Kara-Murza. URL: <http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html>.

2. Stiglic Dzh. Globalizaciya: trevozhnye tendencii. [Tekst] / Dzh. Stiglic. M.: Mysl'. 2003.

UDC 323

IDEOLOGICAL MOBILITY OF CONTEMPORARY NEOLIBERALISM: METHODOLOGICAL ANALYSIS

Khmelinin Aleksey Alekseevich,

Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
graduate student,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Science,
Head of philosophy division,
Doctor of political sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

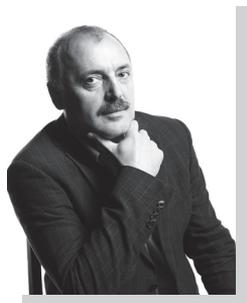
The article examines the contemporary neoliberalism as a mobile political doctrine and adoptive strategy. The authors put forth the conjecture about the hybrid nature of the ideology of Russian contemporary neoliberalism.

Key words:

Neoliberalism, ideological mobility, the strategy of mobility, hybridity, social justice.

УДК 303.4

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Саранчин Юрий Константинович,

Уральский государственный экономический университет,
Зав. кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: uks50@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается социокультурная реальность постсоветского общества как открытая система, которая раскрывается при помощи основных понятий синергетики; исследуется роль СМИ в формировании новых смыслов и культурных кодов.

Ключевые слова:

синергетика, бифуркация, флуктуация, аттракторы, самоорганизация социокультурной системы, гламур, антигламур.

В подвижной, развивающейся и многосложной системе социокультурной реальности постоянно происходит взаимодействие и взаимовлияние подсистем, автономных образований и индивидов – носителей социокультурных модификаций. Этот феномен социокультурных трансформаций можно объяснить с помощью синергетики, которая в настоящее время заняла место актуальной методологии в социально-гуманитарных науках. Принципы синергетики в качестве методологии используются в исторических науках (А. А. Штырбул, В. Б. Шепелева), философских науках (Г. И. Рузавин, А. Д. Урсул, С. В. Костарев), естественных науках (И. Р. Пригожин, Г. Хакен, С. П. Курдюмов).

Синергетические методы и категории («бифуркация», «аттрактор», «флуктуации») вошли в научный оборот историков, философов и культурологов и способствуют исследованию и описанию социокультурной реальности как единой

самоорганизующейся системы. Самоорганизация социокультурной реальности представляет собой процесс упорядочивания системы за счет внутренних факторов на фоне или в контексте воздействия на социокультурное пространство и общественное сознание внешней среды. Ядро – это внутренняя, центральная часть всей системы социокультурной реальности. В научной литературе ядром социокультурной реальности часто называют культурным кодом, включающим некоторые генетические пары или образования, характерные для конкретного культурно-исторического типа: традиции и поведенческие стереотипы; историческое и общественное сознание; эстетические каноны и этические нормы; религиозные и духовно-нравственные ценности; правовое и обыденное сознание и т. д.

Культурный код как система фундаментальных ценностей по-разному описывается в научных трудах: как парадигма, как способ мышления

эпохи, как ядро системы общества, как культурное ядро [1, 2, 3, 4]. При этом ядром культурного кода является определенная ценность, основополагающий принцип, который детерминирует другие явления и принципы. Система социокультурной реальности, состоящая из нескольких подсистем, множества разнонаправленных и различных частиц, тем не менее, едина и объединяет все подсистемы и частицы под действием определенного принципа, определяющего аксиологические основания жизнедеятельности общества. «*Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность*» [5, с. 429].

Согласно классификации интегральных культурных сверхсистем Питирима Сорокина, существуют универсальные и всеобщие ценности для обществ различных культурно-исторических типов: идеациональный тип общества (фундаментальный принцип – единение, служение Богу, служение другим), чувственный тип общества (чувственная этика направлена на услаждение своих чувств, и это есть принцип эгоизма, максимального наслаждения ценностями материального мира) и идеалистический тип общества (синтез двух основных принципов и воплощение их в различных идеалах и ценностях общества). Динамика социокультурной реальности как системы происходит между двумя основополагающими принципами, идеальные типы которых были приведены выше. От сочетания этих двух сил зависят все остальные ценности, сферы культуры, социальные институты (семья, государство, религия и прочие).

Аттракторы как точки бифуркации внутри потоков негативных и позитивных очевидностей возникают в информационном пространстве на пересечении информационных потоков средств массовой информации (СМИ) одного из видов очевидностей, когда количество очевидностей того или другого характера переходит в определенное качество – социокультурный тренд определенной эпохи, включая культуру массового общества новейшей истории. В част-

ности, М.М. Бахтин пишет о «переворачивании» верха и низа в формах карнавальной, смеховой культуры.

Подобным образом средствами культуры через СМИ в 1990-е гг. осмеивалась «совковая» культура и возвышалась потребительская массовая культура (СМИ возрождают мещанскую, мелкобуржуазную массовую культуру), что приносит финансовые доходы олигархическим элитам, позволяющие им пользоваться плодами культурного высокого культурного наследия: замки, антиквариат для обихода, образование для детей, здоровое питание и образ жизни, др. Идеиные установки современного курса российских реформ при всей их кажущейся эклектичности в целом укладываются в рамки идеологии, определяемой как «либеральный фундаментализм». Она представлена в формуле: «Никакой идеологии, рынок все расставит по своим местам и приведет Россию к процветанию». Если вторая часть этой формулы провозглашает абсолютизацию рыночной идеологии, то первая подчеркивает, что никакой идеологии быть не должно. Отрицается не только коммунистическая идеология, но и любая другая нерыночная, в том числе христианская. Если Христос призывал изгнать торговцев из храма, то нынешнее чиновничество склонно превращать храм в рынок. На деле это означает утверждение идеологии главенства частного материального интереса над любыми прочими интересами.

При этом единство частиц системы предполагает внутреннюю сопротивляемость внешним воздействиям, определенную упругость, или, выражаясь языком синергетики, асимптоматической устойчивостью. То есть, если социокультурная реальность пребывала в некотором устойчивом состоянии, притягивающим все частицы системы, то даже после внешнего воздействия, способного нарушить равновесие системы, она будет стремиться в первоначальное состояние. Социокультурная реальность, находящаяся под значительным влиянием внешней среды, обладает внутренней устойчивостью и при ослаблении факторов внешней среды возрождаются элементы автохтонного культурного кода.

Состояние разветвленности, выраженное в СМИ, точка бифуркации описана Е.Г. Ним,

которая охарактеризовала основные притягивающие аттракторы социокультурной реальности как «гламур» и «антигламур»: «Гламур можно смело назвать «парадигмой» современного российского телевидения. Он является не только содержанием многих развлекательных телешоу, но и формой отображения действительности в «серьезных» информационно-аналитических программах. Будучи демонстрацией изысканно-легкого, роскошного, беспроблемного существования, гламур стремится сгладить острые углы социальной жизни или эстетизировать их до неузнаваемости» [6, с. 89].

«Гламур» – это такое состояние системы, при котором происходит своеобразная модернизация умов, а не действительности. В этом состоянии культуры происходит виртуализация действительности и замещение ее негативных очевидностей красивыми «гламурными» виртуальными образами, транслируемыми в СМИ. «Гламур» призван отвлекать от настоящих проблем, «замыливать» и замещать их альтернативными развлекательными сюжетами. «Хроника происшествий – это факты, которые развлекают и отвлекают. Простейший принцип работы фокусников состоит в том, чтобы привлечь внимание к чему угодно, кроме того, что они на самом деле делают. Символическое действие телевидения частично – например, в том, что касается выпусков новостей – заключается в привлечении внимания к событиям потенциально интересным для всех, которые можно охарактеризовать как *omnibus*, т. е. для всех... Они способны заинтересовать всех, не затрагивая важных тем» [7, с. 31].

Противоположностью является аттрактор «антигламура», за которым стоит реальная модернизация как идея – восстановление и эволюция – разрушенных за годы реформ производств, важнейших социальных сфер – образования, науки, здравоохранения и т. д. Аттрактор «антигламура» как идея восстановления справедливости, духовных ценностей можно назвать современным проявлением идеалистического типа культуры.

Столкновение аттракторов, бифуркация социокультурной реальности проявляется в содержании СМИ, в котором под воздействием новой, внешней информации возрождаются

старые споры и дискуссии о значениях элементов культуры.

Если интерпретации в СМИ затрагивают значимые для общества элементы культурного кода или ядра социокультурной реальности, то возникают точки бифуркации (вилки, разветвления) в общественном сознании – общество разделяется во мнениях, оценках, способах аргументации различных точек зрения на определенные сюжеты истории и современной социокультурной реальности. Бифуркации общественного сознания – это разделение мнений (сносить или сохранить, модернизировать или реконструировать, перенести или оставить), образующие соответствующие аттракторы – области притяжения схожих оценок, проектов, предложений, мотиваций и аргументаций. В обществе и в культуре из множества различных мнений, проектов и предложений посредством их сближения по принципам сходства и аргументаций формируются определенные направления, траектории решения той или иной темы.

Сходство даже при определенных различиях в технологиях решения соединяет отдельные аттракторы в целенаправленные действия по сохранению и даже воспроизводству тех сфер, образцов и моделей культурной деятельности, которые доказали свою востребованность обществом. Такие совместные действия в различных областях социокультурной реальности и есть самоорганизация. При этом фактор СМИ имеет важнейшее синергетическое значение, так как именно СМИ инициируют обсуждение проблем и «раскручивают» общественное сознание на их обсуждение.

В содержании СМИ отражаются двусторонние процессы взаимодействия информации и социокультурной реальности. Информационные сюжеты и целенаправленные потоки отражают во многом желаемую и игровую, моделируемую и конструированную социокультурную реальность, широко используя образы и средства культуры, вызывая тем самым ассоциативное мышление и поддерживая доверие к информации ее потребителей. «Социальная память и описание мира являются главными «продуктами» деятельности СМИ. Это и есть реальность массмедиа,

в ее втором значении (первое значение – это реальность самих наблюдающих операций системы, вне которых она не существует). Общественная роль СМИ состоит даже не в передаче информации от знающего к незнающему, и не в культивировании социального конформизма. Их подлинная миссия – формирование фонового знания, «фоновой реальности», создающей предпосылки для всех последующих коммуникаций. Это некая основа повседневной жизни индивидов (как психических систем) и всего общества в целом» [8, с. 102].

Чтобы поддерживать доверие к себе, СМИ вынуждены, пусть дозировано и в интерпретациях, отражать и реальные событийность и повседневность, с которой люди в различной степени сталкиваются в жизни. Тем более, что многие подсистемы социокультурной реальности создают одинаковые трудности бедным и богатым, а точнее – людям разного достатка. Здравоохранение, образование, безопасность личной собственности и жизни своей и близких людей, недоброкачественные товары, транспортные проблемы и общее «неуютство» российского социокультурного пространства – одинаково чувствительны всем социальным слоям, сословиям, стратам, не зависимо от степени индивидуальной обустроенности и комфорта.

Таким образом, информационные средства являются индикатором развития всей системы социокультурной реальности. Они отражают столкновение негативных и позитивных очевидностей социокультурных реалий, интерпретаций исторических и геополитических событий, конкуренция личных и общественных интересов с учетом фактической раздробленности и неоднородности общества.

При этом технико-технологические возможности СМИ объективно обуславливают свободу субъекта СМИ – производителя и транслятора информации, которым является автор, авторский коллектив и финансовый заказчик. Иначе говоря, обилие СМИ, которое не способен воспринять и охватить никакой индивид, делает человека – потребителя информации свободным в ее выборе. Свобода потребителя реализуется в выборе ТВ-передач, печатных СМИ, альтернативных

носителей информации и так вплоть до личных комментариев и высказываний в собственном блоге, социальных сетях или иных СМИ. Человек свободен в выборе именно средств информации, которые существенно различаются по идеологической, политической и художественно-образной направленности. Иначе говоря, человек свободен в выборе СМИ в контексте той социокультурной парадигмы, которая близка и соответствует уровню и качеству его развития, образования, общекультурному потенциалу индивида, его ценностным приоритетам, эстетическому вкусу, этическим запросам, профессиональным потребностям и т. д.

В процессе самоорганизации системы сменяются циклы порядка и хаоса, в которых системы ценностей конкурируют с другими за доминирование в системе. Это приводит к хаосу во мнениях и значениях, в самых разных областях социокультурной реальности, включая науку, искусство, религию, эзотерику и т. п. Поэтому в годы перемен, конкуренции значений, проявляется множество конкурирующих идеологий.

Хаос мнений, в свою очередь, сменяется порядком, доминированием какой-то ценностной системы. Любые проявления хаоса в культурно-историческом процессе как в сложной системе – революция, перестройка и т. п., согласно законам самоорганизации, неизбежно упорядочиваются со временем.

Сегодня конкуренция ценностных смыслов явно присутствует в социокультурной реальности, в ее подсистемах и частицах. Конкуренция ценностных смыслов видна и в интерпретациях, выражаемых в виртуальной реальности СМИ.

Ностальгию вызывает и разница между настроениями в обществе советском в сравнении с настоящим. В СССР пропагандировались идеалы доброты и справедливости, в широких слоях общества царил дух коллективизма, товарищеского отношения друг к другу. Данная ситуация противоположна современным социальным реалиям, в которых царит безнравственность, дух потребительства и индивидуализма (человек человеку волк). Поэтому у людей, выросших в СССР и ностальгирующих по этому государству, вызывают недовольство попытки исказить прошлое

и принизить те идеалы и ценности, на которых они выросли. Возникает обратный процесс – отторжение идей и ценностей либерализма, демократии и правового государства.

Именно в такой конкуренции значений, в спорах знатоков и ученых, свидетелей и обывателей происходит развитие социокультурной реальности, которая отбрасывает одни устаревшие и ненужные знаки и образы, восстанавливает смыслы и значения прежних и признает необходимость других – уже новых смыслов и ценностей. Происходит самоорганизация системы социокультурной реальности, которая едина, но «бурлит» флуктуациями, отклонениями, поисками новых средств и форм художественного выражения ценностных трансформаций, сопротивляется или приспособляется к внешним вызовам. Флуктуации, иногда локально затухая, а иногда глобально и стихийно распространяются в общественном мнении, и новая идеология распространяется на всю систему и становится доминирующей.

Конкуренция моделей социокультурной реальности в виде диалогов в виртуальной реальности СМИ отражает существующий запрос общества на обсуждение актуальных проблем текущей повседневности и выявления социокультурных доминант. Общество требует другого содержания СМИ, где были бы представлены различные интерпретации событий и образов. Общество заинтересовано в новых произведениях, книгах и фильмах, в которых отражались бы интересы и ценности, реальные коллизии жизни и прогнозика перехода социокультурных стихий к упорядоченной стабильности, главной ценностью которой должны быть человек и защищенность его жизни.

Синергетический процесс изменения социокультурного содержания (отраженный в СМИ), с одной стороны, направлен «снизу», со стороны простого зрителя и гражданина, как упорядочение и отторжение культурных ценностей или принятие этих ценностей в качестве базовых.

С другой стороны, самоорганизация проявляется в виде процесса изменения социокультурного пространства «сверху», со стороны институтов власти, предпринимателей и других представителей элиты, которые по-своему ищут способы и ответов на этот запрос.

Современный запрос российского общества на переосмысление ценностных значений чувствуют даже иностранные мыслители, не находящиеся внутри системы. В журнале «Эксперт» за 27 декабря 2010 года опубликована статья И. Валлерстайна, который считает, что российскому народу сегодня не хватает чувства гордости» [9].

Подобным образом и после революции в 1930-е годы происходила реабилитация русского народа, возрождение памяти национальных героев – полководцев, мыслителей, писателей и т. д. В. Р. Мединский предложил вспомнить «целую серию талантливых художественных фильмов, «вдруг» вышедших на советский экран в конце 1930–40-х годов: «Александр Невский», «Адмирал Нахимов», «Адмирал Ушаков», «Кутузов», «Суворов»! Прекрасно скроенные талантливые (а в случае с «Александром Невским» – гениальные!) произведения уверенно утверждали новые положительные мифы о выдающихся государственных и военных деятелях дореволюционной России» [10, с. 206].

Запросы общества «удовлетворяются» через современную модернизацию культурных форм и содержательных смыслов культуры и отражают этот процесс. При этом большая социокультурная и цивилизационная система движется «по инерции», и содержание в частицах изменяется постепенно, не «вдруг». Один из запросов общества уже возвращается в виде процессов «модернизации» и «инновации», которые инициированы государственной властью. «Модернизация» и «инновация» воспринимаются зрителями сегодня скорее как негативные очевидности, так как не замечаются в действительности. Однако сама по себе необходимость этих процессов очевидна – изношенное состояние хозяйственной инфраструктуры России, которое досталось в наследство от СССР, уже проявляется катастрофами в реальности. Поэтому следующим запросом общества должна стать реабилитация труда, который является ключевой сферой духовного и материального производства.

Содержание СМИ показывает, что со стороны общества подан запрос – вернуться, хотя бы частично и в другой форме, к моральным установкам прошлого. Под воздействием этого запроса общества и под влиянием внешней среды (миро-

вой финансовый кризис, кризис капитализма) социокультурная реальность самоорганизуется, приспосабливается, изменяется. Происходит фильтрация внешних по отношению к системе знаков и отбор необходимых знаков внутри семантического поля СМИ.

1. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун. – М.: АСТ, 2002. – 368 с.
2. Оруджев, З.М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого / З.М. Оруджев. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 400 с.
3. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения [Текст] / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. – М.: 1996. – С. 494–513.
4. Розов, Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития [Текст] / Н.С. Розов. – Новосибирск, издательство НГУ, 1992. – 300 с.
5. Сорокин, П.А. Социокультурная динамика [Текст] / П.А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 425–505.
6. Ним, Е.Г. «Гламур» и «антигламур» на телевидении: опыт риторической деконструкции медиадискурса [Текст] / Е.Г. Ним // Вопросы культурологии. – 2010. – № 3. – С. 89.
7. Бурдые, П. О телевидении и журналистике [Текст] / Бурдые П. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с. – С. 31.
8. Ним, Е.Г. Слово в защиту массмедиа: по мотивам наблюдений Никласа Лумана [Текст] / Е.Г. Ним // Вопросы культурологии. – 2010. – № 9. – С. 102.
9. Вальерстайн, И. «Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра» [Электронный ресурс] / И. Вальерстайн // Эксперт. –

№ 1 (735). – 27.12.2010.

10. Мединский, В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости [Текст] / В.Р. Мединский. – М.: Олма Медиа Групп, 2009. – 560 с. – С. 206.

1. Kun, T. Struktura nauchnyx revolyucij [Tekst] / T. Kun. – M.: AST, 2002. – 368 s.
2. Orudzhev, Z.M. Sposob myshleniya e'poxi. Filosofiya proshlogo / Z.M. Orudzhev. – M.: Editorial URSS, 2004. – 400 s.
3. Parsons, T. Ponyatie obshhestva: komponenty i ix vzaimootnosheniya [Tekst] / T. Parsons // Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'. – M.: 1996. – S. 494–513.
4. Rozov, N.S. Struktura civilizacii i tendencii mirovogo razvitiya [Tekst] / N.S. Rozov. – Novosibirsk, izdatel'stvo NGU, 1992. – 300 s.
5. Sorokin, P.A. Sociokul'turnaya dinamika [Tekst] / P.A. Sorokin // Chelovek. Civilizaciya. Obshhestvo. – M.: Politizdat, 1992. – S. 425–505.
6. Nim, E.G. «Glamur» i «antiglamur» na televidenii: opyt ritoricheskoy dekonstrukcii mediadiskursa [Tekst] / E.G. Nim // Voprosy kul'turologii. – 2010. – № 3. – S. 89.
7. Burd'yo, P. O televidenii i zhurnalistike [Tekst] / Burd'e P. – M.: Institut e'ksperimental'noj sociologii, 2002. – 160 s. – S. 31.
8. Nim, E.G. Slovo v zashhitu massmedia: po motivam nablyudenij Niklasa Lumana [Tekst] / E.G. Nim // Voprosy kul'turologii. – 2010. – № 9. – S. 102.
9. Vallerstajin, I. «Lenin i leninizm segodnya i poslezavtra» [E'lektronnyj resurs] / I. Vallerstajin // E'kspert. – № 1 (735). – 27.12.2010.
10. Medinskij, V.R. O rusском p'yanstve, leni i zhestokosti [Tekst] / V.R. Medinskij. – M.: Olma Media Grupp, 2009. – 560 s. – S. 206.

UDC 303.4

SYNERGETIC APPROACH TO SOCIOCULTURAL REALITY OF POST-SOVIET SOCIETY

Saranchin Yuriy Konstantinovich,

Ural State Economic University,
Head of the Chair of Philosophy,
Doctor of Sciences (Philosophy), full professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: uks50@yandex.ru

Annotation

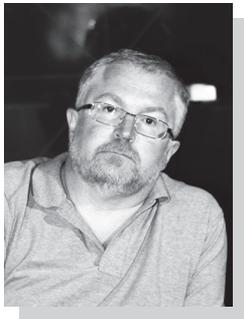
In article the sociocultural reality of Post-Soviet society as open system which reveals by means of the main concepts of synergetic is considered; the role of mass media in formation of new meanings and cultural codes is investigated.

Key words:

synergetic, bifurcation, fluctuation, attractors, self-organization of sociocultural system, glamour, anti-glamour.

УДК 324 + 32

НЕКОТОРЫЕ ЭФФЕКТЫ ВЫБОРОВ ГЛАВЫ ЕКАТЕРИНБУРГА

Киселев Константин Викторович,

Институт философии и права УрО РАН,
заместитель директора по научной работе,
к.филос.н., доцент,
E-mail: kiselevkv@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу эффектов, проявившихся во время выборов главы Екатеринбурга в сентябре 2013 г. Под руководством А. Щербакова и автора статьи было проведено постэлекторальное социологическое исследование, результаты которого и легли в основу этой статьи. В статье описаны следующие эффекты: «эффект несправедливости», связанный с негативной реакцией избирателей на негативную кампанию против Е. Ройзмана, «эффект своего», объясняющий голосование части избирателей исходя из соответствия/несоответствия матрице региональной идентичности, и «эффект бескорыстия», в соответствии с которым материальные обещания практически не сработали в качестве стимула для голосования.

В статье сделан вывод о значительном влиянии выборов в Екатеринбурге на символическую ситуацию в региональном евразийском пространстве.

Ключевые слова:

региональная идентичность, Свердловская область, выборы, электоральные технологии, евразийское пространство.

Лето-осень 2013 года отчетливо зафиксировали, что екатеринбургские выборы: главы Екатеринбурга и депутатов Екатеринбургской городской Думы, – стали по факту одним из двух наиболее значимых электоральных событий электорального года. В число «электоральных лидеров» благодаря кампании А. Навального естественным образом вошли выборы в Москве. Это были абсолютно разные кампании, протекающие в абсолютно разных ситуациях с абсолютно разными лидерами. Но, при этом, проигрыш А. Навального в Москве символически был компенсирован выигрышем Е. Ройзмана в Екатеринбурге. Более того, пример Е. Ройзмана оказался более показателен для регионов, чем

case А. Навального. Евразийское региональное многообразие воспринимает Москву, скорее, как исключение и особенное, чем как тренд и норму. Екатеринбург в этом отношении считается несколько более типичным, более своим в этом евразийском многообразии.

В этой статье рассматриваются три наиболее любопытных электоральных эффекта, существование которых было подтверждено постэлекторальным исследованием, проведенным группой социологов под руководством А. Щербакова и автора статьи. Опрос проводился методом личного формализованного интервью, по случайной бесповторной репрезентативной выборке с квотными ограничениями по полу и возрасту, соответ-

ствующими половозрастной структуре городского населения Свердловской области. Выборочная совокупность составила 686 человек в возрасте от 18 лет и старше. Выборка стратифицирована по районам города.

Эффект несправедливости

Речь о негативной кампании. Первоначально вводные:

Во-первых, негативная кампания велась в интересах основного оппонента Е. Ройзмана, ставленника власти Я. Силина. И никак иначе. Именно его штабисты считали, что нужно снижать явку. Именно они считали, что нужно «сажать» рейтинги оппонентов.

Во-вторых, основным объектом кампании был Е. Ройзман. Факультативным – А. Бурков, кандидат от «Справедливой России», которая имела значительные рейтинги и на выборах в Госдуму в 2011 году в Екатеринбурге даже обогнала «Единую Россию».

В-третьих, наибольшей интенсивности негативная кампания достигла в последние две недели до дня голосования, т.е. тогда, когда Е. Ройзман уже нарастил известность до максимальной, стало понятно, что его не снимут, а его рейтинг уверенно пошел вверх вопреки всем прогнозам.

В-четвертых, по экспертным оценкам, негативная кампания по интенсивности заслонила кампанию самого Я. Силина, которого почти не было видно из-за «чернухи» на Е. Ройзмана, т.е. в повестке был Е. Ройзман.

В-пятых, негативная кампания вышла на федеральный уровень. Прежде всего за счет телевидения и, конкретно, передач А. Караулова, направленных против Е. Ройзмана.

В-шестых, количество объектов, которые «падали» на Екатеринбург в последнюю неделю, – минимум, три-четыре в день. Затраченные суммы (печать, логистика, распространение, прикрытие, производство контента и т.д.) – десятки миллионов рублей.

В-седьмых, использовались все основные каналы донесения негативной информации: наружная реклама (растяжки и т.д.), ТВ и радио, печатная продукция (расклейка, разноска, раз-

датка), слухи, расклейка на лобовые стекла машин от имени кандидата, печатные СМИ и далее по списку.

Что получилось? Вот данные исследования.

Таблица 1. Вам приходилось получать агитационные материалы, которые содержали негативные сведения о каком-либо кандидате в мэры?

Варианты ответа	% от общего числа опрошенных
Да	43,9
Нет	52,5
Затрудняюсь ответить	3,6
Итого ответивших:	100,0
Нет данных	0,0
Итого	100,0

Что видим? Доставка сработала на «удовлетворительно». Скорее всего, что «с минусом». Всего около 44% увидели «негативные сведения». Можно предположить, что «хромал» и контент, то есть, скорее всего, люди видели объекты, но оценить их, как негативные, не смогли. Но это гипотеза.

Таблица 2. Как вы считаете можно ли доверять таким материалам?

Варианты ответа	% от общего числа опрошенных
Конечно можно	1,0
Скорее можно	3,5
Скорее нельзя	32,5
Точно нельзя	41,7
Затрудняюсь ответить	21,3
Итого ответивших:	100,0
Нет данных	0,0
Итого	100,0

Тут и комментарии не нужны. Более 74% считает, что доверять нельзя. И лишь 4,5% утверждают, что можно.

Таблица 3. После прочтения таких материалов изменилось ли ваше отношение к данному кандидату?

Варианты ответа	% от общего числа опрошенных
Изменилось в худшую сторону	6,1
Нет, не изменилось	59,3

Изменилось в лучшую сторону	5,2
Затрудняюсь ответить	29,3
Итого ответивших:	100,0
Нет данных	0,0
Итого	100,0

Понятно, что это самый спорный вопрос. Отвечая на него, людям иногда сложно признаться, что они поверили «чернухе», повелись «на разводку», но и все же он значение имеет. Задавая этот вопрос, мы предусматривали достаточно высокий уровень интервьюеров, корреляции с предыдущими вопросами и т. п. Вот и получили, что по итогу имеем разницу между изменением в худшую сторону и изменением мнения о кандидате в лучшую сторону всего в 0,9%. За десятки миллионов рублей!

Что это? Тенденция? Ошибки авторов негативной кампании? Проблемы с каналами доставки? Переборщили? Умный город? Скорее всего, сумма факторов. Негативная кампания против Е. Ройзмана не только не сработала, но и, скорее всего, сыграла на Е. Ройзмана, т. е. повлияла на результат исключительно позитивно. Если же обобщать причины неработки негативной кампании и ее обратного эффекта, то в двух словах вывод будет таким: эффект несправедливости. Не жалость, не оппозиционный настрой, но именно эффект несправедливости. И политической, и нравственной. Приходилось и приходится сталкиваться с высказываниями: «Я раньше не ходил на выборы, но получил тут эту грязь против Е. Ройзмана, возмутился и пошел голосовать за него». И это не единичные случаи, но частые. И, на наш взгляд, это уже из разряда того, что нельзя не учитывать, из разряда закономерностей.

Эффект своего

В период выборов у авторов исследования была гипотеза о «попадании в идентичность»: в территориях с развитой идентичностью избиратели чаще голосуют за того,

кого считают своим, близким, проверенным, знакомым и т. д. На основе предыдущих исследований и ряда неизбежных гипотетических допущений была составлена матрица территориальной идентичности [3]. В ходе кампании было видно, как различные кандидаты либо попадают в эту матрицу, либо отклоняются от нее, а некоторые прямо ей оппонируют.

Таблица 4. Кого из трех кандидатов, набравших наибольшее количество голосов на прошедших выборах (Бурков, Ройзман или Силин), можно назвать своим для города человеком, надежным, проверенным?

Варианты ответа	% от числа ответивших
А. Бурков	20,1
Е. Ройзман	39,9
Я. Силин	23,5
Затрудняюсь ответить	20,3
Итого ответивших:	103,8*

*Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 1,0.

Во-первых, имея возможность ответить несколько раз, большинство респондентов предпочли один ответ. Справедливости ради стоит заметить, что интервьюеры сознательно и не стремились стимулировать множественность ответов. Полярность в данном случае представлялась более интересной.

Во-вторых, слоган «Надежный мэр» использовался именно Я. Силиным, а потому в вопросе и появилась указанная «лексема», как уточняющая характеристику «свой для города». Т.е. по факту для Я. Силина была сделана исследовательская «поблажка». В кампании Е. Ройзмана использовалась лексема «наш»: «Наш мэр», «Наш мэр. Как ни крути» и т. п.

В-третьих, оппозиция «свой-чужой» не стала определяющей всю повестку в избирательной кампании, но фактически присутствовала все время и роль свою играла. Более того, оппонирующие Е. Ройзману СМИ эту идею подхватывали, невольно ее развивая и по «играя», таким образом, против своего «работодателя» Я. Силина.

По факту, как видим, Е. Ройзман оказался «своим» с отрывом почти в два раза.

Идем далее. А если перевернуть вопрос: а кто чужой?

Таблица 5. Кого из этих трех кандидатов (БУРКОВ, РОЙЗМАН или СИЛИН), можно назвать чужим для города человеком, посторонним, временным?

Варианты ответа	% от числа ответивших
А. Бурков	13,3
Е. Ройзман	13,8
Я. Силин	23,6
Затрудняюсь ответить	51,9
Итого ответивших:	102,6*

*Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 1,0.

Здесь Е. Ройзман и приземленный на проблемы ЖКХ А. Бурков чужими практически не считаются. По 13–14 процентов убежденных оппонентов – нормальная ситуация. А вот Я. Силин, несмотря на то, что его кампания шла более полугодом, историю председательства в екатеринбургской гордуме, вице-губернаторство и программу «Столица», – «чужой» с перевесом почти в два раза. Почему?

Именно Я. Силин, по всем нашим наблюдениям, менее всего попадал в матрицу территориальной идентичности. И по языку, и по проблематике, и т. д., и т. п. Если Е. Ройзман и А. Бурков были «от территории», и именно так себя подавали, то Я. Силин пришел сверху, пришел именно, как чужой.

Эффект бескорыстия

Большая часть кампании Я. Силина строилась вокруг простого посыла – «я пришел дать вам денег», «если выбираете меня, то деньги из областного бюджета пойдут», «если изберете кого-то иного, то не будет ни ЭКСПО-2020, ни ЧМ-2018» и т. д. Деньгами соблазняли, отсутствием потенциальных финансовых вложений пугали.

А теперь смотрим, как это сработало.

Таблица 6. Как Вы считаете, большинство людей голосовали на выборах мэра для того, чтобы:

Варианты ответа	% от числа ответивших
Обеспечить стабильность и сохранить существующее положение дел в городе	17,2
Получать больше денег из областного бюджета на решение городских проблем	1,7
Поменять действующую власть на новую	22,4
Кардинальное решить проблемы ЖКХ	23,5
Не допустить, что бы городом руководили представители криминала	12,7
Не допустить, что бы городом руководили чужаки	8,5
Добиться изменений в жизни города	33,4
Затрудняюсь ответить	6,9
Итого ответивших:	126,2*

*Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 1,3.

Получение БОльших денег из бюджета посчитали мотивом для голосования всего 1,7% от всех ответивших. И это при том, что можно было давать несколько вариантов ответа. Как видно из таблицы – деньги оказались самой слабой мотивацией. Есть гипотеза, что случилось так из-за «абстрактности» этих денег. Сколько их, куда пойдут, что за «Программа «Столица» и т. д.? Так никто толком и не узнал. Проще говоря, тема денег не была раскрыта. Но это только одна сторона вопроса.

Второй стороной стала символическая ошибка. Правда, это мы может утверждать лишь гипотетически. Проблема, на наш взгляд, в названии этой финансовой программы – «Столица». В середине нулевых столицы в России плодились и размножались: первая, вторая, пяток третьих столиц, столицы мега-регионов, столицы культурные и образовательные, спортивные и интеллектуальные... Путь третьеразрядной столичности уже тогда был очевидным символическим тупиком [1;

2]. И вот через семь-восемь лет, когда комплекс столичности был, казалось бы, навсегда преодолен, появляется программа «Столица». Даже если бы программа была названа просто «20 миллиардов», «Деньги людям» или «По 15 тысяч на брата», то символический эффект был бы больше. Кроме того, растратив комплекс столичности, сама лексема «столица» все одно отождествлялась с чем-то инородным, чужим, а не местным, своим, близким. Кстати заметим, что символический подкуп не срывается не только в Екатеринбурге. Возможно, что тенденция.

Очевидно, что эффектов электоральной кампании в Екатеринбурге значительно больше. И проявившихся собственно во время кампании, и эффектов постэлекторального воздействия на политическое сознание, на символические политические комплексы в регионах России. Но самое главное очевидно – евразийское региональное политическое

пространство получило значительный импульс для изменений.

1. Киселев К.В. Выборы и символическая политика в Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2005. № 3.

2. К.В. Киселев Символическая политика: власть VS общество. Екатеринбург, 2006. 132 с.

3. К.В. Киселев, А.Ю. Щербаков. Урал: к вопросу об идентификационной динамике бренда // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 1. С. 138–150.

1. Kiselev K.V. Vybory i simvolicheskaya politika v Rossijskoj Federacii // Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. 2005. № 3.

2. K.V. Kiselev Simvolicheskaya politika: vlast' VS obshchestvo. Ekaterinburg, 2006. 132 s.

3. K.V. Kiselev, A.Yu. Shherbakov. Ural: k voprosu ob identifikacionnoj dinamike brenda // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2013. № 1. S. 138–150.

UDC 324 + 32

SOME EFFECTS OF MAYORAL ELECTIONS IN YEKATERINBURG

Kiselev Konstantin Victorovitch,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Science
Deputy Director for Science,
PhD, Associate Professor
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: kiselevkv@yandex.ru

Annotation

The article analyzes the effects that emerged during the election of the mayor of Yekaterinburg in September 2013. Under the guidance of A. Shcherbakov and the author was performed post-electoral sociological study which formed the basis of this article. The article describes the following effects: «the effect of injustice» associated with the negative reaction of voters in the negative campaign against E. Roizman, «the effect of insider» explaining the vote of the electorate on the basis of compliance / non-compliance matrix of regional identity, and the «effect of selflessness,» according to which material promises almost did not work as an incentive to vote.

The article article concluded on the significant influence of elections in Yekaterinburg on the situation in Eurasian space.

Key words:

student mobility, globalization, high education, world educational market, recruiting model.

УДК 323 + 342.24

УРАЛЬСКАЯ РЕСПУБЛИКА. ХРОНИКИ

Мошкин Сергей Вячеславович,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
главный научный сотрудник,
доктор политических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Аннотация

В статье изложены основные события и политико-правовые мероприятия, связанные с историей провозглашения и ликвидации Уральской республики в 1993 году. Показывается, что истинной причиной, побудившей региональные власти Свердловской области пойти на «сепаратистский» демарш, было стремление создать в рамках действующего законодательства прецедент по уравниванию в правах субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова:

Уральская республика, российский федерализм, сепаратизм, Свердловская область, Ельцин Б.Н., Россель Э.Э.

1993 год запомнился россиянам не только расстрелом Белого дома, принятием «ельцинской» конституции, но и провозглашением, а вскоре – и ликвидацией Уральской республики.

Уральская республика просуществовала 132 дня, с 1 июля по 9 ноября 1993 года. Историки до сих пор спорят, что это было: сепаратистский демарш свердловских областных властей или отчаянная попытка уральцев обратить внимание федерального центра на неравноправные статусы, права и полномочия субъектов, составляющих Российскую Федерацию?

Единого мнения до сих пор нет, да и вряд ли появится. За прошедшие годы история самопровозглашенной Уральской республики обросла множеством легенд и мифов, а многое, весьма существенное и важное, наоборот, подзабылось. В памятные дни двадцатилетия Уральской республики самое время вспомнить, как это было.

* * *

12 июня 1990 года Первым съездом Народных депутатов РСФСР была принята

Декларация о государственном суверенитете РСФСР. Декларация провозглашала приоритет Конституции и законодательства РСФСР над Конституцией и законодательством СССР.

На тот период на территории РСФСР действовала Конституция РСФСР, принятая в 1978 году. И хотя в 1989–1992 годах в нее вносили существенные поправки, приспособляемая к демократическому характеру государства, норма о федеративном устройстве РСФСР оставалась неизменной: в РСФСР сохранялся двухзвенный принцип построения Федерации. Федерацию составляли национально-государственные образования (национальные республики, национальные округа и области) как полноценные субъекты федерации (в тексте Конституции говорилось: «Российская федерация состоит...», далее шел список национальных республик, округов и областей); и территориально-административные образования (области и края). В тексте Конституции так было и записано: в Российской Федерации имеются..., далее шел список областей и краев.

Важно отметить, что это была абсолютно асимметричная федерация с ярко выраженным приоритетом в отношении национальных республик и очевидно дискриминационным режимом в отношении краев и областей.

Ситуация усугубилась, когда в ответ на сепаратистские действия руководства Татарской и Чечено-Ингушской АССР, провозгласивших о своем государственном суверенитете, 31 марта 1992 года был принят Федеративный договор, ставший частью Конституции РСФСР. Этот договор давал возможность национальным республикам в составе РСФСР принимать собственные Законы, избирать руководителей исполнительной власти, вести самостоятельную внешнеэкономическую деятельность. Главным же было то, что республики имели максимально выгодный режим межбюджетных отношений в отношении с федеральным центром. Края и области РСФСР этого были лишены.

Все это происходило в обстановке тяжелейшего экономического кризиса, развала СССР, запрещения компартии, «шоковой терапии» гайдаровских реформ, приватизации, многомесячных задолженностей по зарплате бюджетникам, безудержного бандитизма и пр., пр., пр. Наибольшую тяжесть несправедливого экономического бремени сложившихся федеративных отношений почувствовали на себе регионы-доноры, в т. ч. Свердловская область. Именно она попыталась уравнивать доступными и, главное, законными способами субъекты федерации, что в итоге и привело к появлению Уральской республики.

Теоретически было два способа «уравнивания» субъектов федерации в правах. Первый: перейти на всей территории России исключительно к административно-территориальному принципу построения страны, что автоматически означало бы отказ от федерализма, ликвидации национально-государственных образований, и превращения России в унитарное государство. Этот тезис отстаивал, в частности, лидер ЛДПР В. В. Жириновский (его же некоторое время придерживался и глава администрации Свердловской области Э. Э. Россель).

Второй способ: действующая в то время Конституция РСФСР позволяла субъектам менять свой конституционно-правовой статус, например, область могла превратиться в республику. В ст. 70 Конституции было записано: «Изменение конституционно-правового статуса республик, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, автономной области, автономных округов, а также их разделение и объединение могут быть осуществлены только на основе волеизъявления большинства избирателей в них с утверждением Съездом народных депутатов Российской Федерации».

Россель решил пойти по второму пути. 25 апреля 1993 года был проведен опрос жителей Свердловской области. Вопрос звучал так: «Согласны ли вы с тем, что Свердловская область по своим полномочиям должна быть равноправна с республиками в составе Российской Федерации?». 83% принявших участие (более 60% имеющих право голоса) ответили утвердительно.

Кстати, сейчас возможность изменить статус субъекта Федерации через местный референдум запрещена законом, а тогда проведение референдумов (опросов) на эту тему было обычной и часто применяемой нормой. К примеру, 30 ноября 1991 года, Ингушетия: «Вы за создание Ингушской Республики в составе РСФСР с возвратом незаконно отторгнутых ингушских земель и столицей в городе Владикавказе?» (Владикавказ – столица соседней с Ингушетией Республики Северная Осетия). «Да» – 97,4%. Решение референдума выполнено частично: Ингушская Республика была создана, однако «незаконно отторгнутые земли» и город Владикавказ ей переданы не были.

21 марта 1992 года, Татария: «Согласны ли вы, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящий свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?». «Да» – 61,4%. 6 ноября 1992 года была принята Конституция республики, содержащая аналогичную формулировку, а 12 февраля 1994 года

между Татарией и Российской Федерацией был подписан договор о разграничении полномочий. Однако к 2004 году по настоянию федерального центра из конституции республики были изъяты почти все упоминания о суверенитете и международной правосубъектности Татарстана.

7 октября 1993 года, Томская область: «Нужен ли Томской области статус республики?». Референдум не состоялся, так как явка составила менее 50%.

Между тем в Москве усиливался кризис в отношениях между Верховным Советом РСФСР (Р. И. Хасбулатов) и Президентом РСФСР (Б. Н. Ельцин). Главный предмет спора – пути и способы реформирования страны. 25 апреля 1993 года был проведен общероссийский опрос населения (иногда неверно называют референдумом) о доверии Президенту РСФСР (знаменитая формула «да, да, нет, да»). Большинство россиян (58,7% по первому вопросу и 53% – по второму) высказались в поддержку Ельцина и его курса. Это дало возможность последнему активно приступить к решительному переустройству страны и подготовке текста новой Конституции страны.

5 июня 1993 года в Москве начало свою работу Конституционное Собрание, созванное Президентом Ельциным для выработки окончательного текста новой Конституции России. От Свердловской области на Собрание было делегировано пять человек во главе с Росселем. Перед поездкой в Москву Россель встретился с представителями партий и общественных организаций Свердловской области и заявил буквально следующее (в изложении): «Коренной вопрос новой Конституции заключается в федеративном устройстве России. В настоящее время сложилась ненормальная ситуация, когда из 89 субъектов Федерации 21 республика, входящая в состав России, имеет исключительные права и приоритет в формировании своего бюджета». Далее Россель высказался за административно-территориальный принцип деления России.

Однако предложения делегации Свердловской области не были приняты

к рассмотрению двумя группами разработчиков новой Конституции: ни парламентской группой (О. Г. Румянцев), ни президентской (А. А. Собчак, С. С. Алексеев). Позиция Росселя радикализировалась по приезду из Москвы. На встрече со свердловскими журналистами 18 июня 1993 года он вновь однозначно высказался за административно-территориальный принцип деления России и за равенство субъектов Федерации. Но здесь у него появляется новая тема – идея Уральской республики в составе нескольких областей. Вот что сказал Россель тогда (в изложении): «Не предусмотренные проектом Федеративного договора равные экономические права автономий, краев и областей, по его мнению, подвигнут к объединению пермяков, челябинцев, тюменцев, оренбуржцев, вятичей, курганцев и других уральцев, традиционно проживающих в этом регионе. Свердловская область на референдуме 25 апреля уже высказалась за самостоятельность, все остальные должны определиться как можно быстрее, до принятия новой конституции». На вопрос о том, где будет столица новой республики, Россель ответил: «Естественно, в Екатеринбурге!».

Таким образом, поняв, что тему административно-территориального деления России «не пробить» через Конституционное Собрание, Россель решил воспользоваться возможностями действующей Конституции РСФСР и изменить статус Свердловской области до уровня республики, сделав ее Уральской республикой, тем более что необходимый по закону опрос жителей Свердловской области был проведен.

1 июля 1993 года Свердловский областной Совет Народных Депутатов провозглашает Уральскую республику, приняв Декларацию об изменении статуса Свердловской области. Одновременно, на базе Института философии и права УрО АН СССР, начинается разработка проекта Конституции Уральской республики.

Чтобы не остаться в одиночестве, Россель начинает искать союзников в этом процессе среди руководителей соседних областей (важно отметить, не республик, а именно областей).

14 сентября 1993 года в Тюмени на совещании Ассоциации экономического взаимодействия Уральского региона подписали совместное заявление, в котором, в частности, говорилось: «Руководители представительной и исполнительной властей Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской областей... выражают готовность начать подготовительную работу возможного создания на базе областей Урала Уральской республики в составе РФ как ее субъекта».

Напомню, что действующая тогда Конституция РФ позволяла областям и краям изменять их статус, но, после выполнения двух условий: 1) местный референдум (опрос) и 2) утверждение этого решения Съездом Народных Депутатов Российской Федерации. Но, и это важно, после событий 3–4 октября 1993 года в Москве, закончившиеся расстрелом Белого дома (российского парламента), ни о каком съезде, к которому уральцы могли бы апеллировать, не могло идти речи. Тем более что еще 21 сентября 1993 года Президент РФ подписал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Указ прекращал деятельность Верховного Совета РФ и Съезда Народных Депутатов РФ. Законодательно апеллировать с утверждением Уральской республики просто было не к кому, поэтому свердловчане стали действовать в одностороннем порядке.

27 октября 1993 года Конституция Уральской республики была принята ОблСоветом, а 30-го октября она была опубликована в «Областной газете» и, соответственно, вступила в силу. Конституция не предусматривала права выхода республики из состава России, содержала принципы и механизмы разделения властей и гарантии местного самоуправления. Вводился институт всенародно избранного губернатора (не президента!), правительства, председатель которого назначался парламентом, двухпалатный парламент, т. е. практически все то, что впоследствии вошло в Устав Свердловской области.

Важно, что 2 ноября 1993 года Президент РФ Ельцин на расширенном заседании

Правительства России заявил, что действие ряда областей по повышению своего статуса – объективный процесс, обусловленный несовершенством сложившихся федеративных отношений в России. Эти слова Президента были восприняты свердловчанами как косвенная поддержка со стороны Ельцина, и еще больше вдохновило авторов Уральской республики.

8 ноября 1993 года ОблСовет назначил дату референдума по Конституции Уральской республики на 12 декабря 1993 года. На этот же день были назначены выборы Губернатора Уральской республики и Законодательного Собрания Уральской республики. Напомню, что на этот день были назначены также: всероссийский референдум по Конституции РФ, а также выборы депутатов Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации.

Однако на следующий день, т. е. 9 ноября 1993 года, Президент РФ Ельцин подписал Указ «О прекращении деятельности Свердловского областного Совета Народных Депутатов». В Указе говорилось, что Свердловский ОблСовет неоднократно нарушил Конституцию и законодательство РФ, выразившимся в одностороннем изменении конституционно-правового статуса Свердловской области и провозглашении Уральской республики. А потому, Указ предписывал прекратить деятельность Свердловского ОблСовета, а все его решения в части провозглашения Уральской республики считать не имеющими юридической силы.

10 ноября появился Указ Ельцина об отстранении от должности главы администрации Свердловской области Росселя. На этом история Уральской республики завершилась.

Тем не менее, в Конституции РФ 1993 года было закреплено положение о равенстве субъектов Федерации. В частности, п. 1 Статьи 5 Конституции гласит: «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации». На это повлияли, как справедливо считают многие эксперты, прецеденты с провозглашением Уральской, а также Южно-Уральской (была и такая) республик.

UDC 323 + 342.24

URALS REPUBLIC. CHRONICLES

Moshkin Sergey Viacheslavovich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Science,
Principal researcher,
Doctor of political sciences,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: E-mail: osa-sv@yandex.ru

Annotation

The article describes the main events and political and legal steps taken when the Ural Republic was declared and dismantled in 1993. It shows that the actual motive behind the move for separation taken by the authorities in Sverdlovsk Oblast was a desire to set a precedent, within the limits of the law, so as to ensure equality among the constituents of the Russian Federation.

Key words:

The Ural Republic, Russian federalism, separatism, Sverdlovsk Oblast, B.N. Eltsine, E.E. Rossel.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ 11–12 ВЫПУСКОВ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ДИСКУРС-ПИ»

1 июля 2013 г. в Институте международных связей (НОУ ВПО ИМС, Екатеринбург) состоялась презентация очередного выпуска научно-практического альманаха «Дискурс-Пи». Вышел в свет сдвоенный (№ 11–12) выпуск, посвященный весьма актуальным в современном социально-гуманитарном знании темам: «Дискурс Soft Power» («Мягкой силы») и «Дискурс прошлого и будущего».

Альманах претерпевает изменения: в настоящее время он зарегистрирован как научный журнал, который будет выходить с периодичностью 4 номера в год. Журнал сохраняет свою направленность, сложившийся авторский коллектив. Содержание журнала планируется разместить в базе РИНЦ.

На презентации по устоявшейся традиции, начинавшейся еще в далеком 2000 году, присутствовали как члены редколлегии, редсовета, руководители ключевых рубрик журнала, так и многочисленные авторы, гости. Собранным приветствовал ректор ИМС, член редсовета, проф. О.Г. Скворцов, отметивший отрадный для института факт многолетнего плодотворного сотрудничества преподавателей и студентов ИМС с журналом. Он подчеркнул, что материалы журнала интенсивно циркулируют в сети Интернет, а его авторы постоянно

«держат руку на пульсе» современной исследовательской социально-гуманитарной мысли.

Научная общественность России сегодня достаточно хорошо знает альманах (он был представлен на всех Российских философских конгрессах, начиная с 2002 (Ростов-на-Дону (2002), Москва (2005), Новосибирск (2009), Нижний Новгород (2012)). В каждом выпуске альманаха публикуется 50–60 авторов (из России, Украины,

Казахстана, Мексики, Болгарии, Словакии, Чехии, Швеции и др.). Журнал активно сотрудничает с учеными и преподавателями ведущих вузов России, вносит важный вклад в осуществление сегодня весьма затрудненной по ряду причин научной коммуникации.

Всего на презентации присут-

ствовало около 60 представителей научно-образовательного сообщества Екатеринбурга, которые не только обменялись мнениями и впечатлениями, но и выдвинули множество перспективных исследовательских проектов на ближайшее будущее. Обновленный 13-й номер планируется посвятить не менее актуальной сегодня теме – «дискурсу мобильности» в его самых разнообразных проявлениях в современном обществе.

ПРИНЯТИЕ В МАДИ НОВЫХ ЧЛЕНОВ

На общем собрании Международной академии дискурс-исследований, состоявшемся 1 июля 2013 г., были вручены сертификаты членов-корреспондентов и академиков МАДИ участникам научных проектов в области дискурс-анализа и авторам журнала «Дискурс-Пи».

Звание академика МАДИ было присвоено доктору политических наук **Фан Ирине Борисовне** (Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Россия), доктору философских наук **Кожемякину Евгению Александровичу** (Белгородский национальный исследовательский университет, Россия), доктору филологических наук **Синельниковой Ларе Николаевне** (Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина).

Звание члена-корреспондента МАДИ было присвоено кандидатам философских наук **Зайнетдиновой Регине Аликовне** и **Романову Андрею Владимировичу** (Уральский государственный экономический университет, Россия).

УДК 303.7

Статьи

Е. В. Белоглазова

ПОЛИДИСКУРС(ИВ)НОСТЬ

Тот факт, что дискурсы существуют не в изоляции, но взаимно налагаются, пересекаются, конкурируют, отмечался с самого зарождения дискурсного анализа и нашел отражение в том числе и в понятии *полидискурс(ив)ность*.

Данным термином оперируют, в частности, Д. Сондерс (Saunders 2002), говоря о гетеростилевом характере ранних юридических текстов, В. Купан (Coorpan 2005), характеризуя интердискурсную природу творчества У.Э.Б. Дюбуа; Дж. Белнап (Belnap 1998) в связи с «космополитичностью» творчества Х. Марти; Я. Фламенд (Adlam, Shepherd 2000: 200) и И.В. Тубалова (Тубалова 2009), приравнивая полидискурс(ив)ность к полифоничности М.М. Бахтина; Е. А. Андреева (Андреева 2006).

В то же время, нельзя сказать, чтобы термин прочно вошел в научный обиход и имел бы закрепленное за ним содержание. Авторам импонирует прозрачная внутренняя форма этого обозначения, соотносимость его с другими терминами, как то *полифоничность*, *политекстуальность*, *полисемиотичность*. Речь идет о продуктивной в лингвистическом дискурсе морфологической модели, по которой, как нам кажется возможным, каждый из названных исследователей сам создавал данный термин, вкладывая в него свой смысл, согласующийся, однако, со смыслом самой модели.

Хотя ни в одной из концепций термин не получил закрепленного за ним понятия, но использовался как синоним, дублирующий другое обозначение – *интердискурсивность*, *полифоничность*, *космополитичность*, *гетеростилевость* и т. п., во всех случаях речь идет о диалогических отношениях, реализуемых на уровне выше текстового, т. е. на уровне дискурса.

Отграничение от смежного явления интердискурсивности возможно по двум параметрам. Во-первых, рассматриваемые понятия находятся в оппозиции по критерию спонтанно-

сти. Интердискурсивность – это процесс взаимодействия дискурсов в конкретном дискурсивном акте. Сочетание дискурсов будет индивидуальным в каждом интердискурсе, т. е. интердискурс уникален для каждого текста. В то время как полидискурс есть набор дискурсов, воспроизводящий себя в открытом множестве текстов, объединенных общей сферой применения и специфичной идеологией. Можно уподобить полидискурс *фракталу*, т. к. в его основе лежит принцип самоподобия – будучи соотносим со сверхтекстом, он стремится воспроизводить свою структуру во входящих в него текстах. Во-вторых, полидискурсивность противостоит интердискурсивности по критерию градуальности. Введение инодискурсивных элементов, нарушающих когнитивную связность текста, является фактором сложности при восприятии текста читателем. Отдельные тексты могут варьироваться по степени интердискурсивности, стремясь к монодискурсивности. Полидискурсивность же подразумевает стабильный, неизменный, набор дискурсов, общий и базовый для некоторого корпуса текстов.

Литература:

Андреева В. А. Литературный нарратив: дискурс и текст: Монография. – СПб: Норма, 2006. – 182 с.; Тубалова И. В. Фольклор как прототекстовая среда полифонического текста бытовой культуры: к проблеме полидискурсивности // Вопросы когнитивной лингвистики, № 1, 2009. – С. 96–102.; Adlam C., Shepherd D. (ed.) The annotated Bakhtin bibliography. – London: MHRA Publications, 2000. – 413 p.; Belnap J. Headbands, Hemp Sandals, and Headdresses: The Dialects of Dress and Self-Conception in Martí's «Our America» // Belnap J. (ed.) José Martí's «Our America»: from national to hemispheric cultural studies. – Durham, N.C.: Duke Univ. Press, 1998. – P. 185–204; Coorpan V. The Double Politics of Double Consciousness: Nationalism and Globalism in *The Souls of Black Folk* // Public Culture, 17 (2), 2005. – P. 299–318; Saunders D. Literacy and the Common Law. A Polytechnical Approach to the History of Writings of the Law [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/GriffLawRw/2002/5.pdf>.

М. В. Гаврилова

ПОСЛАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ

Послание Федеральному Собранию – это большое программное выступление президента. Необходимость ежегодного обращения с посланиями о положении в стране, об основных направлениях государственной политики предусмотрена Конституцией Российской Федерации. Заявленные главой государства позиции по вопросам внутренней политики учитываются как парламентом, так и правительством при составлении планов законопроектных работ, определении позиций депутатов по законопроектам. Сформулированные в послании оценки и приоритеты оказывают серьезное влияние на формирование общественного мнения по ключевым направлениям внутренней политики.

Социально-политический сценарий производства послания, рассматривающий его как главное политическое событие года, предопределяет необходимость тщательной проработки содержания и стратегий написания текста. С этой целью накануне выступления президент проводит встречи с представителями политических партий и общественных движений, с представителями научной общественности, а также принимает открытые указы граждан. В средствах массовой информации идет активное обсуждение возможной тематики послания, свои предположения высказывают политики и политологи.

Основная коммуникативная цель послания – информирование аудитории, в частности разъяснение целей и основных приоритетов развития страны, оценка ситуации в различных сферах общественной жизни, видение основных направлений политики государства, что способствует формированию мнений и ценностей. Интенция акциональности, т. е. призыв к действию, направлен, прежде всего, к представителям государственной власти.

Схематическая структура послания состоит из следующих компонентов: приветствие, обращение, вступительная часть, основная часть, заключение и благодарность за внимание.

Начинается послание с приветствия и обращения к аудитории. Во вступительной части президент определяет стратегические цели развития

страны, подводит основные итоги за год, выражает неудовлетворение достигнутыми результатами. Основная часть послания посвящена описанию внутренней и внешней политики государства. Говоря о международном положении России, президент определяет роль страны на международной арене и обозначает внешнеполитические приоритеты. Большая часть послания посвящена анализу социально-экономической и политической ситуации внутри страны. Президент показывает свое знание внутривнутриполитической ситуации, обращает внимание аудитории на сегодняшние трудности, определяет приоритеты развития страны, ставит задачи представителям государственных органов. В заключительной части президент выражает оптимизм и уверенность в достижении поставленных целей. Завершая речь, президент благодарит аудиторию за внимание.

Отбор тематического репертуара послания осуществляется на основе принципов релевантности и значимости темы в актуальной социально-политической ситуации. Основная тема обращения – это политическая задача, которую президент ставит перед политической элитой на предстоящий год. В основе реализации тематической макропропозиции послания лежит несколько регулирующих принципов: «сегодняшние трудности», «причины», «желаемый результат», «задачи по улучшению ситуации».

Рассматривая семантическую макроструктуру посланий, необходимо обратить внимание, с одной стороны, на преемственность тематики выступлений, а, с другой стороны, на семантические лакуны, т. е. те топики, которые не нашли отражения в тексте, так как иногда важным фактом для прогнозирования политического процесса является само неупоминание темы.

Литература:

Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб., 2004; Hoffman D.R., Howard A.D. Addressing the state of the union: The evolution and impact of the president's big speech. Boulder, CO. 2006.

ПРОГРАММА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Партийная программа – это первичный и самостоятельный тип текста в системе политической коммуникации. Во-первых, программа функционирует на различного уровня выборах – от парламентских до выборов в органы местного самоуправления, когда партия поддерживает кандидата. Во-вторых, программа партии используется в период между выборами, поскольку это основной документ, в котором формулируются идеологические установки партии. В-третьих, в российской партийной системе законодательно закреплено обязательное наличие партийных программ. В-четвёртых, партийные программы являются важнейшими идентификационными признаками политических партий, позволяющими отличать партии друг от друга и формировать политические предпочтения избирателей.

Главной функцией любой политической партии в демократическом обществе является выражение интересов различных социальных групп населения. Именно поэтому с помощью программы политические партии не только определяют себя как политическую организацию с определенной позицией, но и выражают интересы тех или иных социальных групп. Таким образом, программа может воплощать основные идеи социума в конкретный исторический период.

Программы политических партий представляют собой идеологические документы, в которых представлены основные цели, желаемый образ будущего, тактические задачи партии, т. е. те темы, которые разворачиваются в политическом дискурсе, наполняя его содержание смыслом.

Основная коммуникативная стратегия программы – убедить адресата в правильности изложенной партией точки зрения (персуазивная функция) и побудить адресата к совершению определенных действий (регулятивная функция).

Основные интенции программы – положительная саморепрезентация и дискредитация оппонентов, моделирование социальной нормы с помощью тактики создания очевидности и общеизвестности явлений действительности, обещание и представление готового решения социальных проблем, важных для членов и сторонников партии.

Жанровые особенности программы: письменная форма, персуазивность (т. е. воздействие на сознание адресата), оценочность, директивность, коллективное авторство, преобладание эмоциональной аргументации над рациональной, определенная сфера функционирования (СМИ), перформативность.

Композиция программы состоит из следующих элементов: 1) обозначение документа, которое включает полное наименование политической партии; 2) краткое самоопределение; 3) характеристика актуального положения в стране с преобладанием негативной оценки; 4) описание причин кризиса, в том числе, указание на конкретного врага; 5) выделение основной ценности и главной цели; 6) трактовка ценностей и целей; 7) определение главных проблем и способов их решения через установление препятствий и пути их преодоления, выделение источников силы партии; 8) выделение особенностей, отличающих данную партию от остальных; 9) заключение, оформленное в виде обобщения или лозунга.

Программа политической партии является материалом исследования в политологии (А. А. Галкин, Г. В. Голосов, В. Я. Гельман, Е. Ю. Мелешкина, Л. В. Сморгун и др.), теории связей с общественностью (Т. Э. Гринберг, С. Ф. Лисовский, А. Д. Кривоносов и др.), политической социологии (В. Н. Якимец и др.), политической психологии (А. И. Юрьев и др.). Методические рекомендации по разработке программы даны в книгах об эффективной организации избирательных кампаний (Н. В. Гришин, К. С. Жуков, А. Д. Карнышев, Ж. Б. Скрипкина и др.). Некоторые лингвистические аспекты изучения программы были рассмотрены в статьях Е. В. Бабаевой, М. В. Гавриловой, И. Ю. Логиновой и др.

Литература:

Бабаева Е. В. Лингвокультурологический анализ текстов партийных программ / Лингвистика: Бюллетень Урал. лингв. о-ва. 2003. Т. 11. С. 10–20; Гаврилова М. В. Сопоставительный анализ тематической структуры программ политических партий начала XX и XXI вв. // Политическая теория, язык и идеология. М., 2008. С. 435–454; Логинова И. Ю. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии (на материале английского языка). СПб., 2004.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ ДИСКУРС

Парламент можно рассматривать как информационную модель общества и способ институализации политической оппозиции.

Коммуникативные цели парламентского дискурса – это информация, убеждение, побуждение к действию, несогласие с чем-то, поправка чего-то, формирование общественного мнения.

Слово в парламентском дискурсе выполняет две функции: 1) номинативную функцию, при которой слово воплощает мир реалий и духовных сущностей. Сферу политического общения формирует политическая лексика и фразеология; 2) оценочную функцию, где слово участвует в формировании системы политических взглядов. Оценочная лексика участвует в политической борьбе, оставаясь едва ли не обязательным атрибутом столкновения разных политических позиций.

Парламентские выступления делятся на контрастные функционально-смысловые типы речи информационного характера, аргументативно-аналитического характера, императивного характера.

В речи информационного характера преобладает тенденция к описательно-повествовательному развитию темы в широком смысле слова. Это может быть вступительное слово председателя, открывающего заседание сессии; речи ритуального характера (принесение присяги, поздравление) и др.

В речи аргументативно – аналитического характера текстовые построения носят характер рассуждений. На первый план выдвигается логико-семантическая организация текста, при которой ведущую роль играют умозаключения, доводы и доказательства. К этому типу относятся выступления, в которых центр тяжести изложения составляют аргументы и доводы, привлекаемые оратором для доказательства тех положений, которые депутат считает бесспорными.

В речи императивного характера наблюдается стремление эффективно и настойчиво воздействовать на слушателей. Для этого используются оценочные прилагательные, стилистические фигуры, эмоциональные вос-

клицания, повелительные формы глагола, экспрессивные оценки, интензивы, гиперболы. Этот тип речи характеризуется категоричностью, безапелляционностью суждений и особенно сильным критическим началом.

Основные парламентские жанры: доклад, выступление, реплика, официальный депутатский запрос, вопрос, информация, дискуссионное выступление.

Структура политического доклада имеет общие черты с научным докладом: обоснование темы; показ разных аспектов темы; постановка проблем; описание возможных путей их решения; аргументация выбора именно данных путей; детальный перечень условий проведения определенных действий.

Дискуссионное выступление – это монологическая речь, содержащая элементы полемики. Цель дискуссии – поиск приемлемого решения, но одновременно это и поиск истины, единственно правильного решения, поскольку в парламенте ставится задача совместного уяснения какого-то дискуссионного вопроса. Информативность и доказательность доводов в парламентском споре первостепенны.

Реплика – краткое возражение, замечание, высказывание с места по содержанию речи оратора. Основные побудительные мотивы выступающего – кооперация, конфликтность, солидарность.

В мировой практике парламентский дискурс является основным объектом исследования теоретиков политической коммуникации, однако, в России в связи со спецификой ее парламентаризма, а также определенным тяготением парламентской коммуникации к аппаратным формам она оказывается изученной недостаточно и, более того, привлекает куда меньший интерес по сравнению с публичной коммуникацией.

Литература:

Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации М., 1991; Культура парламентской речи. М., 1994.

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ДИСКУРС

Президентский дискурс представляет собой сложное многомерное речевое образование, характерными чертами которого являются: 1) статусно-ролевая природа речевого поведения главы государства; 2) преобладание серьезного модуса общения и социальная обязанность следовать стилевым требованиям формальной (официальной) коммуникации; 3) президентская речь интерпретируется как политическое действие; 4) помимо сообщения и воздействия выступления президента выполняют регулятивную, познавательную функции, а также функцию конструирования общественного мнения; 5) выступления президента принадлежат системе публичных коммуникаций; 6) для выступлений политического лидера характерно сложное взаимовлияние и взаимозависимость устной и письменной формы речи; 7) преобладание речевых ситуаций подготовленного устного выступления политика; 8) президентский текст опосредован СМИ; 9) определенный тематический репертуар; 10) глава государства как субъект речевого действия обладает широкими коммуникативными возможностями; 11) ценностные предпочтения граждан во многом структурируют выступления президента.

В выступлениях президентов наблюдается пересечение признаков: по форме – устная (спонтанность, необратимость, многоканальность) / письменная речь (четкая структура содержания и формальной организации, вычленение отрезков, планирование текста), по содержанию – книжный стиль (официальный характер, самостоятельность текста, тщательная предварительная подготовка) / разговорная речь (зависимость от ситуации). Элементы разговорной речи (разговорная лексика, разрыв синтаксических связей) на фоне книжного текста ощущаются как проявление личностного начала. Они несут контактоустанавливающую функцию, усиливая речевое воздействие на адресата.

Возможными направлениями изучения президентского дискурса являются: 1) Разработка принципов описания политического текста для

мониторинга тенденций в сфере общественного сознания. 2) Описание идиостиля политического лидера. 3) Изучение тематического своеобразия выступлений президента. 4) Выявление ключевых слов президентского дискурса, наблюдение над изменением их состава, значений и смысла; выяснение причин возникновения новых смыслов, вбирающих в себя значение, индивидуальность автора и дух времени. 5) Изучение жанровой структуры президентского дискурса, жанровых предпочтений и новых речевых форм деятельности главы государства. 6) Исследование концептуального пространства президентского дискурса (какие концепты составляют центр и периферию, каково содержание базовых концептов и как изменяется их содержание во времени). 7) Сопоставительный анализ выступлений российских президентов, а также выступлений российских и иностранных президентов. 8) Изучение зарубежного опыта исследования президентского дискурса. 9) Экспликация идеологических представлений политика. 10) Изучение невербальных знаков семиотического пространства президентского дискурса.

В президентском дискурсе четко проявляются взаимосвязи речевой организации общества с государственным устройством, представлен «языковой вкус эпохи». В выступлениях президента находит выражение характер объективной действительности в виде основных идей своего времени, что позволяет описать ментальный мир социума в определенный исторический период.

Литература:

Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб., 2004; Ильин А., Кадацкий В.Ф., Никифоров К.В., Пихоя Л.Г. Отзвук слова. Из опыта работы спичрайтеров первого президента России. М., 1999; Тамзина А.Т. Проблемы современной американской президентской риторики. Абакан, 2001; Campbell K.K., Jamieson K.H. Deeds done in words: Presidential rhetoric and the genres of governance. Chicago, 1990; Dorsey L.G. (Ed.). The presidency and rhetorical leadership. College Station: Texas A&M University Press. 2002.

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОРТРЕТ В.В. ПУТИНА

Современное политическое пространство концептуализируется политиком в терминах ин-

тереса, единства, государства, стратегического партнерства. В системе политических представ-

лений В.В. Путина доминируют экономические ценности.

Излюбленными эпитетами по отношению к явлениям и предметам новейшей истории служат прилагательные *стратегический, ключевой, эффективный*. Политическими маркерами новейшей истории можно считать словосочетания: *ключевая задача, стратегическое партнерство, эффективное государство, сильная Россия, рядовой гражданин*.

По отношению к отрицательным проявлениям современной жизни политик предпочитает употреблять определения с приставкой не-, маркируя средний член на оси «хороший – нехороший – неплохой – плохой». Иными словами, В.В. Путин предпочитает не драматизировать ситуацию, смягчает категоричность отрицательных оценок деятельности политических и экономических субъектов.

На лексическом уровне В.В. Путин стремится к отчетливому представлению того или иного положения, обстоятельства. В связи с этим наблюдается тенденция к постоянному употреблению определений: *четкий, ясный, реальный, конкретный, определенный*.

Отличительной особенностью выступлений политика является то, что он не использует слова со стилистической пометой «высокое». Добавим, что В.В. Путин редко цитирует произведения русских классиков, предпочитая им пословицы и поговорки.

В дискурсе политика в малой степени осуществляется процесс познания нового, нет специализации конкретного значения, идет процесс не от вида к роду, а сразу же дается родовое слово, причем часто это слово иностранного происхождения.

Отметим характерные для дискурсивного портрета В.В. Путина стилистические приемы: категорическая императивность, осложненные повторения, кавычки, усиление рациональной аргументации, парцелляция. Отличительной чертой

речей В.В. Путина является их деловой и рациональный характер.

Для дискурса политика характерна особая логичность изложения, так называемая интеллектуальная экспрессивность, которая проявляется в редком использовании синонимии, а также в широкой представленности подчинительных связей внутри сложного предложения, в употреблении количественных наречий, в последовательности изложения (во-первых, ... в заключение).

В дискурсе В.В. Путина преобладает модальность долженствования, которая определяет его как человека, занимающего властную позицию; отвлеченность и безличность.

В.В. Путин придерживается концептуального взгляда на мир. Политик исходит из определенной идеи, которая признается доказанной. Обосновывать не нужно, так как всем хорошо известен «опыт цивилизованных стран». Предполагается, что все согласны с политическими ориентирами, которые провозглашает лидер. В выступлениях В.В. Путина концептуализация действительности осуществляется с помощью образования отглагольных существительных (*переход, надзор, проработанность, наведение* и др.). Глагол превращается в имя, которое конструирует предмет как будто это реальный, материальный феномен, приравнивающий слово к вещи. Добавим, что установка на гиперонимы отражает современное понятийное мышление, которое развивается в системе, перегруженной «идеями», идеологически несовместимыми, несводимыми друг к другу, взаимно противоречивыми, о чем свидетельствует государственная символика и государственные праздники новой России.

Литература:

Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб., 2004.

ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ

Инаугурационная речь ритуально важный политический текст, который занимает высокое положение в системе политической коммуникации. Первое выступление новоизбранного

президента формулирует идейную основу для объединения общества на новом этапе развития страны. Инаугурационную речь можно рассматривать как речевое, так и политическое

действие. Произнесение инаугурационной речи является политическим действием, так как факт произнесения речи является актом формального введения нового президента в должность.

Задачи, которые ставят перед собой инаугурационные выступления, состоят в объединении нации и артикуляции ценностей, которые доминируют в настоящее время в обществе. В инаугурационных речах обсуждается коренной вопрос любой идеологии – вопрос о том, что значит быть гражданином своей страны.

Инаугурационная речь как один из основных идеологических инструментов политической коммуникации создается группой людей, хотя личностное начало вступающего в должность президента ощущается достаточно сильно.

Инаугурационная речь является хвалебной речью по торжественному случаю, произносится на торжественном собрании, прославляет народ и систему власти, соединяет прошлое и будущее, относится к настоящему времени, использует возвышенный стиль, прибегая к усилению и преувеличению. Общий риторический настрой инаугурационных речей отличает возвышенность, пафос объединения усилий, торжественность, образность, что подчеркивает важность и уникальность политического события.

Обязательные устойчивые компоненты композиционной структуры выступления: обращение к адресату сообщения; положительная оценка деятельности бывшего президента; благодарность сторонникам, отдавшим свой голос за избранного президента; обращение к избирателям, которые голосовали за других кандидатов; определение цели развития страны; уверенность в возможности реализовать поставленные задачи;

обещание президента достойно выполнять свои обязанности; кульминационный финал.

В инаугурационных выступлениях президенты обращаются к теме единства нации, к историческому прошлому; подчеркивают значимость момента и новизну ситуации; говорят о необходимости преобразований, определяют роль и персональную задачу президента. Общими семантическими макропропозициями являются утверждения: избрание на пост главы государства – это высокое доверие и честь; народ выразил свою волю, избрав президентом именно этого кандидата; президент будет действовать в соответствии с Конституцией, выполняя присягу; цель деятельности главы государства – повышение благосостояния народа; для достижения цели важна помощь и поддержка всех граждан; основные задачи президента – государственные интересы и служение народу; президент уверен в улучшении ситуации.

Инаугурационная речь – содержательная сердцевина театрализованного политического события, сопровождающего вступление нового президента в должность, – своеобразного праздника государственности. Подчеркнутая театральность определяет патетический, местами высокопарный стиль инаугурационной речи, акцентирующий внимание на неординарности ситуации и величии момента.

Литература:

Гаврилова М.В. Инаугурационная речь: идеальный проект дела и идейная основа объединения общества // Политическая наука. 2009. № 4. С. 138–156; Инаугурационные речи президентов США. М., 2001; Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр интеграции // Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Когнитивный подход к изучению политического дискурса ориентирован на решение практических задач по разрешению сложных общественно-политических ситуаций, а также

позволяет моделировать и строить предсказывающие модели будущего.

Когнитивное исследование осуществляется в нескольких направлениях: концептуальный

анализ, операционный код, исследование концептуальной метафоры, моделирование переговорного процесса, когнитивное картирование.

Концептуальный анализ политического дискурса является одной из наиболее актуальных задач когнитивной науки. В настоящее время можно выделить несколько методологических направлений: 1) рассмотрение контекстов употребляемых понятий, что предполагает фундаментальное изучение исторической среды, в которой развивается понятие, а также детальное исследование развития семантического поля концепта во времени; 2) восстановление иерархических структур смысла, представленных в рамках какого-либо из языков высокого уровня; 3) этимологический подход, предполагающий сопоставление концептов как минимум в пределах группы тесно связанных между собой языков; 4) вычленение и рассмотрение конкретных метафорических конструкций, что позволяет объяснять глубинный смысл понятий в пределах одного языка или же их группы; 5) лингвокогнитивные методики исследования концептов.

Операционный код обеспечивает основу для отбора когнитивных ориентаций, занимающих центральное место в системе представлений, касающихся оценки событий социально-политической жизни. Для определения центральности представлений важно знать, какие когнитивные ориентации стабильны, а какие изменяются в картине мира человека, принимающего общественно значимые решения. Операционный код выясняет следующие вопросы, отражающие подход того или иного политика к оценке события: конфликтен или гармоничен мир политики? Каковы цели деятельности политика: всеобщие и долгосрочные цели либо частные и краткосрочные? Каковы методы достижения целей? Оптимистичен или пессимистичен лидер по отношению к достижению целей? Как оцениваются политические противники?

Теория концептуальной метафоры. В соответствии с принципами когнитивистики метафора понимается как своего рода гештальт, сетевая

модель, узлы которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости. При этом метафоры могут быть выражены разными способами – не только вербально, но и жестами, культурными обычаями. Исследование концептуальной метафоры как способа осмысления социальных реалий дает важный материал для анализа способов мышления, как отдельного человека, так и общества в целом.

Когнитивное моделирование переговорного процесса позволяет рассматривать процесс переговоров между отдельными лицами, группами и организациями как взаимодействие различных структур знания.

Когнитивное картирование позволяет выявить каузальную структуру текста, что используется для анализа кризисных социально-политических ситуаций, а также для моделирования мышления человека, принимающего общественно значимые решения. На основании принятия решения в прошлом моделируется и предсказывается будущее решение лидера. Анализируя свои и чужие когнитивные карты, можно углубить понимание проблемы, улучшить качество и обоснованность принимаемых решений. Можно использовать когнитивные карты для коллективной выработки и принятия решений, а также для изменения устоявшихся стереотипов.

Литература:

Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб., 2004; Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997; Луков В.Б., Сергеев В.М. Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866–1876 гг. // Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983. С. 148–161; Когнитивные исследования за рубежом: методы искусственного интеллекта в моделировании политического мышления М., 1990; Цымбургский В.Л. Человек политический между *ratio* и ответами на стимулы (к исчислению когнитивных типов принятия решений) // Политические исследования. 1995. № 5. С. 15–33; Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001; Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Е.Г. Грибовод

МЕДИАДИСКУРС*

Медиадискурс – «это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия».

Иными словами, медиадискурс представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества, поскольку в силу своей природы отражает как языковое, так и культурное статус-кво социума. Он разнопланов и многообразен.

В настоящее время существуют разные подходы к определению и типологизации дискурса, наличие такого многообразия подходов является возможным в силу того, что «анализ дискурса – междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, семиотического направления литературоведения, стилистики и философии». Кожемякин Е.А. и Переверзев Е.В. выделили два подхода к изучению медиадискурса на основании различия аспектов медиадискурса.

«Согласно первой из них, медиадискурс есть такой тип дискурса, который фиксирует сущностные – когнитивные и коммуникативные – характеристики речемыслительной деятельности, проявляющиеся исключительно в информационном поле масс-медиа». Рассматривая дискурс в таком направлении, можно его сравнить с политическим, религиозным, научным дискурсом, поскольку различия будут заключаться лишь в некоторых модификациях параметров дискурса.

«Согласно второй точке зрения, выделение медиадискурса в самостоятельный тип дискурса происходит на основании несколько иных критериев, нежели традиционное выделение институциональных дискурсов (политического, религиозного,

медицинского, научного, медицинского и проч.)». Медиадискурс рассматриваемый как любой вид дискурса, реализуется в сфере массовой коммуникации.

Фактически в современных исследованиях сложилось несколько традиций исследования медиадискурса, каждая из которых непосредственно строится на той или иной его трактовке, которая, в свою очередь, в значительной степени зависит от исследовательской традиции, от тенденций развития научной отрасли, от инновационных достижений исследователей и исследовательских групп и, в конце концов, от установок и мотивов самого исследователя.

Таким образом, параллельно с различными дискурсами формируется медиадискурс, в котором возрастает значение коммуникационных операций граждан в сочетании с элементами интерактивного общения с аудиторией. В настоящее время всё шире используют как «традиционные» массмедиа, так и сетевые, массовая коммуникация формирует новые характеристики медиадискурса, свидетельствующие о его демократизации.

Литература:

Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика». 2006. № 2. С. 21; Иванова С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. – Вып. 1 (24). – Екатеринбург, 2008. – С. 29; Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 276; Кожемякин Е.А., Переверзев Е.В. Подходы к изучению медиадискурса в современной междисциплинарной среде // Журналистика и медиаобразование-2008: сб. трудов III Междунар. науч. – практ. конф. (Белгород, 25–27 сентября 2008 г.): в 2 т. Т. II / под ред. проф. М.Ю. Казак, проф. У. Перси, проф. А.В. Полонского, доц. Е.А. Кожемякина. – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 39.

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС

Интернет-дискурс – это термин, касающийся речевого действия, которое осуществляется посредством компьютерных коммуникаций, сети.

Несмотря на многообразие терминов – «Интернет-дискурс», «компьютерный дискурс», «электронный дискурс», «виртуальный дискурс»,

«сетевой дискурс» – в целом это тождественные понятия, которые представляют собой коммуникативные действия, связанные с обменом информацией и общением между людьми посредством компьютера, различных средств связи.

В настоящее время в Интернет-дискурсе как виде институционального дискурса выделяют Веб-дискурс, дискурс электронной почты (e-mail), дискурс асинхронного (форумы – Bulletin Board System, гостевые комнаты, конференции) общения и дискурс синхронного (чаты (IRC), айсикью (ICQ), SMS-сообщений, игры) общения в Интернет-среде.

Карасик В. И. выделяет два основных типа дискурса, базирующихся на противопоставлении письменного и устного текста. Точно также, Интернет-дискурс может быть персональным (личностно-ориентированным) (переписка по электронной почте, общение в чатах) и институциональным (общение на конференциях, участие в форумах, рекламно-информационные доски объявлений).

Интернет-дискурс как вид коммуникативного общения имеет следующие конститутивные признаки: анонимность, виртуальность, дистантность, интерактивность, креолизованность текста, одновременность, креативность участников и т. д.

Интернет-дискурс как разновидность институционального дискурса обладает следующими признаками, отражающими сложившиеся принципы компьютерно-опосредованной коммуникации: электронный сигнал как новый тип письменного общения; виртуальность общения с воображае-

мым, неизвестным собеседником; дистантность участников компьютерного общения; опосредованность связи между коммуникантами; статусное равноправие, точнее, отсутствие возможности «познания» друг друга; наличие графических средств для выделения актуальной информации, включая гипертекст, позволяющий изменять, дополнять, стирать, исключать или включать идеограммы, мелодии, видеоклипы; возможность комбинирования, смешения, креолизации текстов; фиксация эмоций, воли и состояния отправителя с помощью особых символов, «смайликов» и общепринятых команд, жаргонных кодов; владение компьютерной этикой, представляющей собой совокупность норм поведения коммуникантов.

Литература:

Горошко Е.И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи: Сборник науч. ст. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. – Вып. 5. С. 370–389; Галкин Д. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна // Критика и семиотика. – Вып. 1–2. 2000. С. 26–34; Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смылова О.В. Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 11–39; Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. «Машина как Машина»: отношение жителей мегаполиса к новым информационным технологиям (на примере г. Екатеринбурга). Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 156 с.; Овчарова К.В. Компьютерные чаты в Интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования. Автореферат дис. кандидата филологических наук. Краснодар, 2008. 26 с. // [Электронный ресурс]. URL: www.kubsu.ru/index.php/rus/content/download/5233/20537/file/ (дата обращения: 28.12.2010); Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

Социально-политическое проектирование – определенный вид деятельности, направленный на развитие социальной и политической сферы, организации эффективной работы и преодоление различных социально-политических проблем. Трудно представить себе государственную социальную политику без применения проектных технологий. Многие страны используют этот вид деятельности для реализации своих практических задач. Социальное проектирование нельзя рассма-

тривать узко только, как способ или технологию достижения ожидаемого результата в социально-политической сфере, как это считалось раньше. В настоящее время акцентируется внимание на более значимой и обширной по объему задаче – утверждение в социально-политической практике проектного мышления (или мышления проектами).

Существует множество определений понятия «социальное проектирование». «Социальное

проектирование – это конструирование индивидом, группой или организацией действия, направленного на достижение социально значимой цели и локализованного по месту, времени и ресурсам». Широко распространено определение, которое обобщает различные типы проектирования и сводит к концептуальным основам менеджмента «Социально-политическое проектирование – это программа (комплекс мероприятий), в соответствии, с которой будет осуществляться деятельность вашей организации (объединения) по решению социально – значимой проблемы с полным ее обоснованием и оценкой результатов».

Поскольку социальное проектирование это прикладной способ любых технологических разработок, то принято выделять философию социального проектирования. Философия социального проектирования в рамках тезаурусного подхода базируется на ряде принципов и идей. Во-первых, эксперимент, потому что любой проект включает инновационную составляющую, для подкрепления которой необходимо эмпирические доказательства. Во-вторых, максимальное заинтересованность и привлечение людей к участию в проекте, с учетом типичного поведения человека. В-третьих, переструктурирование общества на основе ценностно-нормативной системы. Поэтому достижения солидарности является одной из возможных латентных целей социального проекта. В-четвертых, стремление создать «невозможное», так как «в творческом плане не отменяется разработка запредельных идей, и на предварительных этапах работы, включая концептуальный этап, можно «требовать невозможного», что лишь оттеняет устремление к созданию возможного». В-пятых, создания команды единомышленников, потому что «инициатор социального проекта достигает успеха там, где его проект не навязывается людям, а выбирается ими».

Таким образом, можно выделить несколько факторов, которые оказывают влияние на процесс проектирования, так и на проект в целом. Планируемый проект должен быть: ограничен в масштабе, в ресурсах, во времени и соответствовать доминирующим в обществе ценностно-нормативным требованиям. Достигнутый результат должен соответствовать по-

ставленной конкретной цели проекта. Однако необходимо рассматривать процесс создания, разработки и реализации проекта тоже как важный и ценный этап проектирования. Важным условием создания проекта является, то, что «во фрагментарном и хаотичном социальном мире целостное общественно значимых действий обеспечивается тезаурусами активной части общества (в нашем случае – тезаурусами, принадлежащими инициаторам социальных проектов)».

В настоящее время особенности развития проектирования связаны с изменением информационно-коммуникативного пространства: происходит виртуализация общества, политики, бизнеса, религии и культуры. Создание виртуальных бизнес-корпораций, аудиовизуальных коллекций, образовательных комплексов и др. на основе распределенной сети электронных коммуникаций приводит к изучению сетевой среды, позволяющей оценить широту интересов человека, разнообразие подходов к исследованию жизненных событий и статус коммуникационных отношений в обществе.

Основная цель социально-политического проектирования создание с помощью информационно-коммуникативного ресурса социальных проектов. Социальный проект как источник информации представляет собой связанные определенной зависимостью сознательно разработанные научно обоснованные характеристики, представляющих конкретные знания о будущем желаемом состоянии социальной системы или процесса.

Таким образом, социально-политическое проектирование как одна из областей человеческого познания основывается на применении различных методов сбора, представления, обработки информации, порождающих познавательный эффект. Это позволяет рассматривать его как разновидность информационной деятельности.

Литература:

Луков В.А. Социальное проектирование: учебное пособие. – 8-е изд. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета: Флинта, 2009. – 240 с.; <http://studyspu.ru/publ/23-1-0-10>; Курбатов В.И., Курбатова О.В. Социальное проектирование: Учебное пособие. Ростов н/Д: «Феникс», 2001. 416 с.

ДИСКУРСНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Дискурсная компетентность – совокупность знаний и навыков индивида, позволяющих ему согласовывать свои высказывания с динамичной структурой конкретного дискурса и трансформировать прецедентные дискурсные формы в соответствии с определенным контекстом коммуникации. Д.к. подразумевает готовность и опыт субъекта познания и коммуникации адекватно участвовать в создании и реализации дискурса. Применительно к конкретным ситуациям познания и коммуникации Д.к. может трактоваться как репертуар знаний и навыков, которые позволяют выстраивать дискурсную практику таким образом, что она оценивается как «профессиональная» или «экспертная». Из этого следует, что показателем Д.к. является сама дискурсная практика с присущей ей набором высказываний, текстов, знаковых форм.

Д.к. свидетельствует о том, насколько «свободно» индивид может ориентироваться в дискурсе и воспроизводить его, а также насколько легко он может изменять его, не разрушая его внутреннего единства. Еще одним важным показателем Д.к. является способность индивида ориентироваться в различных дискурсах и осуществлять адекватные коммуникативные действия в интердискурсном пространстве, что подразумевает относительное свободное «переключение» индивида с одного дискурсного режима на другой, его способность выразить одну и ту же мысль

в различных дискурсных режимах, не искажая при этом аутентичный смысл высказывания, адекватно распознавать и интерпретировать высказывания, принадлежащие различным дискурсным средам.

Д.к. имеет, по крайней мере, два значимых аспекта. Во-первых, это *социокультурный* аспект, включающий в себя знание, понимание социальных целей и задач, следование им в процессе дискурсной практики, а также знание и понимание культурных концептов и интериоризацию культурных ценностей. Неадекватное представление или нарушение принятых в культуре целевых установок может свидетельствовать о дискурсной некомпетентности. Этот аспект также подразумевает дисциплинарное специфичное знание (например, знание о способах лечения заболеваний в медицинской среде), специфичный опыт (например, опыт продаж в коммерческой среде), знание специфичных социокультурных и институциональных ритуалов и навыки выполнения их (например, организация лекционного материала в преподавании). Во-вторых, это *когнитивно-коммуникативный* аспект, который, в свою очередь, выражает знания и опыт в сфере композиции текстов, жанров и стиля дискурса, прогнозирования развития дискурса, реконструкции значения высказываний, выбора адекватного коммуникативного канала, идентификации источника и приемника информации и т. д.

ДИСКУРСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ

Культура представляет собой один из тех предметов научного познания, изучение которого сопряжено с более или менее очевидными трудностями терминологического и методологического характера. Научное использование этого понятия достаточно часто основывается на принципе «контекстуальной чувствительности», согласно которому их значение не проясняется, эксплицитно не фиксируется, но приобретает те или иные се-

мантические оттенки в зависимости от контекста употребления. Более того, перед исследователями стоит ряд дилемм: следует ли получать знание о культуре на основе построения ее абстрактных моделей и рационализации ее ключевых параметров, или же получать это знание на основе «погружения» в культурную повседневность и эмоционально-экзистенциального переживания культурных феноменов? Влияет ли используемый

метод познания культуры на результат научного исследования, или же метод и «истина» о культуре не связаны друг с другом? Является ли само научное наблюдение за культурой культурным процессом (то есть – частью наблюдаемой культуры), или же рефлексивный взгляд исследователя не детерминирован объектом его наблюдения?

Столь неоднозначное использование понятия «культура» и наличие нерешенных вопросов методологии изучения культуры не только порождает разнообразие научных дисциплин, подходов и школ, не только отражает многогранность и глубину самого предмета изучения, но и приводит к попыткам формирования общей методологии культуры, которая могла бы объединить зачастую разрозненные дисциплинарные исследования культуры. Одним из таких методологических междисциплинарных проектов является дискурсный подход (дискурс-анализ), который не пересматривает базовые представления о культуре, к чему часто прибегают неклассические методологические схемы анализа, а синтезирует и развивает их, расставляя иные акценты и обнаруживая новые связи между ними.

Рассмотрение культуры в качестве предмета дискурсных исследований базируется на следующих теоретических основаниях. Под культурой понимается система идей и ценностей, а также детерминированные ею модели социального опыта, производные от всей совокупности исторически изменчивых форм социальной практики. Культура – это не просто информация о совершенном или накопленном опыте, это еще и проект возможного опыта. Следуя точке зрения Ч. С. Пирса, можно утверждать, что культура обеспечивает нас готовностью к действию определенным образом. Связь между знанием (или верой) и совершаемым действием является не прямой, а опосредованной. В качестве такого «посредника» выступает знак, который замещает собой действие, представляя и «связывая» его с иными опосредованными действиями. Любые культурные феномены выражены в знаках, а их изучение предполагает обнаружение и описание семиотического механизма, с помощью которого они актуализируются, фиксируются, хранятся и транслируются.

Весь социальный мир представляет собой систему означенных и осмысленных предметов и явлений, т. е. вовлеченных в процесс семиоти-

са. Ее иерархичность имеет ценностный генезис, причем одни предметы и явления представляются как более важные, более значимые и ценные, нежели другие. Некоторые из них обретают статус идеалов, высших регулятивных принципов (недостижимыми, но значимыми для принятия решений и осуществления практических действий); другие, напротив, не имеют такого статуса, но прочно интегрированы в повседневную жизнь и формируют у людей габитусы как образы жизни. Одним из важнейших механизмов порождения, объективации, трансляции и актуализации этой многофакторной и многоуровневой системы статусов, значений, ценностей, моделей поведения и является *дискурс*. В режиме дискурса выделяются фрагменты реальности, в нем же происходит оценивание, структурирование и переструктурирование реальности, расстановка и смещение акцентов, описывается допустимое и недопустимое поведение, фиксируются ценности и праσιологические установки, etc. В дискурсе моделируется структура и модус действия. Дискурс есть также необходимое условие формирования габитуса: поле коллективного говорения на определенные темы, в котором выделяются определенные значимые тематические аспекты, применяются логические и аргументативные «ходы», моделируется определенная коммуникативная среда – все это создает определенную модальность реальности. Поле коллективного мышления и говорения формирует представление (нередко – иллюзорное) о том, что описываемое положение вещей есть единственно возможный и допустимый порядок, и, как следствие – воспроизводство такого положения вещей с таким порядком. Дискурсные процессы делают возможным производство и воспроизводство знания, конституируют одни способы размышления о реальности и исключают другие. Они детерминируют, кто может говорить в культурном пространстве, когда и с каким авторитетом и, наоборот, кто не имеет на это права. При этом важно иметь в виду, что дискурс является не только «отражением» реальности, но и конструированием социальных смыслов и создание алгоритма социальных действий. Социокультурный феномен может иметь смысл только в процессе дискурсной практики, которая закрепляет референциально-смысловые связи и конструирует поле возможных смысловых трансформаций. В то же время

репрезентация явления в дискурсе порождает многообразие его интерпретаций. Таким образом, чтобы описать, понять и объяснить культуру той или иной общности, в определенном смысле достаточно диагностировать дискурс этой общности.

Литература:

Кожемякин Е. А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры. – Белгород, 2008; Фуко М. Археология знания. – СПб., 2004; Shi-Xu. A cultural approach to discourse. – N.Y., 2005; Jameson F. Postmodernism, or Cultural logic of late capitalism. N.Y., 2005.

КОГЕРЕНТНОСТЬ ДИСКУРСА

К.д. – связность, целостность, системное и нелинейно функционирующее единство речемыслительных действий, направленных на (вос)-производство смыслов. Дискурс возникает из некоторого противоречия или вопроса, возникшего в ходе общения и познания. В соответствии с тем, что является базовой проблемой дискурса, как в нем осуществляется проблематизация и как распределяются в дискурсном поле возможные ответы на главные вопросы, в определенном «режиме» начинают функционировать все параметры дискурса и связи между ними – предметная область, цели, языковые средства и речевые акты, когнитивные механизмы, специфика текстов, специфичные контексты реализации, характеристики коммуникативных ситуаций. Например, проблема профилактики патологий организма в медицинском дискурсе предопределяет такие значения параметров, как использование понятийных языковых средств, специальных условий общения, актуализации ситуационного или экзистенциального контекста и так далее. Подчеркнем: дискурсная практика есть не столько некоторый набор элементов, сколько система связей, делающих возможной эти элементы и «вдыхающих жизнь» в устойчивую структуру дискурса. Это система неоднородных связей. С одной стороны, «сцепление» значений параметров дискурса происходит в сознании субъекта и соответствует когнитивному уровню дискурса: мы сами решаем, например, какие языковые средства использовать для описания некоторого положения дел и сами определяем переход от темы дискурса к выбору соответствующего жанра текстов. С другой стороны, корреляция параметров дискурса определяется нашей ориентацией на собеседника (оппонента, адресата, получателя информации, слушающего). Связность и динамика нашего дискурса зависит не только от наших собственных когнитивных усилий, но и в равной степени от принуждающего

действия Другого, которое может быть и не совершено, но возможность, характер и содержание которого может предполагаться коммуникантами. Мы проецируем Другого на структуру дискурса, и это позволяет организовать элементы дискурса в единое динамичное и открытое целое.

Условно обозначим эти два типа корреляций как *ментально-когнитивные* и *социально-коммуникативные*. Ментально-когнитивные корреляции характеризуют тип связей между параметрами дискурса, которые устанавливаются на уровне сознания субъекта и репрезентируют его познавательный и речевой опыт. К корреляциям такого типа могут относиться, например, индивидуальные ценности, речевые навыки, эмоции, установки, потребности и интересы, ментальные схемы, etc. Социально-коммуникативные корреляции, напротив, выражают связи между параметрами, устанавливаемые нормативной средой коммуникации и включают в себя, например, языковые и речевые нормы, коллективные установки, «групповые привычки», «социальный тезаурус», etc. Ментально-когнитивные корреляции позволяют нам «говорить то, что думаем», а социально-коммуникативные – «говорить, не задумываясь»; ментально-когнитивные корреляции делают возможным трансформацию значения и смысла высказываний, социально-коммуникативные – воспроизводство значений и смыслов, усвоенных и накопленных в коллективном опыте. И ментально-когнитивные, и социально-коммуникативные корреляции не редуцируются к собственно дискурсу, а имеют либо психическую, либо социальную (но недискурсную) природу. К.д. возможна благодаря до-дискурсным явлениям, таким как, например, эмоции или объективные языковые нормы (например, нормы диалекта или социолекта). При этом и те, и другие могут быть обусловлены культурой, которая «программирует» определенные эмоциональные реакции индивида (например, па-

триотические чувства) и формирует определенную «грамматику семиотического кода» (например, языковые конвенции профессиональных групп).

Ментально-когнитивные корреляции однозначно выражают конструктивное отношение к языку и речи и представлены «внутренними» познавательными и эмоционально-волевыми ресурсами субъекта, тогда как социально-

коммуникативные корреляции всегда задаются извне и представлены совокупностью «внешних» норм, шаблонов и стандартов, некоторым коллективным опытом. Социально-коммуникативный «срез» дискурсивной практики позволяет обнаружить репродуктивный потенциал дискурса, а ментально-когнитивный – его конструирующий и творческий характер.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС

Регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и воспроизводящая речемыслительная деятельность, направленная на формирование, трансляцию и изменение догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта.

Р.д. строится в отношении решения проблемы веры как феномена индивидуального и массового сознания, выражающейся в принципиальной недоказуемости тезиса, фиксирующего истину, которая трактуется как высшая ценность. Р.д. используется субъектами института религии с целью сохранения, трансляции и актуализации ценностей, норм и мистического опыта. Дискурс строится относительно сохранения и изменения положения вещей, что объясняется стремлением человека к спасению и (вос)соединению с Абсолютом. Предметная область Р.д. включает в себя рационально не познаваемые явления, трактуемые как «истинно существующие» и доступные восприятию в результате мистического опыта, и характеризуется достаточно высокой степенью знаковости и метафоричности. Значимость мистического опыта, переживаний и ценностей, поддерживающих веру, является системообразующим внутренним фактором Р.д.

Языковыми средствами передачи мистического опыта являются эвфемизмы, тропы, экспрессивно-возвышенная лексика, положительные и отрицательные экспрессивы, – то, что обеспечивает не точную рационализацию референта высказывания, а его интуитивное понимание. Язык Р.д. формально и содержательно консервативен, что вызвано необходимостью сохранения догматического потенциала дискурса.

Знание в Р.д. конструируется на основе догм и мистических переживаний, а истина

понимается не как соответствие действительности, а как совпадение с Абсолютом, знание о котором зафиксировано в Сакральном тексте. Трансляция сакрального знания и опыта предполагает точное понимание религиозных максим, что достигается с помощью недвусмысленного формулирования ее базовых максим. В Р.д. достаточно широко применяются аргументативные средства, которые адаптируют канонически-догматическую основу религиозного учения к конкретным ситуациям повседневного действия, что в целом указывает на суггестивный характер Р.д.

Р.д. отличается широким спектром текстов различного жанра, в то время как их «смысловый центр» – это Сакральный текст, который содержит в себе базовые положения религии, служит ориентиром и отправной точкой в реализации дискурсивной практики. Сакральный (канонический) текст фактически представляет собой запись религиозного учения, он сам представляет собой учение, может быть использован для объяснения жизненных ситуаций и построения новых религиозных текстов. Он наделяется статусом символа веры, ее содержания и даже ее адресанта. Коммуникативные условия реализации Р.д. характеризуются жесткой иерархией базовых участников коммуникации, порядок которой определяется степенью сакральности и участия в религиозной деятельности.

В целом, содержание Р.д. выражает «внутреннее напряжение» дискурса, связанное с репрезентацией мистического опыта в языке и коммуникации. Р.д. выступает в качестве механизма актуализации ценностно-нормативных и догматических основ религии, будучи при этом высоко субъективированной деятельностью.

СУБЪЕКТ ДИСКУРСА

Субъектом дискурса выступает любой агент смысло(вос)производящей деятельности: индивиды, социальные и культурные группы, организации, институты. Так, субъектом политического дискурса могут выступать публичные фигуры политической сцены, политические партии и организации, руководители государства, политические институты и др. Важно, что идентификация «дискурсной субъектности» связывается не с принадлежностью адресанта к определенной институционализованной среде (например, политики могут быть субъектами не только политического дискурса, равно как субъектами политического дискурса могут быть не только политики), а с реализацией специфицирующих дискурс целей.

Дискурсная практика предполагает рефлексивную деятельность ее «акторов». И в этом плане дискурс имеет непосредственное отношение к субъекту: субъект, являясь условием дискурсной практики, в то же время испытывает принуждающее действие с ее стороны по отношению к себе. Эти отношения не являются диалектическими в полном смысле, поскольку субъект дискурса обладает достаточной свободой следования, интерпретации, трансформации правил дискурса.

Дискурс как процесс, в котором зарождаются, развиваются и вербализуются смыслы, создает такую ситуацию, в которой субъект не может помыслить и высказать то, что не «запрограммировано» культурой. В этой связи в дискурсологии проблематизируется связь между дискурсом, его объектом и субъектом. Говорящий субъект не идентичен субъекту дискурса в силу того, что производимые и воспроизводимые в речевой деятельности смыслы могут быть транслированы культурой, социальным порядком и проч., а значит, предполагают участие Другого (реципиента, адресата, объекта дискурса) в смыслообразовании. В то же время, оформление смыслов в ходе речемыслительной деятельности является условием идентификации субъекта. Так, в дискурсе, по выражению Фуко, «про-

изводятся субъективности» как историко-семиотические конструкторы. И даже в тех случаях, когда субъект имеет возможность выбора смыслов, она реализуется в пространстве доступных, т. е. предзаданных ему семиотических и ментальных образцов. Это обстоятельство указывает на исключительно intersubjective характер дискурса, свидетельствующий о том, что содержание дискурса в определенных условиях может быть доступно различным индивидам и при этом приводит к созданию устойчивых идентификационных схем. Дискурс реализуется не столько в субъект-объектном, сколько субъект-субъектном взаимодействии; индивиды совместно дискурсивно конструируют свои субъективности.

Субъект в ходе дискурсной практики реализует возможность влияния на культуру, трансформации ее содержания. Граница между культурным («внешним») и субъектным («внутренним») достаточно условна, поскольку культура воздействует на ментально-когнитивные процессы субъекта посредством дискурса, а субъект реализует свою трансформационную функцию в отношении культуры в ходе дискурсной практики.

В исследовательской парадигме Лакана дискурс играет первостепенную роль в когнитивных, идентификационных и бессознательных процессах, «программируемых» культурой. Дискурс формирует и «принуждает» субъекта, что в значительной мере характеризует институционализованные виды дискурса.

В то же время, по мнению Мишеля Пешё, общества и культуры вырабатывают механизмы «забвения дискурсивной несвободы» индивида. К примеру, в одних случаях индивидам «предлагается» иллюзия коллективного блага как детерминанты индивидуального счастья, в других – теории гипертрофированного Я и парадигмы индивидуализма, в рамках которых считается нормальным совпадение объекта и субъекта речемыслительной деятельности («то, что я мыслю, и то, что мыслит, – суть едино»).

Формулирование основных представлений о взаимосвязи между субъектом и дискурсом

важно еще и в том отношении, что они способствуют решению ряда этических вопросов об индивиде как объекте идеологического влияния, о свободе и ответственности субъекта в условиях общества и культуры.

Литература:

Фуко М. Герменевтика субъекта. М., 2007; Седов К.Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004; Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. – М., 2009.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и смысловоспроизводящая речемыслительная деятельность, направленная на формулирование норм, правовое закрепление (легитимацию), регулирование и контроль общественных отношений. Проблема, которая специфицирует юридический дискурс, связывается с регулированием социальных отношений между индивидами, группами и институтами, а также с контролем их полномочий (легитимности), прав и обязанностей.

Ю.д. направлен не только на точное описание положения дел в социальной реальности, но и на реализацию действий по ее изменению, что свидетельствует о специфичной для Ю.д. цели нормирования и регулирования этой реальности. Телеология Ю.д. базируется на системе социального контроля, которая создается с помощью иных институтов, уже сформированных социокультурных отношений и ценностей.

Предметная область Ю.д. включает в себя три «онтологические сферы»: «физические», эмпирически наблюдаемые объекты; «поведенческие» объекты, относящиеся к действиям и отношениям; «абстрактные» объекты, относящиеся к отвлеченным категориям, позволяющим совершать когнитивные операции с первыми двумя типами объектов. Все три группы объектов наделяются в Ю.д. ценностным статусом.

Специфика языка Ю.д. выражается в широком использовании специализированных понятий, клише и канцеляризмов, устойчивым использованием ограниченного спектра жанрово-стилистических средств, низкой контекстуальностью и т.д. Язык Ю.д. фиксирует своего рода примат нормативной картины мира над обыденной и свидетельствует о его подчиненности цели нормализации отношений.

Юридическое познание носит «диагностико-оценивающий» характер, а специфика предметов Ю.д. такова, что познающий субъект стремится к максимально точному недвусмысленному их описанию. Ю.д. специфичен наличием жестких требований к логико-аргументативным процедурам рассуждения. По своему результату юридическое познание адаптивно или генеративно по отношению к иным типам институционального познания (основывается на знании и формирует знание, характерное для иных институциональных сфер). Для Ю.д., как и для научного дискурса, характерным является то, что оценка истинности высказываний осуществляется на основе их соответствия не только внеязыковой реальности, но и прецедентным текстам, высказываниям, понятиям, а также формально-логическим нормам.

Юридические тексты содержат и раскрывают базовые понятия юриспруденции, включают в себя критерии оценки правомерности действий, описывают технологию правореализации, создают информационные прецеденты, обладают ценностными характеристиками, а также понимаются и как репрезентированная реальность, и как социокультурный конструкт.

Контекстуальность Ю.д. определяется такими его специфичными чертами, как прецедентность, стилистическая формализованность, «текстоцентричность», обязательность и семантическая определенность категорий, норм и конвенций, что в совокупности снижает значимость индивидуального контекста интерпретации юридических текстов. Строгие требования к организации хронотопа юридической коммуникации, делают Ю.д. в высшей степени ситуационно-обусловленным и в то же время легитимируют его.

Коммуникативный параметр юридического дискурса обладает рядом специфичных свойств, к которым относится, во-первых, высокая сте-

пень формализации, иерархичности и консервативности отношений между коммуникантами; во-вторых, универсальный характер сообщений, в соответствии с которым социальный или коммуникативный статус индивида не предопределяет

силу закона; и, в-третьих, директивность коммуникативного акта (невосприятие или невозможность декодирования сообщения в юридической коммуникации отнюдь не является основанием считать коммуникативный акт неэффективным).

Е. А. Кротков

АРГУМЕНТАЦИЯ

В соответствии с требованием обоснованности продуктов научного дискурса, формулируя какое-либо положение (высказывание), относительно истинности которого могут возникнуть сомнения, принято приводить в его защиту доводы (аргументы), т. е. высказывания, истинность которых могла бы способствовать признанию этого положения другими членами научного сообщества. Среди всего многообразия видов аргументативного рассуждения мы остановимся на доказывании, опровержении, подтверждении (верифицировании) и фальсифицировании.

Доказывание как поисковая речемыслительная деятельность реализует потребность человека в получении достоверных высказываний. «Алгоритм» Д. таков: 1) Фиксирование исходного знания: предположительно истинное для субъекта S высказывание B о предметной области D , не содержащееся во множестве ранее признанных высказываний W этого субъекта. 2) Постановка вопроса «В силу каких истинных для S высказываний A_1, \dots, A_n из корпуса знаний W истинность B будет также несомненна?». 3) Подбор истинных высказываний A_1, \dots, A_n из W , удовлетворяющее условию $A_1, \dots, A_n \vdash B$ (знак \vdash обозначает, что B получено из высказываний A_1, \dots, A_n по дедуктивным правилам V , приемлемых для S). 4) Признание рассуждающим высказывания B в качестве достоверного.

Предложенная трактовка Д. ставит его (как, впрочем, и любого другого научного рассуждения) в зависимость от субъекта рассуждения, его знаний и логических средств. Научное сообщество стремится, как правило, достичь консенсуса по поводу параметров W , D и V и выработать на этой основе интерсубъективную модель Д., в которой отсутствуют ссылки на субъект рассуждения. Однако

этого достичь удастся не всегда (ср., к примеру, различие логических принципов Д. у сторонников интуиционистской и классической математики). Во всяком случае, предложенная модель Д. учитывает общеизвестные факты, когда то, что является доказанным для одних, не является таковым для других.

В математике (и теоретической логике) для обозначения «готовой» последовательности ранее подобранных аргументов A_1, \dots, A_n , из которых дедуктивно выводимо обосновываемое высказывание B , употребляется термин «доказательство». Понятие «Д.» в этих науках отражает процесс построения этой последовательности, а понятие «доказательство» – его результат.

Д. не следует смешивать с «доказательствами», какими они мыслятся в *юридическом дискурсе* – с вещественными факторами, устными свидетельствами и документами, которые, по мнению суда, подтверждают следственную версию. Высказывания, в которых отображаются эти «доказательства», входят в состав аргументов юридического Д. В судебном разбирательстве действует ряд принципов, строго регламентирующих понятие «Д.». Все доказательства, которые по природе своей могут быть представлены в словесной форме, должны быть представлены суду именно в этой форме. Фактологические данные, чтобы иметь статус аргументов, должны быть признаны таковыми уполномоченным на то субъектом в установленном законом порядке, а процедура обоснования предлагаемой квалификации рассматриваемого деяния должна быть приведена строго в соответствии с содержанием соответствующей процессуальной нормы. Очевидно, что понятия Д. в юриспруденции и в математике существенно различаются. Д. базируется на допущении, что

субъект рассуждения способен отличить истинное от желаемого, логическую необходимость от внелогических соображений в оценке оснований перехода от признания одних высказываний к признанию других. В большей мере Д. подходит для дискурса формальных научных дисциплин, в меньшей – для дискурса эмпирических наук. Что же касается социально-гуманитарных научных дисциплин (включая и юридический), то в них аргументация часто опирается на метафоры, разнообразны риторические приемы, позволяющие склонить к принятию тезиса речевыми средствами воздействия на чувства человека, а не только на его разум.

Подтверждение (верифицирование) является рассуждением, составляющим речемыслительный аспект верификации как методологической процедуры эмпирических научных дисциплин. В отличие от доказывания, результатом которого считается полное обоснование доказываемого положения (в рамках некоторой теории), П. имеет целью лишь частичное его обоснование. Оно направляется задачей повышения правдоподобия определенной гипотезы H и реализуется в три этапа: 1) Подбор рассуждающим номологического высказывания $H \supset E$, воспроизводящего закономерную обусловленность наблюдаемых признаков E ненаблюдаемыми факторами H . 2) В случае обнаружения E строится вывод: $H \supset E, E \dashv H$ (где \dashv – знак индуктивной выводимости по типу обратной дедукции). 3) Признание рассуждающим гипотезы H более правдоподобной, чем она была ранее. Консеквент E номологического высказы-

вания обычно представляет собой конъюнкцию нескольких прогнозов. Правдоподобие гипотезы H будет возрастать по мере увеличения числа ее подтвержденных нетривиальных следствий («предсказаний»).

Опровержение – это рассуждение, задача которого состоит в полном обосновании ложности некоторого высказывания (положения, точки зрения) B , т.е. в доказывании его логического отрицания $\neg B$ (символ \neg означает логический союз «неверно, что»). Алгоритм О. таков: 1) Фиксирование исходного знания: предположительно ложное высказывание B . 2) Постановка задачи: показать, в силу каких истинных высказываний A_1, \dots, A_n , отличных от B , ложность последнего, т.е. истинность высказывания $\neg B$, не вызывает сомнений. 3) Подбор истинных высказываний A_1, \dots, A_n , удовлетворяющих условию $A_1, \dots, A_n \vdash \neg B$ (символ \vdash означает дедуктивную выводимость $\neg B$ из посылок A_1, \dots, A_n). 4) Признание ложности высказывания B .

Фальсифицирование имеет сходство с опровержением в том плане, что их логической основой является дедуктивный вывод. Фальсифицирующее рассуждение направляется задачей поиска возможных контраргументов эмпирического характера в отношении проверяемой гипотезы. Фальсифицированной гипотеза считается, как правило, тогда, когда несколько ее значимых эмпирических прогнозов не сбываются. Эта традиция с логической точки зрения может показаться странной, однако ее корни надо искать в другой плоскости – в погрешимости процедур любого фактологического исследования.

ИДЕНТИФИЦИРОВАНИЕ

Этот вид научного рассуждения характерен для многих когнитивных практик. И. применяется в поисковой деятельности литературоведа, решающего задачу установления личности автора произведения художественной литературы, под которым стоит подпись вымышленного лица; историка, устанавливающего личность известного участника исторического события, отметившегося в нем под вымышленным именем; следователя, разыскивающего скрывшееся с места преступления лицо, совершившее это преступление, и т.д.

Вопрос, которым направляется И., формулируется так: «Какой из ранее выделенных объектов b_1, \dots, b_n является идентичным искомому объекту a ?». Номологической посылкой умозаключения такого рассуждения является высказывание, имеющее следующее логическое содержание: $\forall x (Yx \supset (\delta \equiv \dot{a}))$, т.е. «Любой объект x , имеющий признак индивидуальной идентичности Yx , является тем же, что и объект a ». В эпистемологическом плане оно означает, что объект a , сохраняя свою идентичность, т.е. идентифици-

ционное свойство Y , может, тем не менее, предстать в разных контекстах своего существования (временных, пространственных, биологических, социальных и т. п.) как другой объект, утрачивая при этом какие-то одни свойства и приобретая другие. Идентифицирование индивидуальности, составляющее цель и конечный результат «вычисления» эмпирических объектов, основывается на некоторых постулатах теоретического характера. Считается, в частности, что, несмотря на непрерывные изменения, которые претерпевает эмпирический объект, в некотором временном интервале он сохраняет свою качественную определенность – как объект данного вида, и индивидуальную специфику (идентичность) – как этот, а не другой объект (данного вида).

Допустим, рассуждающему удалось установить, что свойство Y имеется у объекта b_i . После этого выстраивается дедуктивное умозаключение по схеме $\forall x (Yx \supset (\delta \equiv a)), Yb_i \vdash (b_i \equiv a)$. В итоге формулируется результат рассуждения: «Искомым является объект b_i ».

В качестве признака индивидуальной идентичности Y может выступать какой-либо отдельный фактор объекта a , отражающий некое уникальное свойство этого объекта: почерк, особенность речи – в текстологическом исследовании; «рисунок» кожных покровов пальцев, ладоней, протектора колеса, запах одежды – в криминалистическом исследовании, место данного числа в некоторой последовательности чисел и т. п. Такого рода фактор можно назвать абсолютно уникальным признаком. Однако не всегда рас-

суждающий располагает такой информацией об объекте в начале поиска. И только определенная констелляция неспецифических признаков, формирующаяся в процессе поиска, может стать – в строго определенном контексте – уникальной его характеристикой.

И. типично и для формальных наук. Обычно идентификационные процедуры математического и логического характера принято называть вычислениями. Они трактуются как последовательности операций с символами (цифрами, буквами, «словами»), осуществляемые по формальным алгоритмам. Тем не менее, их основу составляет И. со всеми его атрибутами, включая построение вывода. В условиях вычислительных задач этих наук содержатся параметры, функциональная (номологическая) зависимость между которыми такова, что предметное значение одного из них детерминруется значениями других. «Какое число, которое, будучи помножено на 12, даст 36?». В этом вопросе выражение «число, которое, будучи помножено на 12, даст 36» является предметным функтором. Роль такого рода идентифицирующих выражений состоит в выделении одного-единственного объекта (это может быть один предмет, либо их упорядоченная пара, тройка и т. д.) из некоторой предметной области (в примере – из множества целых чисел) посредством задания абсолютно уникального признака (в примере – уравнения « $x \times 12 = 36$ »). В реальной мыслительной практике для получения ответа на вопрос вычислительной задачи нередко требуется привлечение не одной, а нескольких функций.

КВАЛИФИЦИРОВАНИЕ

В этой разновидности *научного дискурса* решается вопрос о принадлежности исследуемого объекта к определенному таксону некоторой классификации. Таксонами могут быть виды веществ (металлы либо неметаллы, среди металлов – железо, цинк, золото), виды состояний объектов (болезнь, т. е. отклонение от нормы, либо здоровье (норма), среди болезней – корь, тиф, туберкулез), виды уголовно наказуемых деяний (хищение чужого имущества, а среди них – кража, мошенничество, грабеж) и т. п. Любое

квалификационное рассуждение предполагает заданной некую систематику, или классификацию, объектов определенной природы. Имеется в виду естественная классификация, в которой ее таксоны выделяются по существенным характеристикам (признакам) объектов. Наиболее известны классификации в науках о животном и растительном мире (Линей, Бюффон, Ламарк), классификации болезней, химических элементов (Д. И. Менделеев). Таксон – это не просто общее имя некоторого множества однотипных объектов.

Каждый таксон определенной классификации представляет собой, как правило, когнитивную модель, минитеорию этих объектов, своеобразный накопитель «готовых» научных знаний о них. Установив, что объект принадлежит таксону T определенной классификации, диагност приобретает лишь номинальное знание о нем. Однако он сразу же получает возможность трансляции (переноса) на этот объект ранее накопленных наукой фактуального и номологического знания об однотипных с ним объектах.

Основное содержание одного из видов таксонов – назовем их эмпирическими – имеет двухуровневое строение. Феноменологический уровень этих таксонов состоит из наблюдаемых признаков объектов, а ноуменальный уровень – совокупности ненаблюдаемых признаков, характеризующих, как правило, сущностные аспекты этих объектов – причинные факторы, внутреннее строение и функциональные перестройки. Отнесение некоторого объекта к одному из эмпирических таксонов осуществляется на основе идентификационного комплекса – совокупности наблюдаемых признаков, достаточной для того, чтобы включить данный объект в объем соответствующего таксона. К примеру, врач определяет принадлежность страдания пациента к определенной болезни по выявленной методами клинического наблюдения симптоматике, типичной для данного заболевания.

Другая разновидность таксонов – назовем их теоретическими – характеризуется тем, что их идентификационный комплекс состоит исключительно из признаков, конституирующих идеальные объекты. Теоретическими являются, к примеру, таксоны формальных наук. Так, для математического таксона «ромб» его содержание

может быть задано дефиницией «плоская геометрическая фигура, замкнутая, ограниченная четырьмя сторонами, все стороны которой равны».

В общем плане алгоритм квалификационного рассуждения можно описать последовательностью следующих когнитивных операций: 1) Формулирование исходного знания: предположение о том, что объект a принадлежит к какому-либо из таксонов данной классификации. 2) Постановка (основного) вопроса: «К какому именно из таксонов T_1, \dots, T_n данной систематики относится объект a ?». 3) Если результатом фактологических исследований оказывается обнаружение у объекта a идентификационного комплекса Q_i одного из таксонов T_i (символически: $Q_i \supset T_i$) данной систематики, то это обстоятельство детерминирует построение рассуждающим дедуктивного умозаключения $Q_i \supset T_i, Q_i \vdash T_i$. 4) Формулирование ответа на основной вопрос рассуждения: «Объект a принадлежит таксону T_i ».

Важно подчеркнуть: типовое содержание семиотических зависимостей $Q \supset T$, методы и средства исследования берутся рассуждающим из арсенала априорного, т. е. нормативного заданного предметного и методологического знания, а не изобретаются им самим. В качестве наличного, «готового», априорное предшествует любому квалификационному поиску и канализирует его, предопределяя тем самым спектр возможных результатов этого поиска. Методологическую основу K составляют принципы познания целого по его части, причины – по ее действию, сущности – по явлению. Логической основой такого рассуждения, т. е. механизмом включения объекта в таксон и проецирования на этот объект ноуменального знания, является дедуктивное умозаключение (вывод).

ОБЪЯСНЕНИЕ

Главное в O . как специфической научно-познавательной процедуре состоит в поиске связи наблюдаемого явления с его скрытой от непосредственного наблюдения причиной. Выделим две основные разновидности O .: индуктивно-номологическую и телеологическую. Индуктивно-номологическое O . исполь-

зуется в познании тех областей природной и социальной реальности, в которых имеют место номологические зависимости (лат. *nomos* – закон). В этих областях объяснить явление – значит мысленно «подвести» объясняемое явление под один или несколько известных науке законов, или «вывести» его из них. Так, явление электро-

проводимости вещества выводится из законов электродинамики, морские приливы и отливы – из законов механики. Законы науки представимы в форме номологических высказываний. В символической записи им соответствует схема $H \supset E$, воспроизводящая природную либо социальную, причинную или функциональную обусловленность одних факторов E другими факторами H и имеющая следующее содержание: «Если имеет место фактор типа H , то всегда наступает явление (фактор) типа E », где H – достаточное условие возникновения любого фактора типа E . Общая структура простейшего вида номологического O . такова: 1) Формулируется исходное знание – достоверное единичное суждение E , описывающее объясняемое явление (пример: «Данная нить порвалась»). 2) Ставится вопрос: «В силу какого фактора H возникло объясняемое явление E ?» (в примере: «Почему данная нить порвалась?»). 3) Рассуждающий подыскивает в корпусе имеющихся у него знаний подходящую номологическую зависимость $H \supset E$ (в примере: «Если нить нагружена выше предела ее прочности, то она разрывается»). 4) Строится индуктивный вывод $H \supset E$, $E \nmid H$, где \nmid знак индуктивной выводимости, в данном случае – по типу обратной дедукции (в примере: «Если нить нагружена выше предела ее прочности, то она разрывается. Данная нить порвалась. Следовательно, данная нить нагружена выше предела ее прочности»). 5) Формулируется результат рассуждения: «Причиной ситуации E является, по-видимому, ситуация H » (в примере: «Возможно, причина разрыва нити состоит в превышении подвешенного к ней груза предела ее прочности»). Далее, если рассуждающему заранее известно, что у объясняемого явления может быть и другая причина Q , ему необходимо попытаться фальсифицировать ее. Если это удастся, то гипотеза H приобретает статус достоверного причинного диагноза.

Нетрудно заметить существенное отличие O . от подтверждения (верифицирования) гипотезы. Хотя логическая схема их умозаключения $H \supset E$, $E \nmid H$ одна и та же, их исходное знание и результат различны: у верифицирования исходное знание – предположительно истинное высказывание (гипотеза) H , а результат – повы-

шение степени правдоподобия этой гипотезы; у O . исходное знание – достоверное для рассуждающего единичное высказывание E , а результат – причинный диагноз H .

Широко известна модель дедуктивно-номологического объяснения К. Поппера, К. Гемпеля и П. Оппенгейма. Если снова обратиться к O . разрыва нити, то оно сводится в этой модели к выводу, одна из посылок которого – описание искомой причины объясняемого явления («Предел прочности порвавшейся нити меньше веса подвешенного к ней груза»), а заключение – достоверно установленное вне рамок выстраиваемого вывода высказывание («Данная нить порвалась»). Получается, что то, что ищется (причина) посредством вывода – найдено вне его, поскольку информация о ней содержится в посылках, а в заключении устанавливается то, что было известно до построения вывода (ее следствие). Едва ли такая диспозиция согласуется с теоретико-познавательной функцией умозаключения.

Рассмотрим модель телеологического (греч. telos – цель) O . Человек имеет обыкновение мотивировать свою деятельность и выстраивать ее по некоему алгоритму, причем мотив, или цель этой деятельности часто оказывается ее причиной. Достижение цели нередко предполагает совершение определенной последовательности действий, типичной (стандартной) и для других лиц, преследующих такую же цель. Зная целевое назначение (мотив) подобных «технологий» (моделей поведения), можно истолковать (понять, объяснить) многие поступки и действия людей. Понять в этом смысле поведение индивида – значит распознать ту цель, которую он преследовал, совершая определенный поступок. Поэтому, установив характер некоторого деяния (действия, поступка), его «технологию», можно судить с определенной степенью вероятности о целях и намерениях его исполнителя, т. е. объяснить эти действия и поступки. Обнаружив при обыске квартиры подозреваемого маску, перчатки и огнестрельное оружие, заготавливаемые обычно для совершения разбойного нападения, следователь может предположить, что все это было припасено для реализации преступного замысла; шаман своими танцами пытается, как правило, умило-

стивить духов племени, чтобы они ниспослали удачу на охоте, и т. п. Логической основой такого *O*. является практический силлогизм, схема которого имеет следующий вид: «Если кто-то намеревается достичь цель *a*, то обычно он совершает последовательность действий *b*. *N* совершает последовательность действий *b*. Следовательно, *N* намерен достичь цели *a*».

Литература:

Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983; Гемпель К. Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении / Философия и методология истории. М., 1977; Никитин Е.П., Никитина А.Г. Эмпиризм и функциональный анализ науки // Философия науки. М., 1996. Вып. 2; Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997; Зуев К.А., Кротков Е.А. Рациональность: дискурсный подход. М., 2010; Hempel C.G. Deductive-nomological vs. Statistical Explanation // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. 1962. V.III. P. 98–169.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

В методологической литературе традиционно подчеркивается сходство между *Π*. и *объяснением*. Считается, что их логическую основу составляет одно и то же дедуктивное умозаключение, а различие усматривается только во временном параметре: объяснение обращено к настоящему, *Π*. – к будущему. Дискурсный подход к анализу научного мышления позволяет установить между ними более точную и полную дистинкцию. Теоретическую основу этого вида рассуждений составляет прогностический номос (от гр. *nomos* – закон), т. е. формулировка закономерности поэтапной эволюции объектов прогнозируемого класса (таксона). Общее содержание ее таково: в первом звене формальной импликации $S1 \supset S2$ отмечается, что исходное состояние *S1* объекта прогнозирования под воздействием причинного фактора *Aet'* обуславливает переход его в новое состояние *S2* в течение прогностического периода T^* ; смысл второго звена $S2 \supset S3$ состоит в том, что состояние объекта *S2* под воздействием причинного фактора *Aet''* переходит, в свою очередь, в состояние *S3* в границах временного интервала T^{**} , и т. д.

В *научном дискурсе* не ставится задача предвидения у объекта признаков, природа которых неизвестна науке (такую цель могут ставить перед собой только пророки). Далее, при составлении прогнозов предполагается, что уже известен закон его эволюции, временные интервалы ее стадий. Наконец, речь идет о предсказании возможных изменений объекта в строго определенных отношениях, в фиксированном интервале значений заранее выделенных параметров, причем эти изменения таковы, что не могут привести к утрате объектом своей типологической либо индивидуальной идентичности.

Общая структура (алгоритм) одностадийного *Π*. такова: 1) Фиксирование исходного знания: достоверное единичное высказывание *S1*, описывающее некоторую реальную ситуацию (к примеру, такое: «Этой ночью идет сильный дождь»). 2) Формулировка задачи: установить, какая другая ситуация *S2* придет на смену ситуации *S1* под воздействием причинного фактора *Aet* в прогностический период *T* (в примере: в течение ночи). 3) Подбор рассуждающим в корпусе имеющихся у него знаний подходящего прогностического номоса $S1 \supset S2$ (например: «Если ночью идет сильный дождь, то по утрам трава в поле мокрая»). 4) Построение дедуктивного вывода по схеме $S1 \supset S2, S1 \vdash S2$ (в примере: «Если ночью идет сильный дождь, то по утрам трава мокрая. Ночью шел сильный дождь. Следовательно, этим утром трава в поле мокрая»).

Обычно в *Π*. ситуация *S1* представляет собой более или менее развернутую характеристику одного или нескольких аспектов (параметров) состояния исследуемого объекта. Далее, если в объяснении ставится задача установить возможную причину уже существующей в действительности ситуации, то в *Π*. задача состоит в предвосхищении некоторой ситуации на основании знания исходной ситуации и сведений о возможных причинах ее изменения. Распространенное, но, все же, ошибочное мнение, что схема предсказания одна та же, что и схема объяснения, возникло по причине отождествления этих процедур с умозаключением, трактуемым, по обыкновению, как «готовая» последовательность из посылок и заключения.

Рассматриваемый алгоритм *Π*. не предусматривает реализации в прогностическом периоде *T* практических действий в отношении объекта,

приводящих к его перестройке. Если такие перестройки планируются (например, в П. врачом течения заболевания пациента с учетом назначенного лечения, или в П. изменений в работе организации, в которой назначен эффективный руководитель), то их необходимо включить в содержание прогностического номоса. Целесообразно также различать линейное П., в котором предполагается единственное значимое (по) следствие известной причины, и вариантное, в котором у этой причины могут быть несколько сопоставимых по значению вероятности и важности (по) следствий. Прогностическое *рассуждение* продуцирует точный прогноз только при наличии сравнительно небольшого количества эффективно контролируемых причинных факторов, потенциально влияющих на изменение состояния объекта прогноза.

Как и результат *объяснения*, прогноз должен быть хорошо обоснован (аргументирован). Но если хорошо обоснованный причинный диагноз принято считать истинным, то для диагноза будущего, т.е. прогноза, такая характеристика не подходит. Истина (в ее классическом понимании) состоит в соответствии высказывания действительности, т.е. тому, что есть (или было). Соответствовать же тому, чего еще нет или не было, высказывание, по определению, не может. Поэтому прогноз естественно оценивать лишь как более или менее правдоподобный.

Хотя объяснение и П. относятся к разным типам рассуждений, они, тем не менее, эпистемологически связаны между собой: правильность объяснения – условие успешности прогноза, сбывшийся прогноз – подтверждение правильности объяснения.

РАССУЖДЕНИЕ

Термин «рассуждение» (лат. *discursus*) нередко употребляется в учебной и научной литературе по логике. Большинство авторов использует этот термин как синоним более традиционных – «умозаключение», или «вывод». Однако рассуждать – значит, прежде всего, формулировать вопросы, а затем искать ответы – объяснять, предсказывать, доказывать, опровергать, убеждать, подвергать сомнению и т.п. Ничего из названного в самих по себе умозаключениях, истолковываемых по многовековой традиции как «готовая» последовательность посылок и заключения, нет. В этой связи уместно говорить о «погруженности» любого умозаключения в контекст более фундаментального эпистемологического образования, которое и предлагается называть собственно рассуждением.

Р. представляет собой целенаправленную речемыслительную деятельность по поиску ответа на какой-либо познавательный значимый вопрос посредством подбора релевантной ему достоверной информации и построения на этой основе одного или нескольких умозаключений. На связь умозаключения с каким-либо вопросом (задачей) обращал внимание отечественный логик XIX в. М.И. Каринский, полагавший, что «запрос мысли... есть условие вывода», а «выведенное суждение является в нашей мысли как ответ

на эти мыслимые вопросы». С Р. ассоциируется его предметная область (универсум) – сравнительно неширокий круг явлений (процессов, ситуаций), имеющий прямое отношение к поиску ответа на поставленный вопрос. Относительно универсума субъект рассуждения обычно располагает знанием некоторого количества ее фактов и законов. Целью Р. является получение ответа на вопрос, которым оно инициируется и направляется. Полученный ответ составляет продукт или конечный результат Р. Им может быть изменение истинностного значения некоторого исходного высказывания (к примеру, признание высказывания, ранее бывшего правдоподобным, в качестве достоверного), установление причины исследуемого явления, построение прогноза и т.п. Р. является, в целом, осознанной деятельностью, хотя отдельные его этапы могут осуществляться на интуитивном уровне. Оно содержит элементы логической и методологической рефлексии и сопряжено нередко с внутренним диалогом рассуждающего.

Основные этапы научного Р. таковы:

– Осознание проблемной ситуации: выделение того, что известно, и того, что неизвестно об объекте Р. (что, в конечном счете, необходимо выяснить, узнать, получить?).

– Поисково-ориентировочная деятельность: ограничение зоны поиска на основе представлений о типе задачи; акцентуация внимания на определенном, относительно нешироком круге явлений (ситуаций, процессов), к которому непосредственно относится объект Р.; актуализация субъектом имеющихся у него знаний об области Р. – припоминание ранее твердо установленных фактов, а также высказываний номологического характера – законов, норм, алгоритмов поведения и т. п.

– Исполнительные действия: подбор посылок для вывода из них заключения, релевантного искомому ответу на основной вопрос Р.; выведение заключения из посылок.

– Формулирование ответа на основной вопрос Р.; сопоставление полученного посредством вывода заключения с исходными условиями задачи.

– Если в результате сличения результат согласуется с исходными условиями, поисковый процесс прекращается, а если нет – процесс решения возобновляется и протекает до тех пор, пока решение не будет согласовано с условиями задачи.

Р. в предлагаемом его истолковании предстает в качестве интегративной формы исследовательского цикла, взятого в речемыслительном аспекте, т. е. в отвлечении от предметно – чувственной его составляющей. Интегративная, потому что объединяет в себе функционирование таких основных форм мышления как понятие (в составе суждений), вопрос, суждение (в составе посылок вывода), гипотеза, а также вывод (умозаключение), без посредства которого не может быть найден ответ на вопрос. В зависимости от типа вопроса множество Р. подразделяется на аргументацию, объяснение, прогнозирование, квалификация и идентификация.

Литература:

Ajdukiewicz K. Klasyfikacja rozumowań / Język i poznanie. Warszawa, Т II, 1965; Каринский М.И. Классификация выводов / Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956; Поспелов Д.А. Моделирование рассуждений. Опыт анализа мыслительных актов. М., 1989; Соснин П.И. Моделирование рассуждений: Конспект лекций. Ульяновск, 2000; Зуев К.А., Кротков Е.А. Рациональность: дискурсный подход. М., 2010.

РЕГУЛЯТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Речь идет об известных нормах, в которых многовековая практика научного познания аккумулировала общие условия продуктивности исследовательских процедур. Вместе с тем, их назначение – служить высшими ценностными ориентирами для ученых в их устремлениях к познанию нового, непознанного. Рассмотрим некоторые из них, наиболее важные.

Объективность. Требование считаться с независимым от сознания исследователя существованием исследуемых объектов (включая духовные ценности, сознание других людей), их свойств и отношений между ними. Для *научного дискурса* характерно стремление к непредвзятости в суждениях, способность избавляться в них от индивидуальных и групповых пристрастий. О. не следует смешивать с интересубъективностью, хотя последняя является коммуникативным проявлением первой. Она обеспечивается такими средствами репрезентации авторского дискурса,

которые создают условия для адекватной рецепции основного его содержания.

Установка на поиск истины. Данный императив научного дискурса предполагает, что любые наши высказывания не гарантированы от ошибок. Истина в ее классическом понимании представляет собой отношение соответствия (адекватного отражения) высказывания (гипотезы, теории) выделяемому им фрагменту реальности. В современной эпистемологии и философии науки конкурируют еще две концепции истины: когерентная, в которой истина заключается в согласии выдвинутого положения с уже принятой ранее системой утверждений, и прагматическая, характеризующая истину как «работоспособность» идеи, или ее полезность. Однако приоритет в науке по-прежнему имеет классическое понимание истины (теория корреспонденции), остальные играют в ней важную, но, все же вспомогательную роль.

Концептуальность. Данная норма предполагает использование в любой области научного дискурса сетки («системы») категорий, которая служит своеобразными координатами пространства теоретического мышления. Во-первых, это философские категории – онтологические, эпистемологические и аксиологические. Во-вторых, научные категории, сетка которых выделяет определенный аспект реальности, который составляет предметное содержание высказываний науки. Важнейшей составляющей К. научного дискурса является также наличие в нем теоретических законов. Предметное содержание этих законов воспроизводится связью содержания входящих в них научных категорий.

Эмпиричность. Требование, согласно которому наблюдения и эксперименты должны играть решающую роль в признании либо отбрасывании положений теоретического уровня дискурса (гипотез, законов и теорий). Согласно верификационизму (логический эмпиризм) только осуществимость прогнозов теории свидетельствует о ее Э.: все, что не удастся подтвердить опытным путем, является либо ложным, либо бессмысленным. Фальсификационизм (критический рационализм) в качестве критерия Э. принимает опровержимость теории опытным путем: не все эмпирично, что удастся подтвердить фактами. Более приемлем компромиссный подход: рациональность научного дискурса заключается, среди всего прочего, не только в использовании эмпирических свидетельств в целях подтверждения теории, но и в настойчивых поисках фактов, противоречащих ей.

Логичность. Это требование к производству научного дискурса позволяет обеспечить логическую правильность, т. е. когерентность, определенность и обоснованность его содержания. Данные качества дискурса эксплицируются средствами и методами науки логики. Логика как наука изучает способы связей слов и словосочетаний к тому, что эти слова обозначают и выражают, анализирует причины и недоразумения, связанные с неточностью словесных формулировок, многозначностью слов, неопределенностью их смыслов, предлагает способы их устранения. Она рассматривает общее строение понятий, зависимости между ними по их логической форме (структуре); изучает общую структуру (логическую форму) суждений, условия истинности сложных суждений в зависимости

от истинности либо ложности простых; выявляет и кодифицирует схемы умозаключений двух основных разновидностей – дедуктивных и индуктивных, формулирует условия их правильности (корректности).

Методологичность. Означает, что любое научное исследование может осуществляться с помощью определенной совокупности рациональных методов. Способ деятельности становится научным методом познания, когда а) предназначен для получения знаний; б) не является универсальным; в) эффективность его использования признана научным сообществом. Успешное применение любого метода не является занятием сугубо алгоритмическим, предполагает наличие у исследователя некодифицируемого мастерства, приобретаемого им в личном опыте. Методы подразделяются на дисциплинарные и междисциплинарные, методы теоретического и эмпирического исследования, и т. п. Не существует только методов открытия новых истин, алгоритмов изобретения новых способов исследования.

Обоснованность. Наиболее важной чертой научного дискурса является О. его высказываний. Отсутствие О. приводит к фразерству и декларативности, что недопустимо в науке. Суть данного принципа такова: если формулируется некое положение (гипотеза, теория), необходимо привести неоспоримые рациональные основания (аргументы), в силу которых его следует признать истинным либо более правдоподобным, чем ранее. Обосновать высказывание – значит привести доводы (аргументы) фактуального характера (эмпирическое обоснование), дедуцировать его из других ранее признанных теоретически истин (логическое обоснование) или получить с помощью надежных методов (методологическое обоснование).

Креативность. Инновационное исследование начинается с того момента, когда в полной мере осознается невозможность решения определенного вида задач (проблем) на уже существующей теоретической и фактуальной базе, с помощью ранее созданных методов и средств. Это обстоятельство побуждает исследователя к формулировке новых идей и гипотез, изобретению нетрадиционных экспериментальных методик, средств наблюдения и измерения, что, в общем и целом, не характерно для репродуктивного дискурса. Процесс рождения

нового в научном творчестве не поддается, в общем и целом, рационализации, поскольку в нем значительную роль играют воображение, интуиция и мировоззренческие обертоны.

Критицизм. Новое в науке первоначально возникает в сознании какого-то конкретного исследователя, как правило, натуры творческой, волевой и целеустремленной. Однако его инновация может оказаться ошибочной: в европейской науке уже давно сформировалась позиция, согласно которой истина спрятана довольно глубоко, и найти

ее в одиночку чрезвычайно трудно. Среди других ученых, занятых исследованием этой же области явлений, всегда имеются подходы и точки зрения, не совпадающие с авторскими, а иногда и противостоящие им. К. предполагает умение выслушать контраргументы, попытаться встать на точку зрения другого, посмотреть на свою позицию как бы со стороны, и вступить в плодотворный диалог с иными взглядами. «Я могу ошибаться, а вы можете быть правы; сделаем усилие, и мы, возможно, приблизимся к истине» (К. Поппер).

ФОРМЫ И УРОВНИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

С учетом природы и функций познания когнитивный компонент *научного дискурса* следует охарактеризовать в самом общем плане как последовательность речемыслительных действий (актов) в контексте поиска его субъектом ответа на познавательно значимый (нетривиальный) вопрос. Основные формы когнитивного дискурса таковы: аргументация, отвечающая на вопрос «Каким образом может быть обосновано (либо опровергнуто) высказывание X ?»; объяснение, направляемое вопросом «В силу каких причин и условий имеет место ситуация, описываемая высказыванием X ?»; прогнозирование, инициируемое вопросом «Возникновения какой ситуации Y следует ожидать при наличии ситуации, описываемой высказыванием X ?»; квалификация, направляемое вопросом «К какому типу (классу) T некоторой систематики следует отнести данный объект (ситуацию, процесс) a ?»; идентификация, отвечающее на вопрос «Какой из множества однотипных объектов v_1, v_2, \dots, v_n идентичен искомому объекту a ?».

По другим основаниям когнитивный дискурс может быть подразделен на формальный и эмпирический, а последний, в свою очередь, на природоведческий и социогуманитарный. Объекты дискурса формальных наук (логики и математики) – абстрактные структуры дефинитивно-аналитической детерминации, неспецифицируемые эмпирическим содержанием знания. Объекты дискурса эмпирических наук составляют а) явления природного характера, не имеющие прямых социокультурных детерминант, б) социальные институты и отношения, сфера культуры и феномены

психики (сознания) человека. В этой связи уместно также подразделить эмпирический дискурс на физический, химический, биологический etc. – для природоведческого, и экономический, политический, юридический, социологический, психологический etc. – для социогуманитарного. Далее, из отраслевых разновидностей дискурса выстраиваются междисциплинарные дискурсы, такие как биофизический, биохимический, социобиологический, социально-психологический, медицинский etc.

Введение онтологии и предметной области в модель научного дискурса обусловлено их сопряженностью с логико-методологическими директивами научного познания. К примеру, в дискурсе о природе, с одной стороны, и социогуманитарном дискурсе – с другой, приходится иметь дело с существенно различающимися типами объектов и их взаимосвязей (детерминации), что обуславливает специфику аргументативных, объяснительных и прогностических методологических процедур этих форм дискурса.

В когнитивном дискурсе естественно также выделять креативный и репродуктивный его компоненты. Индикатор креативности состоит в наличии хорошо обоснованных авторских высказываний номологического либо методологического характера, не дедуцируемых из прежнего знания. Решение субъектом познавательно значимых задач в границах уже имеющегося теоретического и методологического знания свидетельствует о репродуктивности его дискурса. Такого вида задачи Т. Кун называл головоломками: они должны иметь «гарантированное решение» и «должны суще-

ствовать также правила, которые ограничивают как природу приемлемых решений, так и те шаги, посредством которых достигаются эти решения».

По параметру «уровни дискурсного текста» выделяют объектный дискурс, отличая его от метадискурса. Одна из разновидностей метадискурса может быть названа логико-методологической. Ее основу составляет рефлексия субъекта по поводу логических отношений между терминами и высказываниями объектного дискурса, роли в нем методологически значимых категорий, правил и принципов. Далее, по этому же параметру научный дискурс делят на фактологический (эмпирический) и теоретический. Фактологический дискурс является своеобразным нарративом, повествующим об условиях и результатах наблюдений и экспериментов, а также продуктом их индуктивного обобщения. Теоретический дискурс выстраивается в целях объяснения, квалификации и прогнозирования фактов посредством номологических высказыва-

ний (законов науки), которые своей онтологией имеют идеальные (теоретические) модели.

Понятно, что в науке авторский когнитивный дискурс выстраивается на фоне и с участием дискурсов других исследователей. Однако иные дискурсы принимаются автором во внимание только в той мере, в какой их содержание может быть спроецировано на методологию исследования и выстраиваемый им когнитивный образ объекта познания. По целям (интенции) коммуникативный аспект научного дискурса целесообразно поделить на репрезентативный, когда автор своим сообщением имеет намерение сформировать или же изменить у реципиента названный образ; аппрециативный, когда посредством текста внушается реципиенту, что такая-то и такая исследовательская ситуация, гипотеза или теория предпочтительнее такой – то и такой; прескриптивный, когда вербальными средствами намереваются изменить поведение реципиента в определенной исследовательской ситуации, организовать это поведение.

Е. А. Кротков, Е. А. Кожемякин

ДИСКУРС ТОЛЕРАНТНОСТИ

Д.т. является разновидностью коммуникативного дискурса. Слово «толерантность» (лекс. «терпимость») производно от двуместного предиката «X толерантен к Y», где X – какой-либо человек или какая-либо социальная группа, а Y – другой человек, другая социальная группа («Иван толерантен к Петру», «Молодежь толерантна к старикам»). Толерантность состоит в добровольном и деятельном признании ее субъектами фундаментальных прав и свобод любого человека и гражданина, который сам не нарушает эти права и не ограничивает эти свободы в отношении других. Толерантность в этом смысле не эквивалентна, во-первых, ни индифферентности, ни всепрощенчеству, поскольку не предполагает примирения с мерзостями общественного бытия. Она предполагает, во-вторых, наличие у ее субъектов понимания и добровольного принятия ценностных ориентиров, принципов и норм консонансного события людей, без которых не будет ни инаковости, ни свободы, ни мира. В-третьих, толерантность базируется на конструктивной деятельности политической «надстройки» общества, его государства

по решению экономических, политико-правовых и социальных проблем страны. Рассмотрим семь своеобразных «аксиом», характеризующих, на наш взгляд, необходимые и достаточные условия возникновения и воспроизводства Д.т.

Наличие у носителей (субъектов) толерантности существенных, т. е. социально значимых различий (аксиома инаковости). Термин «толерантность» уместен для обозначения отношений между различными (отличающимися) людьми или социальными группами, причем речь идет о социокультурно- и политически значимых различиях, которые являются (или могут стать) источником противоречий и конфликтов.

Сопровождающаяся чувством неприязни оценка субъектами толерантности того, чем один из них отличается от другого (аксиома негативности). Из того обстоятельства, что толерантность есть моральный идеал, совсем не следует, что чувство неприязни неуместно при его описании: толерантность в значительной мере как раз и предполагает преодоление этого чувства.

Реальная возможность подавления либо отторжения Другого по причине его инаковости и, одновременно, отказ от использования этой возможности (аксиома ненасилия). Речь идет не о сфере чувств, а об их публичном выражении и инспирируемых ими поступках. Толерантность может иметь место только там, где ее субъект сознательно воздерживается от отвержения или подавления Другого. В этом контексте толерантность всегда есть (возможное, но необязательное) следствие властного ресурса.

Осознание субъектами толерантности нерационального характера отчуждения, противостояния и неконструктивных конфликтов (аксиома рационального прагматизма).

Поиск субъектами общего пространства их жизненной идентичности и последующее добровольное вхождение в него (аксиома общего знаменателя). Толерантность может иметь место только в том случае, если у ее субъектов имеется единая ценностная основа, позволяющая им вступить в диалог.

Право субъектов толерантности проявлять твердость, неуступчивость по отношению к тем, кто предпринимает действия, несовместимые с кодексом человечности (аксиома самозащиты). Толерантность не сводится к «смиренной любви» или к «принятию других, каковы они есть», как об этом нередко пишется в нашей научной публицистике. Мы вовсе не обязаны, оставаясь в границах толерантности, бездействовать, если кто-то насильничает или оскорбляет другого, поскольку имеет место нарушение наших законных прав и свобод.

Толерантность детерминирована, в конечном счете, экономическими, финансовыми и правовыми факторами (аксиома несамодостаточности). Поэтому следует признать теоретическую и методологическую несостоятельность попыток редуцировать феномен толерантности (интолерантности) к свойствам психики либо дедуцировать ее из нравственного самосознания, а задачу формирования культуры толерантного поведения усматривать в психопрофилактической коррекции и морализаторстве.

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

Суть Н.д. мы усматриваем в речемыслительной деятельности, нормативную основу которого составляет исторически сформировавшийся комплекс *регулятивных принципов*, следование которым оптимизирует процесс создания, трансляции и использования знаний. В этот комплекс входят: объективность, установка на поиск истины, концептуальность (теоретичность), эмпиричность, логичность, методологичность, обоснованность, критицизм и креативность.

Когнитивный аспект Н.д. реализуется в пространстве субъект – объект отношения, и поэтому оценивается в терминах классической концепции истины («истинно» или «ложно»). Его коммуникативный аспект имеет иную, а именно, субъектную интенцию, представляет собой способ речевого воздействия одного субъекта науки на другого. Он характеризуется установкой иницилирующей стороны на консервацию либо изменение научных воззрений реципиента,

моделей его научного опыта. Его оценка осуществляется в терминах прагматической теории истины («эффективно» или «неэффективно»). Диалогический, межсубъектный характер научной деятельности не дает оснований для редукации когнитивного аспекта Н.д. к коммуникативному: у них разные цели, методы и средства. Цель общения в ученом мире – ознакомить коллег с полученными результатами, выслушать их суждения и высказать свое мнение по поводу критических замечаний и возражений, поделиться возможными подходами к решению той или иной научной проблемы. Структура познавательного процесса – «формулировка *проблемы* – выдвижение гипотезы – проверка этой гипотезы и объяснение на ее основе фактов» не укладывается в схему коммуникативной тактики и стратегии; идеалы и принципы научного поиска не совпадают с принципами коммуникативного кодекса.

Предложенная выше характеристика относится к содержанию понятия общенаучного

дискурса (общенаучной рациональности). Локальная, или дисциплинарная, научная рациональность специфицируется диверсификацией значений таких атрибутивных параметров дискурса как онтология и предметная область, выразительные средства и литературные стили языка, его уровни, формы и способы когнитивной деятельности, предпосылочное знание, мировоззренческие и социокультурные пресуппозиции субъектов дискурса, средства и структуры внутринаучной коммуникации, и т. п. К примеру, предметную область естественнонаучного (природоведческого) дискурса составляют объекты с физическими, химическими или биологическими формами детерминации; социокультурного дискурса – объекты, специфика которых обусловлена семиотической формой детерминации в эволюции общества; математического дискурса – абстрактные объекты с преимущественно логико-дефинитивной формой детерминации; различия в темпоральных сферах бытия детерминирует выделение исторического Н.д., и т. п. Далее, несложно усмотреть релевантные выше-названным различия в способах обоснования, характерных для дискурса эмпирических наук, таких как физика и биология, с одной стороны, и дискурса формальных наук (логика и математика) – с другой; в моделях объяснения фактов в социально-гуманитарном и природоведческом дискурсах, и т. д.

В регулятивных принципах Н.д. аккумулярована многовековая практика научного познания. Их совокупность позволяет более или менее успешно дистанцировать науку от ненауки (преднауки, религии, философии, псевдонауки): отступление от этих принципов означает, что соответствующая деятельность и ее продукция не являются, в общем и целом, научными. Важно подчеркнуть, что речь не идет об исчерпывающем перечне требований, имеющих однозначное и неизменное содержание (что характерно для абсолютизма): в контексте изменяющихся стадий и форм научной практики некоторые из них вводятся в статусе инновационных, другие утрачивают актуальность, а третьи подвергаются коррекции (уточнению и модификации). Тем

не менее (вопреки релятивизму) в них присутствует определенное константное содержание.

Другое дело, что, будучи идеалами, эти требования задают некий предельный уровень, степень приближения к которому варьируется в зависимости от предметной области дискурса, а также разработанности его теоретического уровня, методов и средств эмпирического исследования. Наиболее близки к этому идеалу природоведческие науки. Существенно иная ситуация складывается в отношении социогуманитарных наук: они имеют дело с проблемами, относящимися к устройству общества и положению в нем человека, и это обстоятельство не может не затрагивать сферу личностного бытия самого исследователя, его частных и корпоративных мотивов и интересов. Кроме того, многоаспектность, многофакторность и динамизм социального бытия, способность человека «перешагивать» через любые табу и инстинкты, породить виртуальную среду своего обитания создают для исследователя проблемные ситуации, в которых теоретическое моделирование (как один из ведущих методов наук, благополучных, как принято говорить, в эпистемологическом отношении) находится еще в начальной стадии развития. Весьма ограниченными остаются здесь и возможности экспериментальной деятельности. Но все это не дает оснований для принижения роли общенаучных идеалов и принципов, и, тем более, для отказа от них в какой бы то ни было области научного познания.

Литература:

Кун Т. Структура научных революций. М., 1977; Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983; Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984; Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984; Фейерабенд П. Избр. труды по методологии науки. М., 1986; Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М., 1988; Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии, 1992, № 6; Хьюбнер К. Критика научного разума. М., 1994; Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995; Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002; Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003; Зуев К.А., Кротков Е.А. Рациональность: дискурсный подход. М., 2010.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

С.-и. д. универсален в том смысле, что не имеет фиксированной области объектов его интереса: в фокусе исторического исследования могут находиться объекты самой различной природы – физической, биологической, психической, социокультурной etc. Похоже, что во всей системе дискурсных параметров (*научный дискурс*) существует только один признак, характеризующий специфику той реальности, к которой обращена историческая рефлексия: она имеет дело с прошлым. Изучение прошлого предполагает обращение к изучению «останков», или «следов», прошлых событий. По этим следам ушедшие в прошлое события надлежит реконструировать с возможной степенью полноты и достоверности. Однако известно, что по времени какие-то предикаты прошлого безвозвратно исчезают, «не оставляя считываемых следов» (С.В. Мейен), и по этой причине степень желаемой полноты и достоверности реконструкции непрерывно отдаляющегося от нас прошлого приближается с физической необходимостью к нулю.

Вторым по значимости конституирующим параметром социально-исторического дискурса является его аксиологическая составляющая. Хотя прошлое онтологически не детерминировано настоящим, не может измениться под его влиянием, однако социальная история пишется не только по формуле «как это в действительности было», но и согласно императиву «потребного прошлого». Действительно, прошлое воссоздается из исторических фактов. И это несмотря на то, что в истории полно лакун, «относительно которых источники оставляют нас в неведении, да так, что мы не ведаем о своем неведении» (Поль Вен). Если не принимать во внимание «продукцию» откровенных фальсификаторов истории, то в этом плане методологический статус исторического исследования мало чем отличается от любой другой области научного познания. Но факты, упорядоченные в их хронологической последовательности – это еще

не социально-исторический образ прошлого. Последний возникает с участием идеологом, таких как «национальная идея», «честь нации», ее «враги» и «союзники», «чувство Родины» и т. п. Они формируются в сознании «эзотериков» (мудрецов, проповедников, летописцев, вождей etc.) – хранителей и трансляторов коллективного опыта – как рационализация архетипической потребности в «племенной» (кастовой, классовой, национальной) идентичности. Затем эти смыслы инкорпорируются в общественное сознание и проецируются не только на прошлое, но и настоящее и будущее, т. е. формируется аксиологический компонент национальной идентичности в транстемпоральном измерении. В итоге создается эффект социально-исторической иммортализации: хотя бы частично преодолевается ощущение случайности и эфемерности земного бытия сменяющихся поколений, в общественном сознании укрепляется чувство причастности к чему-то значительному, трансцендентному.

Человеческое общество разделено на множество национальных государств, на богатых и бедных, «своих» и «чужих». Поскольку социальные историки сами интегрированы в различающиеся социокультурные общности, дифференцированы по этнонациональным, социально-классовым и конфессиональным признакам, с.-и. д. не может не иметь отчетливо выраженного плюралистического характера. Усиливается этот плюрализм диверсификацией герменевтических процедур, обусловленной различиями в социологических, политических, экономических, социально-психологических теориях, посредством которых разные историки интерпретируют одни и те же исторические факты. По названным причинам было бы наивным полагать, что существует или когда-нибудь будет создана «аутентичная» (в смысле: «единственно верная») социальная история какой-либо страны или какого-то региона мира. Тем не менее, социальному историку не стоит по этому поводу огорчаться: «в профессиональной историогра-

фии истина далеко не единственный критерий, которым мы квалифицируем качество исследований» (Алан Мегилл).

В связи с изложенным представляются небезопасными претензии ориентированных на национальную идею историков на преимущественное право обладания исторической «правдой»: эти самонадеянные грезы порождают антагонизм национальных историй, который, как известно, чреват реальными политическими конфликтами и насилием. Ясно и другое: многое из социального прошлого могло быть полнее и точнее реконструировано посредством научных методов, если бы историки не были бы зачастую настолько политически ангажированы. Реализации этой возможности могло бы способствовать усиление роли принципов критицизма и толерантности в с.-и. д., что повысит шансы коллективного научно-исторического разума на сближение с исторической реальностью

Историки уделяют большое внимание вопросам методологии исторического исследования. В связи с данным параметром с.-и. д. следует отметить, что нет отдельного специализированного метода исследования («исторического метода»), который позволял бы отграничить этот

дискурс от других институциональных дискурсов. Применяемые в исторической науке методы широко представлены и в других научных дисциплинах (приемы работы с источниками и их критика, интерпретация фактов, синтез, (ретро) прогнозирование и т. п.): «Между исследованием далекого и исследованием совсем близкого различие лишь в степени. Оно не затрагивает основы методов» (М. Блок). Речь может идти только о специфике комплекса общенаучных методов, который характерен для решения задач историографического плана.

Литература:

Мейен С. В. Исторические реконструкции в естествознании и типология / Эволюция материи и ее структурные уровни. М., 1981. С. 90–93; Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. 1986. С. 184; Вен Поль. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 22; Мегилл Алан. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого / Эпистемология и философия науки. Т. XV, 2008, № 1. С. 54–55; Фоули Р. Еще один неповторимый вид. Экологический аспект эволюции человека. М., 1990. С. 108; Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 35; Кротков Е. А. Специфика социально-исторического дискурса / Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 34–36.

О. Ф. Русакова

ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЙ ДИСКУРС*

Презентационный дискурс – атрибутивный элемент любого дискурса публичной коммуникации, поскольку в каждой коммуникации содержится презентационная стратегия.

Отправным пунктом анализа презентационного дискурса являются следующее базовое определение: *презентация* – это публичная маркетинговая коммуникация, основными интенциями которой являются: *Позиционирование*, *Продвижение* (промоушн) и *Паблицити*.

Интенция *позиционирования* предполагает, что в ходе презентации демонстрируется уникальное торговое, товарное, интеллектуальное, политическое или иное предложение.

Интенция *продвижения* стратегически нацелена на попадание презентуемого объекта в зону устойчивого внимания общественности и в сферу активного маркетингового обмена.

Интенция *паблицити* предполагает расширение горизонта известности посредством освещающих презентацию СМИ и применения шоу- и event-технологий на разных стадиях разворачивания презентационной акции.

Единицей разворачивания презентационного дискурса выступает *презентационный шаг*, который обогащает восприятие публики новыми информационно-семиотическими моментами.

Статьи подготовлены в рамках программ фундаментальных исследований УрО РАН: проект № 12-И-6-2066

В целях наиболее прочного запоминания публикой смысловой нагрузки каждого конкретного презентационного шага необходимо использовать *метод опорных сигналов*. Суть метода заключается в том, чтобы подобрать для каждого смыслового шага определенный символ, формулу или маркерный значок, визуальное изображение которого выносилось бы на специальную презентационную панель или доску.

К примеру, каждый смысловой блок презентуемого проекта может быть маркирован *ключевым словом*, у которого фиксируется первая буква. Далее из первых букв ключевых слов образуют некий принцип или формулу.

Визуальные символические образы обладают гораздо большей суггестивной силой, чем буквенные обозначения. Поэтому, если есть хоть какая-нибудь возможность обозначения нового презентационного шага через символическое изображение, это надо обязательно сделать. Хорошей подсказкой для выбора подходящего визуального решения могут стать распространенные метафоры.

Представленные в демонстрационных формулах и визуальных метафорических образах смысловые структуры обозначаются понятием «*презентема*».

Под презентемой предлагается понимать информационную единицу воздействия, представляющую собой сложный знаковый комплекс, состоящий из концептов и образов, передаваемых в ходе коммуникации. Процесс коммуникации может быть представлен в виде разворачивающихся во времени и в пространстве последовательных презентем.

Презентемами выступают не только лингво-семиотические образования, но и все невербальные демонстрационные знаки, включая предметы, которые сообщают нечто значимое о презентуемом объекте.

Можно выделить следующие презентемы невербального характера:

- 1) *кинестические* в виде жестов, мимики, поз, перемещений в пространстве;
- 2) *демонстрационного зала (show-room)* – декорации, интерьеры, расположение мест

участников и технического оборудования, обзорность;

3) *артефактные* – «говорящие предметы» (классическим примером является театральная метафора висящего на стене ружья, которое в заключительном акте должно выстрелить);

4) *идентичности* – знаки и символы, обозначающие корпоративную, социальную, региональную, этническую, государственную, культурную и иную идентичность участников презентации;

5) *фатические* – оказываемые во время презентации знаки внимания, дружелюбия, лояльности, корпоративной сплоченности;

6) *сценографические* – сценарно прописанные мизансцены и роли для участников презентации (роль шоумена, роль приглашенной звезды, роль знатного гостя, роль светской львицы, роль мецената, роль знатока, роль шута и др.), значимые для продвижения презентуемого объекта;

7) *наглядности* – текстовые, графические (диаграммы, графики, рисунки, схемы), аниматорные.

Генеральный стратегический план презентационного дискурса представляет собой проектный комплекс, в который входят следующие виды стратегий:

– *рекламно-маркетинговая* – формирование у потенциальных клиентов потребности в презентуемом новшестве; конструирование позитивного имиджа аттрактива с целью его продвижения;

– *наблицити* – оповещение посредством СМИ и межличностной коммуникации целевой аудитории о предстоящей презентации с целью обеспечения явки и получения известности;

– *партнерства* – формирование у коллег потребности в установлении деловых партнерских отношений с организаторами презентации;

– *шоу-стратегия* – организация сценарно-режиссерской и исполнительской работы по созданию, постановке и демонстрации впечатляющего презентационного шоу, в ходе которого производится показ наиболее значимых для потребителей свойств и черт аттрактива;

– сценарная стратегия презентационной речи, включающая разработку структуры, форм подачи материала и содержательного плана четырех основных частей – вступления, основной части, заключения, ответов на вопросы;

– *постперформансной неформальной коммуникации (стратегия послевкусия)*.

Презентационный дискурс, чтобы стать успешным, должен не только показывать и рассказывать, но еще и удивлять. *Чем будем удивлять?* – Вот один из важнейших вопросов презентационного дискурса. Удивить публику, привыкшую к разного рода презентационным шоу непросто. А если к тому же у заказчиков и организаторов презентации финансовых ресурсов маловато, то удивлять можно главным образом за счет интенсификации креатива.

Креативность в презентационном шоу-дискурсе может проявляться в следующих его компонентах:

- нестандартный сценарий презентации;
- непривычное место проведения презентации;

– нетрадиционная организация пространства демонстрационного зала;

– необычный дизайн (убранство демонстрационного зала, одежда участников презентации, дизайн демонстрационных слайдов, раздаточного материала, подарков);

– использование новых приемов вовлечения публики в совместную деятельность (например, предложение новых игровых моментов);

– парадоксальное соединение разных стилей и жанров;

– необычное световое и музыкальное оформление презентации.

Список необычностей можно продолжать до бесконечности. Однако важно помнить, что креативность не должна привлекать внимание сама по себе, а только в связке с задачами продвижения объекта.

Литература:

- Гандепас Р.И. Презентационный конструктор. М., 2006;
Олянич А.М. Презентационная теория дискурса. М., 2007.

ДИСКУРС ГЛЭМ-КУЛЬТУРЫ

Современную фазу развития постиндустриального общества некоторые исследователи обозначают понятием «глэм-капитализм». Сущностнообразующим ядром данной фазы являются индустрии гламура^{*}. Глэм-культура – ценностная идеологическая надстройка экономической системы глэм-капитализма.

Глэм-культура родилась в недрах общества глобальной маркетизации и массового потребления. Ее маркетинговая стратегия ориентирована на рынки особого рода, а именно – на рынки развлечений, удовольствий, шоу-представлений, роскоши и моды. Масс-медийная сфера (ТВ, кино, глянцево-журналы, реклама, Интернет) является главным коммуникативным каналом, транслирующим ценности глэм-культуры.

Дискурс глэм-культуры строится на следующих концептуальных формулах: «enjoy yourself», «бери от жизни все», «живи играю-

чи», «не бери ничего в голову», «не грузи ближнего своего», «ты этого достойна», «стань звездой», «бренд всему голова», «имидж – все», «шагай в ногу с модой».

Основными символическими фигурами, посредством которых артикулируется и транслируется дискурс глэм-культуры, являются презентуемые масс-медийными каналами статусно-престижные имиджи и бренды, а также модные образы, представленные знаменитыми топ-моделями и шоу-звездами.

Носителем и главным субъектом-распространителем дискурса глэм-культуры выступает группа так называемых селебритис (celebrities), то есть медийных знаменитостей. Селебритис олицетворяют собой телеологический идеал и воплощение жизненной мечты приверженцев глэм-культуры. Они для него одновременно и гуру и объект для подражания.

¹ Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – С. 9

Культ селебритис, идолопоклонство перед звездами экрана – важнейшая черта глэм-культуры, мотор ее развития и источник экономического процветания. Благодаря глэм-культуре, культивирующей образ жизни селебритис, активно развиваются и получают сверхприбыль целые отрасли так называемой креативной индустрии (модельный бизнес, шоу-бизнес, арт-маркетинг, спа-индустрия, пластическая хирургия, гурман-сервис, VIP-туризм и др.). Институционально глэм-культура представляет собой мощную индустрию по производству имиджей и брендов в качестве товаров массового потребления.

Система ценностных ориентаций глэм-культуры направлена на то, чтобы упрочить иерархическую модель мира, иначе говоря, логоцентрична по своему духу. Ключевыми категориями, формирующими иерархическую картину мира, являются «рейтинг» («горячая десятка», «большая пятерка» и т. д.), «топ-модель», «звезда», «VIP-класс», «люкс», «бренд». Находясь в тесной связке с медийной и рекламной индустрией, глэм-культура выступает одновременно и продуктом и проводником медиа-рекламного тоталитаризма как режима ментального насилия. Тоталитарность глэм-культуры проявляется в ее стремлении вовлечь в свою сферу все социальные слои общества. Основным средством воздействия на публику выступает такой психолого-маркетинговый инструмент как потребительский соблазн. Соблазн – это торговое предложение, от которого трудно отказаться. Глэм-культура выработала множество способов соблазнения самых несговорчивых «покупателей». Среди ее постоянных потребителей не только читатели глянцевого журналов, молоденькие фанаты звезд шоу-бизнеса, завсегдатаи поп-тусовок, но также амбициозные интеллектуалы, писатели, политики и политологи, стремящиеся к известности и признанию.

Дискурс глэм-культуры столь же властен, нормативно и организационно заряжен как и дискурс рекламы. Он призывает к дисциплинарному порядку в области внешнего вида (регламентация в виде статусно-значимого дресс-

кода) и поведенческих моделей, что сближает его с дискурсом средневекового сословного этикета. Глэм-культура предъявляет довольно жесткие дисциплинарные требования к телесной организации. В ней явно присутствует дискриминационный уклон в отношении тех, чьи фигуры не укладываются в модельные стандарты, чей внешний вид не отличается ухоженностью и безупречностью.

К основным чертам образа жизни, культивируемого глэм-культурой, можно отнести следующие: нарциссизм, гедонизм, шоу-шик, холодная ирония в стиле cool, эротизм, имиджевый интеллектуализм, дефицит подлинности.

Под *нарциссизмом* подразумевается эгоцентрическое любование собственным отражением в зеркале, а также отражением себя в глазах окружающих, что в огромных дозах культивируется рекламой («Все в восторге от тебя...», «Ты этого достойна...»).

Гедонизм гламурного образа жизни означает восприятие бытия как праздника, который всегда с тобой. Веди себя так, чтобы все поняли, что ты – не чужой на этом празднике жизни, – диктует глэм-культура. Еще лучше, если окружающие будут видеть в тебе бонвивана, легко и весело шагающего по жизни под девизом «no problem».

Игровая манера гламурной жизни реализуется в *шоу-шике* – синтезе яркого зрелища, игры на публику и атрибуты красивой жизни касты избранных – звезд шоу-бизнеса. Шоу-шик – это гламурное представление об аристократическом, светском образе жизни. В роли светских львиц и львов выступают кумиры экрана, продюсеры, модные дизайнеры, топ-модели, «богатые и дерзкие», успешные и рейтинговые персонажи. Представления в духе шоу-шика часто присутствуют на экранах ТВ.

Cool – это, с одной стороны, амбициозная манера сохранять холодное спокойствие, выдержку, что бы ни случилось, с другой – признак крутизны. Стилль cool в глэмкультуре означает некий пофигизм, уход от серьезных проблем, установку на ироническое отношение к тому, что считается высокой политикой и культурой.

Дискурс в стиле cool – это риторика стеба, нацеленная на снижение пафоса посредством использования фигуры каламбура, переворачивающей традиционные смыслы.

Эротизм в контексте глэм-культуры представляет собой требование постоянной демонстрации сексуальной чувственности и привлекательности. В качестве нормативного ориентира предлагается определенная рейтинговая шкала, составленная из звезд экрана и модельного бизнеса, получивших звание секс-символов.

Имиджевый интеллектуализм – это стремление произвести впечатление широко образованного, философски мыслящего человека, следящего за модными тенденциями в науке, литературе и высокой культуре. Для поддержки интеллектуального имиджа модные журналы предлагают глэм-культуристам набор имен популярных властителей дум, а также серии глубокомысленных цитат и выражений, взятых из книг знаменитых авторов. Главное для глэм-культуриста – не быть, а казаться. За имиджевой привлекательностью нередко скрывается внутренняя пустота. Чувства, слова мысли, внешность заимствованы из глянцевого журналов, рекламных слоганов, медийных шоу, а потому – ненастоящие, искусственные. Жизнь заиклена на производстве и потреблении симулякров. Все самобытное, подлинное вытесняется, отчуждается и аннигилируется имиджевой кажимостью.

Дефицит подлинности – не только характерная черта, но и бич гламурной жизни. Достаточно небольшой рефлексивной иронии, чтобы почувствовать холодное дыхание пустоты и испытать тоску по реальной, настоящей жизни. Отсюда – восхищение так называемыми реальными (конкретными) ребятами.

Литература:

Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2008; Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: УрО РАН, ИД «Дискурс-Пи», 2011. С. 180–189.

УДК 141.7

ЖЕСТОКАЯ ПРАВДА О «МЯГКОЙ СИЛЕ»

Реферат статьи: David W. Kearn, Jr., The hard truths about soft power // Journal of Political Power. Vol.4, No.1, April 2011, 65–85

**Маркелова Анна,
Носова Татьяна,**

Уральский федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук,
студенты департамента политологии и социологии,
г. Екатеринбург, Россия.

Данная статья посвящена проблемам интерпретации термина «мягкая сила». Автор в своей работе попытался дать критический анализ мягкой силы, а также определить границы ее применимости в реальной жизни и раскрыть те моменты, которые ведут к путанице касательно данного определения.

Автор статьи утверждает, что в современном мире, особенно среди американских чиновников, все чаще можно услышать о необходимости увеличения мягкой силы для решения насущных, стоящих перед Америкой проблем.

Сущность проблемы данной статьи состоит в том, что существует ненадлежащее широкое использование мягкой силы, в силу того, что этот термин внушает доверие, не по ее назначению для того, что приводит к существованию опасности в размывании для людей их представления мира политики. Автор в своем рассуждении проводит аналогию с самым популярным, пожалуй, ныне термином «демократия», которых потерял свое сущностное содержание.

Девид Керн (David W. Kearn, Jr.), опираясь на определение мягкой силы, данное Наем, приходит к выводу, что данная концепция применима не только в мире политики, но и в повседневной жизни, что делает ее еще более широко применимой.

Автор данной статьи приводит важное основополагающее деление государств по Наю на два типа: государства-лидеры, которые «привлекают» и государства-цели, которых «привлекают»

государства-лидеры своей культурой, политической и т. д. На этом взаимодействии, как пишет Керн, и строится вся концепция мягкой силы, ведь если государство-цель разделяет интересы и предпочтения государства-лидера, то оно будет поддерживать лидирующее государства и даже в некоторых случаях идя на уступки в его пользу. Автор утверждает, исходя из этого тезиса, что власть – это, прежде всего, способность к достижению желаемого, а не количество определенных ресурсов. Поэтому можно заключить, как считает автор, что чем эффективней государство привлекает другие государства и располагает себя по отношению к ним, тем большее влияние оно может получить.

В рассматриваемой статье перечисляется три основных ресурса, которые формируют мягкую силу: культура, политические ценности и высоко моральная внешняя политика.

Автор настоящей статьи рассматривает влияние мягкой силы и приходит к заключению, что оно происходит на более глубоком и поэтому неявном уровне и действует не «здесь и сейчас», а направлено на долгосрочную перспективу, но зато на решение более глобальных целей. Керн приводит в пример высказывание Наея о том, что время угроз и стимулов должно подойти к концу, так как существует возможность влияния на поведение без руководства над ним, то есть та самая мягкая сила.

Автор, ссылаясь на Наея, доказывает действенность суждения относительно того, что,

если привить свои ценности другим, если сделать государства единомышленниками, то в дальнейшем можно будет отказаться от применения «кнута и пряника», ведь намерения в большинстве своем становятся одинаковыми.

Далее автор статьи рассматривает одну из самых важных проблем, стоящих перед мягкой силой и ее важности. Керн пишет о том, что для максимизации своего влияния государствам-лидерам необходимо оптимизировать применение ими мягкой и жесткой силы.

Также важное замечание, которое делает автор в своей работы касается проблеме потери мягкой силы и причин, по которым это может произойти. Автор говорит о малой вероятности одномоментной потери мягкой силы, так как ее утрата связана с постепенным разрушением общих норм и принципов, на которых строятся взаимоотношения между государствами.

Автор касается важной проблемы в вышеуказанной статье, которая связана в актуальностью концепции мягкой силы, он приходит к выводу, что актуальность уменьшается из-за неуместности применения мягкой силы в решений каких-либо узкоспециализированных вопросах, когда конфликты интересов сложны и запутаны.

Автор отмечает то, что, несмотря на потенциальный теоретический вклад мягкой силы и привлекательность более комплексного подхода к нашему пониманию международной политики, возникает несколько основных проблем, при попытках использовать концепцию. Прежде всего, это неясные предположения о том, как использовать мягкую силу, которые зачастую нечетко сформулированы, что приводит к неправильному применению и аналитическому беспорядку.

Керн ссылается на Ная, который указывает на важную роль институтов по отношению к мягкой силе, но, тем не менее, не объясняет решающую контекстную роль, которую они играют. Предполагается, что главную роль в степени использования мягкой силы играют общие интересы и ценности главных акторов.

Известно, что государства, обладающие ресурсами мягкой силы, имеют намного большее

влияние, чем государства, которые обладают ресурсами жесткой силы. Однако автор отмечает, что, по мнению Ная, это достаточно трудно проверить.

Достоинно внимания то, что государства, которые проводят гуманитарные миссии, осуществляют помощь иностранным государствам в целях развития и поддерживают многосторонние отношения, пользуются всеобщим уважением и восхищением единомышленников.

Керн выясняет то, что два условия – правила регулирования институционального механизма и наличие базовых взаимных интересов – имеют решающее значение для понимания, где мягкая сила может быть применена. Правила системы важны потому, что государства должны иметь объективные критерии для оценки поведения единомышленников. Правила необходимы для выявления и наказания нарушителей.

Автор подчеркивает, что привлекательность является основным механизмом, по средствам которого мягкая сила работает в международной системе. Хотя привлекательность культуры, идеалов и политики логически вписывается в концепцию мягкой силы, по Наю следует выделять привлекательность как силу и привлекательность как действие или желаемый результат политики выбора.

Любопытно, что ведущие государства могут угрожать или подкупать другие государства для достижения желаемого результата.

Автор замечает, что трудно представить государство, обладающее значительной мягкой силой, без определенного количества «жестких» ресурсов. Более важно, как ведущие государства используют эти ресурсы, которые обеспечивают государства потенциалом для разработки и осуществления конкретной политики.

Привлекательность, безусловно, включает такие вещи, как идеология, институты, нормы и ценности, но в конечном итоге успех проводимой политики будет существенно зависеть от жесткой силы.

Автор делает акцент на том, что контекст будет иметь решающее значение для понимания того, какой степенью мягкой силы обладают государства и негосударственные субъекты.

Эти группы действительно могут иметь влияние, которое может работать через управление и манипуляцию возможностями, что возможно в институционализированной и взаимозависимой среде, подобно тому, что обычно ассоциируется с гегемонистской системой.

Что такое гегемония? Керн дает следующий ответ на этот вопрос. Гегемония – не просто господство грубой силы в отношении целей и предпочтений других. Существует некоторая мера взаимных отношений, в которых государства принимают позицию гегемона в обмен на преимущества, предоставляемые системой, и признание того, что гегемон будет поддерживать систему и контролировать свое поведение.

Предоставление общественных благ и преимуществ, в первую очередь безопасность и доступ к рынкам имеют решающее значение для понимания того, почему государства полагаются на руководство державы-гегемона.

Автор заостряет внимание на том, что мягкую силу будет чрезвычайно трудно использовать через сдержанную политику именно потому, что она работает косвенно через интересы и предпочтения государств и других субъектов.

Учитывая сложный характер международной политики, лидеры должны приложить усилия для понимания потенциального воздействия обратной связи на стратегии и цели. Стоит иметь в виду то, как определенный политический курс будут толковаться в других частях мира.

Керн приходит к выводу, что мягкая сила сильно зависит от контекста взаимозависимых, регулируемых международными правилами отношений между государствами, которые разделяют общие ценности и цели. Не будет лишним отметить то, что мягкая сила может присутствовать там, где существует гегемония, поскольку именно мягкая сила обеспечивает идеологическую основу для законного признания гегемона как лидера данной системы. Как лидер системы гегемон может многое потерять, если проводимая политика будет отклоняться от основополагающих норм.

МИФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ В ТРАВЕЛОГЕ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОМ АНАЛОГЕ

Романова Кира Степановна,

Уральское отделение Российской академии наук,
Институт философии и права УрО РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат философских наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: romkira@yandex.ru

Аннотация

Эссе посвящено исследованию соотношения мифических образов и реальности в травелоге и его разнообразных литературных воплощениях.

Ключевые слова:

травелог, мифологические образы, иллюзии, реальность, литература.

Образ любой незнакомой страны, выбранный для путешествия всегда содержит мифологическую компоненту. Это объясняется тем, что образ формируется на основе воображения, ожидания и целеполагания. Целеполагание – существенный элемент человеческой деятельности, которое характеризует как мыслительные процессы, так и предметную деятельность человека. Целеполагание является основой опережающего отражения. Подобно тому, как фабула сновидений создается из обрывков пережитых дневных впечатлений, образов, архетипов коллективного бессознательного и метафор родного языка, первоначальный «туристический дискурс» конструируется из обрывков культурных мифов, современных идей, модных поветрий и вечных ценностей. Пространство и время, будучи универсальными формами бытия материи, определяют последовательность и длительность существования событий, характеризующих сущность материального движения. Человек существует «здесь и сейчас», но все его помыслы и вектор существования направлен в «завтра», в «туда, где он еще не был», а содержание его социального бытия определяется тем, кем он был, какой социальный путь прошел «вчера». Только настоящее являет собой

в большей степени реальность, но при этом в ней присутствуют мифологемы прошлого и иллюзии будущего. Мифологемы и иллюзии в своем содержании совпадают друг с другом, диалектически определяя друг друга. Основой существования мифа являются субъектно–объектные отношения.

И все это несет на себе воздействия стереотипов, мифов, идеалов распространенных в культуре, носителями которой являются данные субъекты травелога. Свобода нравов, влияние кино, телевидения и других средств массовой информации действуют на сознание ныне существующих поколений таким образом, что готовят их к новым, более «деловым» прагматичным отношениям, разрушая мифы и иллюзии о их возвышенности и романтичности. Только реальное погружение в процессе травелога в конкретно иную культурную среду, соотношенную со своей культурой, минимизирует роль мифов в освоении конкретной страны. К примеру, Китай – одна из самых заметных и загадочных стран. Давно уже стали общим местом утверждения, что текущий век станет веком Китая, китайцы заселят Сибирь и сосредоточат у себя все мировое производство. Все эти мифы и страшилки только подчеркивают особое место этой страны на мировой карте.

Однако любой, кто побывал в Поднебесной, скажет вам, что никакие предзнания не срабатывают. Все, что мы знаем о Китае – не то, чтобы ложно, но не до конца описывает реальность. Китай сегодня, с одной стороны, современная динамичная страна, с другой, древнейшая культура, до сих пор воспроизводящая свои ритуалы. Или Таиланд – страна бесконечного разнообразия и фантастических контрастов. Путешествие в Таиланд – это встреча со сказочным королевством средневекового восточного чуда, встреча с вечным летом и теплым океаном, с таинственными буддийскими храмами и коралловыми рифами, крокодиловыми фермами и тропическими растениями, с волшебным тайским массажем и тайской кухней наряду с китайской, корейской, японской и др., где можно забыть обо всех заботах и с головой окунуться в праздник души и тела. Летящие в небо крыши и золоченые шпили Большого Дворца, храма Изумрудного Будды, Храма Зари и другие сокровища Бангкока – столицы Таиланда – являются образами из восточных сказок. На ряду с ними не менее удивляют и потрясают высокотехнологичные развязки дорог, «хайтековский» аэропорт, который ежеминутно принимает и отправляет несколько десятков лайнеров со всего мира, при этом тишина и свободное пространство порта обеспечено не только архитектурой и техническим оснащением, но и научной организацией человеко-потоков. Вопреки распространенному среди туристов мнению, Таиланд за пределами «туристской зоны» Паттайи или Пхукета, страна весьма строгих семейных ценностей и буддийской религиозной морали. Запрещен ввоз оружия, порнографии и наркотиков, а контрабанда наркотиков карается смертной казнью.

История реального тревелого была историей расширяющего доступа индивидов к путешествию. В средние века, в Новое время путешествие в силу технических возможностей отнимало много времени и жизни. Поэтому путешествие становилось профессиональным видом деятельности для особых людей, получало организационную и финансовую поддержку государства и общественности. Результатом таких путешествий могли быть географические открытия, научные наблюдения, их описания, формирование торговых, культурных дипломатических и иных

связей между странами, таким же путем шла и колонизация слаборазвитых стран.

Источниками информации о странах служат тревелогои во втором значении этого понятия – описание страны. Бум тревелогов, или, по-старому, путевых заметок, пришелся на 2007–2009 годы, когда ежемесячно выходило сразу несколько книг, в которых авторы делились своими впечатлениями о путешествиях. Это было не столько далеким эхом открытых границ, сколько симптомом повышения благосостояния: у народа появились деньги, но не такие большие, чтобы их можно было инвестировать в бизнес или недвижимость. В результате люди стали инвестировать в себя и путешествовать по миру. Отсюда и спрос на соответствующую литературу. Но кризис 2008-го несколько сократил возможности наших соотечественников по части путешествий, и на рынке литературных тревелогов наступило относительное затишье.

Известные литературные тревелогои могут быть подразделены на несколько видов. Во-первых, это научные исследования, отражающие географию, историю, культуру, обычаи, этикет и др. К этому направлению относятся этносоциальные очерки. Например, книга известного русско-американского писателя, политолога и критика Владимира Соловьева «Как я умер. Субъективный тревелог: новеллы», посвящена путешествию автора по белу свету – от Аляски до Бирмы. Несмотря на разножанровость составляющих содержание, книга читается как целостное произведение, благодаря единому герою, который отправился в путь в поисках приключений, веры и истины. Главный вывод, который делается автором и вполне может быть разделен читателем: где бы ни жил человек, какое бы ни занимал место на лестнице социальной иерархии – он слеплен из того же теста, что и все остальные, ему присущи заблуждения и мифологизация окружающего его мира. Отсюда подзаголовок – «Субъективный тревелог» [5]. В издательстве «РИПОЛ классик» выходит целая серия «Наблюдая за...». Первые две книги, «Наблюдая за англичанами» и «Наблюдая за французами», были переводными, но за ними вышли отечественные – про Голландию, Германию и Корею. К этому же жанру можно отнести «Немецкую систему.

Из чего сделана Германия и как она работает» Сергея Сумленного [8] и книгу Кати Стенвалль «Скандинавия: разочарованный странник» [6]. И автор, и читатель здесь – не легкомысленный и бесшабашный турист нулевых, который отправляется за границу, чтобы потратить заработанные деньги или поискать приключений. Скорее, это экспат по-русски: серьезный человек, который планирует долго жить и работать в чужой стране, а значит, ему нужна подробная и точная информация о ней. Это наиболее полные, достоверные, аргументированные фактами источники, которые описывают страну пребывания в ее историческом движении и реальном экономическом положении в настоящее время.

Во-вторых, еще один важный вид, посвященный «гению места», – краеведение. В каждом крае есть литературные травелоги, но некоторые в силу значимости описываемых объектов и интереса к ним перерастают свои границы. Он особенно популярен в Петербурге в прошлом, а в настоящем – в Москве: глядя на город, который меняется прямо на глазах, причем чаще всего в худшую сторону, люди неизбежно начинают интересоваться уцелевшими старыми зданиями, а затем и историей мест, где они находятся. Здесь самым авторитетным писателем уже много лет остается культуролог и москвовед Рустам Рахматуллин, чья книга «Две Москвы, или Метафизика столицы» в 2008 году вошла в тройку призеров «Большой книги». Рахматуллин берет не только потрясающим знанием фактуры (он один из лучших, если не самый лучший знаток Москвы), но и тем, что ему одинаково важны и реальная, и воображаемая история города, то есть весь набор мифов и легенд, связанных с Москвой [9]. В похожей технике пишет и Андрей Балдин, чьи книги «Московские праздные дни» и «Протяжение точки» последние два года входили в шорт-лист «Большой книги» [7]. Особое место занимает самый модный ныне писатель, проживающий в Перми – Алексей Иванов, лауреат многих премий, по книгам которого начали защищать диссертации и даже ввели новый термин «геопэтика», видимо по аналогии с геополитикой. У Алексея Иванова в его ныне прославленных геоисторических романах «Сердце Пармы» и «Золото бунта» настолько причудливо и правдоподобно переплетаются

мифические образы и историческая правда жизни, что дух захватывает, и необъяснимая сила влечет посетить те географические места [3, 4]. Наконец, появляется «пародийное краеведение». Написанная целым коллективом авторов книга «Выше, дальше, ниже» представляет собой пародийный путеводитель по волжским городам, в котором выдумываются довольно правдоподобные легенды о Поволжье. Может этот опыт не самый удачный, но он свидетельствует о том, что на двадцатом году жизни при открытых границах наши соотечественники начинают все больше интересоваться родной страной.

В-третьих – это рекламные издания, так называемые путеводители, которые акцент делают на востребованных туристских достопримечательностях, включая акцент на комфортные природные условия существования и обслуживания. Они характерны, прежде всего, для тех стран, которые в своей экономике имеют высокий удельный вес туристского бизнеса. Понятно, что рекламных изданиях происходит некая мифологизация объектов презентации, их уникальности. К примеру, на личном опыте убедились, что каждая страна, которая обладает статуей лежащего Будды, утверждает, что ее параметры самые большие в мире.

В-четвертых – это травелоги личных впечатлений современных туристов. Это направление травелогов также можно разделить на несколько видов. К первому относятся описания авторов, которые как бы «подсели» на путешествия, стали от них зависимы, превратив большую часть своей жизни в практический травелог или травелог превратили в образ жизни. В этих описаниях акценты делаются не на объектах посещения (стране или памятнике истории или архитектуры), а на психологических переживаниях от встречи с ними. К этим литературным травелогам можно отнести книги Вадима Должанского, Поэт, журналист, путешественник, участник многочисленных экспедиций, объездивший полмира, побывавший даже в самых экзотических странах, делится личным опытом о том, как правильно летать на самолетах, как, чем и когда питаться, как себя защищать, а также об особенностях путешествий в тропиках или Антарктиде [2] и автобиографичные книги Ильи Стогова. Герой его книг живет

в пути. Дорога – это краеугольный камень его бытия. Мелькают страны, города – новые впечатления, новые люди, новые отношения, чужие жизни, история и современность сменяют друг друга в головокружительном калейдоскопе. Все это завораживает, заинтересовывает и побуждает желание испытать подобное [7].

Другой вид очень широко представлен в Интернете, в так называемых форумах путешественников. Заявленная цель большинства форумов – поделиться личным практическим опытом о поездке, рассказать о том, что не написано в путеводителях, что может помочь будущим путешественникам сориентироваться в незнакомом месте, правильно выбрать гостиницу и маршрут поездки, чтобы не тратить лишних денег и не пропустить интересных достопримечательностей. Однако мотивы, заставляющие авторов создавать подробные описания своих путешествий, гораздо шире. Основным стимулом к публикации является конструирование позитивной идентичности – образа себя как свободных, благополучных, удачливых, компетентных, богатых и достойных уважения людей. Поэтому рассказы путешественников, будучи субъективным образом объективного мира гораздо больше говорят о самих авторах, чем о местах, где они побывали. В ходе дискурсов участники форумов не просто обмениваются впечатлениями, но и формируют некие нормы или «канон»: чем принято восхищаться, что ругать, а что – снисходительно прощать стране, куда приезжаешь на неделю-другую. Складывающиеся на наших глазах виртуальные сообщества путешественников – это своеобразный клуб по интересам или светский салон, где обсуждается «мода сезона», оттачиваются нормы поведения, принимаются коллективные решения о том, что соответствует, а что не соответствует этим нормам, и кого, следовательно, можно включить в число «своих», а кого нет. Форумы путешественников не только разъясняют участникам правила «цивилизованного» поведения за границей, но и устанавливают своеобразные правила самопрезентации на форуме. Поэтому многие участники стремятся не только поделиться своими впечатлениями от поездки, но и покрасоваться, продемонстрировать свое превосходство над окружающими. Скромный,

экономный во многом себе отказывающий в повседневной жизни человек на отдыхе стремится стать «королем на час», сорит деньгами, пускает «пыль в глаза: окружающим. Капризы, завышенные требования и претензии к сервису являются неотъемлемой частью поведенческой модели. Анализ дискурсов на туристских форумах говорит о том, что российский туризм развивается в том же направлении, что и западный, для которого наиболее актуальными проблемами начиная с середины 1970-х годов являются «симулякры», «псевдособытия» и «имитация аутентичности».

В заключение следует отметить, что видовая и сюжетная пестрота дискурсов травелогов отражает неисчерпаемые возможности практического феноменологического освоения мира.

1. Балдин А. Московские праздные дни. Издательство АСТ. – 574 с.

2. Должанский В.Ю. Наука путешествовать: как найти приключения. – М.: Издательство «Ниола-Пресс, 2008, 176 с.

3. Иванов А. Сердце Пармы СПб.: Издательство Азбука-классика, 2003. – 576 с.

4. Иванов А. Золото Бунта СПб.: Издательство Азбука-классика, 2005. – 611 с.

5. Соловьев В. Как я умер. Субъективный травелог: новеллы / Владимир Соловьев. – М.: РИПОЛ классик, 2007 – 720 с.

6. Стенвалль К. Скандинавия: разочарованный странник. СПб.: Издательство: Амфора travel, 2010. – 317 с.

7. Стогов И. Апокалипсис вчера. Дневник кругосветного путешествия. – Издательство Амфора, 2008. – 256 с.

8. Сумленной С. Немецкая система. Из чего сделана Германия и как она работает. – М.: Издательство Эксперт, 2010. – 456 с.

9. Рахматуллин Р. Две Москвы или метафизика столицы. М.: Издательство АСТ, 2008.

1. Baldin A. Moskovskie prazdnye dni. Izdatel'stvo AST. – 574 s.

2. Dolzhanskij V.Yu. Nauka puteshhestvovat': kak najti priklyucheniya. – M.: Izdatel'stvo «Niolla-Press, 2008, 176 s.

3. Ivanov A. Serdce Parmy SPb.: Izdatel'stvo Azbuka-klassika, 2003. – 576 s.

4. Ivanov A. Zoloto Bunta SPb.: Izdatel'stvo Azbuka-klassika, 2005. – 611 s.

5. Solov'ev V. Kak ya umer. Sub'ektivnyj travelog: novelly / Vladimir Solov'ev. – M.: RIPOL klassik, 2007 – 720 s.

6. Stenvall' K. Skandinaviya: razocharovannyj strannik. SPb.: Izdatel'stvo: Amfora travel, 2010. – 317 s.

7. Stogov I. Apokalipsis vchera. Dnevnik krugosvetnogo puteshhestviya. – Izdatel'stvo Amfora, 2008. – 256 s.

8. Sumlennoj S. Nemeckaya sistema. Iz chego sdelana Germaniya i kak ona rabotaet. – M.: Izdatel'stvo E'kspert, 2010. – 456 s.

9. Raxmatullin R. Dve Moskvyy ili metafizika stolicy. M.: Izdatel'stvo AST, 2008.

MYTHOLOGICAL IMAGES AND REALITY IN THE TRAVELOGUE AND IN IT`S LITERARY ANALOGY

Romanova Kira Stepanovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
Senior researcher,
Candidate of Science (Philosophy), associate professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: romkira@yandex.ruAnnotation

Annotation

The essay is dedicated to the investigation of the correlation between the mythological images and the reality in the travelogue and in it`s different literary realizations.

Key words:

travelogue, mythological images, illusions, reality, literature.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала Дискурс-Пи

1) Автор направляет рукопись по электронной почте.

2) Текст статьи представляется на русском языке объемом 19 100 знаков (без учета пробелов, включая сноски). Формат файла – Microsoft Word 97–2003. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон – 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзачным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т. е. не вручную (не пробелами или табуляцией).

3) В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов и должны иметь последовательную нумерацию. Электронный вариант каждой иллюстрации представляется в отдельном файле.

5) Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

6) Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7) Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 28]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке.

8) Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9) Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11) Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12) Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

- краткая (до 300 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

- ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);

- сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

Дискурс-Пи: Научный журнал / учредитель Уральское отделение Российской академии наук, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук; под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2013, вып. 13. – 156 с. – ISSN 1817-9568

**IP&L INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW**

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук**

Темы следующих выпусков:

«Перформативный дискурс»

«Иронический дискурс»

Рекомендовано к изданию

*Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
Екатеринбург, 2013*

Главный редактор

О. Ф. Русакова

Дизайн обложки

В. В. Русаков

Компьютерная верстка

GEO

Подписано в печать 30.11.2013 г.

Формат 60x84^{1/8}

Усл. печ. л. 18,14

Тираж 300 экз. Заказ № ____

Издательский Дом «Дискурс-Пи»

620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233

Тел.: +7 902 870-86-06

<http://www.discourse-p.ru>

e-mail: info@discourse-p.ru, info@idipi.ru

Отпечатано в типографии ИРА УТК

620146, г. Екатеринбург, ул. Шаумяна, 83.